

ОРДЕН
ЗНАК
ПОЧЕТА

СМЕНА

№5 МАЙ

ЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

2023

A close-up portrait of Alexander Peskov, a man with dark hair, resting his head on his hand. He is wearing a dark sweater and looking directly at the camera with a slight smile.

АЛЕКСАНДР ПЕСКОВ:

*«Когда меня спрашивают, есть ли у меня хобби,
я отвечаю, что хобби — это моя работа»*

Пьетро Аретино

Тициан

*О жизни и творчестве художника Тициана
и о его друге — Пьетро Аретино читайте на стр. 82*

Чтобы помнили

<i>Юлия Макарова</i>	Стихи	4
<i>Виктор Елисеев</i>	Экипаж машины боевой	7
	Сестра милосердия	10
<i>Михаил Михайлов</i>	Бабушкин плакат	13

Неизвестное об известном

<i>Юрий Осипов</i>	Портретист выродившейся жизни	19
<i>Светлана Марлинская</i>	Великий русский меценат	29
<i>Алла Зубкова</i>	Единственный и неповторимый	95

Замечательные современники

<i>Дарья Соколова</i>	Александр Песков: «Талант — это данность природы, ниспосланный Богом»	38
<i>Денис Логинов</i>	Доктор с очень внимательным взглядом	68
<i>Марина Бойкова</i>	Иван Агапов: «Когда тревожно за окном, люди чаще приходят в театр»	106

Минувшее

<i>Виктор Елисеев</i>	Шесть часов неравного боя	47
-----------------------	--	----

Судьбы

<i>Евгения Гордиенко</i>	Журналист номер один	51
--------------------------	-----------------------------------	----

Рассказ

<i>Михаил Смирнов</i>	Журавушки	58
-----------------------	------------------------	----

Это интересно

<i>Дмитрий Зелов</i>	Демон поверженный	76
<i>Юрий Прокопчук</i>	Аристократ духа	92

Шедевры

<i>Ирина Опимах</i>	Тициан. Портреты Аретино	82
---------------------	---------------------------------------	----

Легенды отечественного футбола

<i>Михаил Сергеев</i>	Истинный мастер футбольных баталий	114
	Неповторимые удары блестящего нападающего	117

Детектив

<i>Екатерина Маркова</i>	Актриса	120
--------------------------	----------------------	-----

Кроссворд. Эрудит

**Главный редактор,
генеральный директор**

Кизилев Михаил Григорьевич

**Заместитель главного
редактора**

Чичина Тамара Васильевна,
tomasmena@mail.ru

Арт-директор

Веселова Надежда Александровна

**Директор
по распространению**

Гордынская Мария Александровна,
sales-smena@yandex.ru

Web-редактор

Калиша Людмила Григорьевна,
smena24@mail.ru

**Собственный
корреспондент**

Зелов Дмитрий Дмитриевич,
smena-the-best@mail.ru

Обложка

Актер Театра Луны и киноактер
Александр Песков.
Фото из личного архива

Иллюстрации

Рябинин Лев Анатольевич

**УЧРЕДИТЕЛЬ И ИЗДАТЕЛЬ:
Общество с ограниченной
ответственностью
«Издательский дом
журнала «Смена».**

Адрес редакции и издателя:
127137, Москва,
ул. Правды, д. 24, стр. 4
+7 (495) 612-15-07

Для писем:
127994, Москва, ГСП-4,
Бумажный проезд, 14, стр.1
www.smena-online.ru

Распространение,
кроме подписки,
осуществляется через
ООО «МДП "Маарт"»
127018, г. Москва,
Марьиной Рощи 3-й проезд,
40, строение 1
+7 (495) 744-55-12

© **ООО «Журнал «Смена»**

ООО «Журнал «Смена» имеет авторские права
на подборку и оформление материалов.
Фото, участвующие в оформлении, —
из открытых источников Интернета.

Отпечатано: **ООО «Типография «Миттель Пресс».**
127254, г. Москва, ул. Руставели, д. 14,
стр. 6, офис 7

Тираж — 8450

Зак. №

Цена свободная

Номер подписан в печать: 19.04.2023

Номер выходит при финансовой поддержке
Министерства цифрового развития связи
и массовых коммуникаций Российской Федерации

«Многие замечали, что Брюсов родился сразу «взрослым», а потом до старости оставался «немолодым мальчиком». В три года он уже читал, в восемь лет освоил... Добролюбова — родителям оставалось только руками разводиться. «Я хочу быть тигром, — говорил в детстве своей тетке Валерий. — Он самый сильный и ничего не боится». Будущий непререкаемый поэтический авторитет и основоположник русского символизма и впрямь ничего не боялся. Еще учась в гимназии, он рвался к славе и подстегивал себя в дневнике: «За работу, жизнь не ждет!» Таким неутомимым трудоголиком Брюсов останется до конца своих дней. Привыкший жертвовать друзьями, близкими, возлюбленными, он неожиданно сам стал жертвой власти, которой пытался ревностно служить...

Юрий **Осипов** «Расчетливый Демон»

«Императору Николаю I посчастливилось повстречать на своем жизненном пути двух женщин, отдавших ему свои сердца. Первую он встретил еще восемнадцатилетним юношей, и она стала его верной спутницей на всю жизнь. Вторую полюбил, будучи уже властелином огромной империи...

Алла **Зубкова** «Два романа "Железного императора"»

«Толстовские героини надолго остаются в памяти. Наташа Ростова, Анна Каренина, Катюша Маслова поражают воображение читателей разных возрастов. Будучи тонким психологом, Толстой настолько точно передавал особенности женской души, характеры героинь, что созданные гением образы воспринимаются как живые. Работая над романом «Анна Каренина», Толстой использовал факты, события, свидетелем которых был сам.

Юрий **Прокопчук** «"Анна Каренина" и женские судьбы в XIX веке»

«Мир этого художника-сказочника и очень доброго человека Владимира Григорьевича Сутеева известен многим людям, кто родился и жил в стране, которая называлась СССР. И не только его блистательные рисунки остались в благодарной памяти нескольких поколений, но еще и захватывающе-интересные книги, мультипликационные фильмы. У этого уникального художника в его многогранном творчестве было главное магистральное направление — он творил для детей, и это доставляло ему огромную радость. И хотя своих детей он не имел, поклонниками его творчества были миллионы!

Виктор **Ом** «Я счастлив, что работал для детей»

«Детектив Наталии **Солдатовой** «Бедный богатый мальчик»

Юлия Макарова

Бой догорал

Бой догорал. Как злобные собаки
Брехали отступившие враги,
У выживших в безумной этой драке
В крови и грязи тонут сапоги.
А сколько их осталось? Единицы.
Сегодня им, выходит, повезло.
Усталые, измученные лица —
Тяжелое досталось ремесло.
Шинели, забуревшие от крови,
На ранах сбились грязные бинты.
А вот один склонился к изголовью:
— Я жив, браток! А ты?! Ну как же — ты?!
У командира сердце рвется в клочья —
Опять зайдет в горе чья-то мать,
Убита санитарка. «Как же, дочка,
Родным твоим об этом написать?!»
Прогорклым дымом закоптилось небо,
И нынче тут не скошена трава.
Как вдруг — на автомат — белейшим снегом!
— А ведь сегодня праздник Покрова! —
Сказал солдат. И было непонятно —
Лет двадцать ему или пятьдесят.
Бой догорал. Враг повернул обратно.
Над страшной жатвой полыхал закат...

Детям блокады

Холодно.

Голодно.

Чувства спутаны.

Бьется

пургою

февраль.

Мальчик,

в шубейку

закутанный,

смотрит

на календарь.

Мысли —

о хлебе?

о солнышке? —

Нет,

вообще

не о том...

Дрогнули

стекла

оконные —

рядом

обрушился

дом.

Сил не хватает...

по лестнице...

В бомбоубежище

чтоб...

В буржуйке —

детское креслице...

И больше

не будет

дров.

Как тебя звать —

Алешенька?

Ваня?

Сереза? —

Скажи!

Страшной

старухой

скошена

Твоя

невинная

жизнь.

А календарь —

там отмечены

Черным.

По сердцу.

Дотла —

Умерли.

Умерли

женщины:

бабушка,

мама,

сестра.

...Черные

призраки,

тени ли,

станут

по дому

бродить...

...Завтра

его

день рождения,

Если

сумеет

дожить...

Цена Победы

Девочка плакала... Русыми косами
Слезы стирала с лица:
— Даже не верится, дожили, господи!
Ада дождались конца!
Мамочка, мамочка! Скоро увидимся!
Жди меня, милая, жди!
Выжили... Вынесли...
Как же мы вынесли
Смерти свинцовой дожди?!
Встретишь одну ты меня у околицы,
Братья мои не придут...
Саня и Ванечка, Толя и Колечка
Сгнули в этом аду.
Я посажу за них рядом со школою
Вишен и яблонек сад,
Пусть соловьиною песней веселою
Радует новых ребят!

Крики «Ура!» разносились под соснами —
Весть о Победе быстра!
Плакала девочка с русыми косами,
Девочка-медсестра...

Экипаж машины боевой

С фотографии на нас смотрят, словно сошедшие с полотна русского художника, четыре брата-богатыря в танкистских шлемах. Как-то не повоенному добродушные, улыбающиеся...

В деревне Веселовка, что ныне в Добринском районе Липецкой области, жил Герасим Григорьевич Цуканов. Жена Прасковья Поликарповна одарила его четырьмя сыновьями. Старший, Василий, появился на свет в 1915 году, а через два года — Александр. В голодном и холодном 1918 году родился Михаил. Через два года еще один сын, которого нарекли Виктором.

Страна после братоубийственной гражданской войны приступила к мирному труду. Только для старшего Цуканова жизнь не была такой уж мирной. Работал он в органах милиции, далеко от родных — в селе Нижняя Матренка. Это селение и окрестный тамошний лес кишели не только дезертирами, но и настоящими бандитами, которые терроризировали местное население, отбирали скот, птицу, а порой убивали местных активистов и мирных селян. Герасиму Григорьевичу довелось принять участие в ликви-

дации банд Покровского и считавшегося неуловимым Стефана Михалева.

А сыновья тем временем росли без отцовского присмотра и во всем помогали матери. В летнюю страду оказывали посильную помощь местному колхозу имени Варейкиса.

Незадолго до войны дружное семейство Цукановых перебралось в Москву. В 1938 году в ряды Красной армии призвали Михаила. Василий и Александр уже служили в танковых войсках. В то время центральные газеты писали о семейном танковом экипаже братьев Михеевых, сражавшихся на Халхин-Голе. И решили тогда братья создать свой семейный экипаж. Виктор, которому шел восемнадцатый год, не хотел отставать от братьев. После прошения на имя Ворошилова и Сталина его как добровольца зачислили в танковый экипаж Цукановых. Первоначально братьев направили в танковую школу, которую они окончили в 1939 году. В Красной армии появился еще один семейный танковый экипаж. Александр стал командиром танка БТ-7, Михаил — стрелком-радистом, Виктор — командиром орудия, а Василий — механиком-водителем.

Первый свой бой братья Цукановы приняли на западной границе, сражаясь в танковом корпусе генерала Слюсаренко. Вскоре об их подвигах и героизме узнала вся страна. Одна из газет того сурового времени поведала о них в статье «Герои танкового тарана»:

«Машина, которую вел механик-водитель Василий, устремилась в тыл гитлеровцев, уйдя более чем на двадцать километров от своих. Маневр экипажа был ошеломляюще дерзок и смел. Враг его не ожидал. Позади остались раздавленные орудия фашистов, разбегавшиеся в панике враги. Навстречу экипажу устремились девятнадцать бронированных чудовищ с крестами на бортах. Меткими выстрелами Виктор подбил один из них. Вскоре задымился второй. Танк с красной звездой на броне посылал один снаряд за другим. Шесть немецких танков уже исходили зловонным смрадом. Остальные позорно покинули поле боя. Это была тридцать восьмая атака младшего сержанта Василия Цуканова. За нее он был награжден орденом Ленина».

В сражении за Львов Александр был ранен и попал в госпиталь. А братья вновь повели свой танк в атаку. Несколько суток Александр оставался без сознания. Вскоре в город ворвался враг, и танкист оказался за колючей проволокой. Дважды бежал из концлагеря, и дважды его ловили. И лишь на тре-

тий раз ему «улыбнулось счастье», в 1943 году. Он сформировал партизанский отряд и громил гитлеровцев в Чехословакии, затем — в Венгрии.

В победном мае 1945 года в Вене произошла встреча братьев-победителей — Александра и Василия. Василий к этому времени был уже лейтенантом бронетанковых войск. Но, встретившись, братья не знали, что в 1941 году по Центральному радио к ним обратился отец: «Дорогие сыночки! Порадовали вы нас стариков, своим письмом. Помню, как вы втроем Александр, Василий и Михаил подали заявление командованию, чтобы вас назначили в танковую часть, и как младшенький Виктор вам завидовал. Но сбылась его мечта, и его приняли в ваш танковый экипаж. Тут все знакомые и незнакомые меня про вас спрашивают. Так что трудитесь в боях во славу Отечества. Воюйте так, чтобы я мог пожелать всем нашим советским отцам таких сыновей, как вы...»

В августе 1941 года от пули немецкого снайпера погиб Михаил. Василий и Виктор продолжали громить ненавистного врага. Старший из братьев — Василий — служил механиком-водителем танка, а Виктор был командиром башни.

Не раз приходилось братьям бывать в жарких боях. Как-то подразделению, где они служили, было приказано атаковать занятый фашистами населенный пункт. Утром че-

тыре танка пошли в атаку. Танк Цукановых был головным. Кроме братьев в нем находились еще командир машины Витин и радист Староверов. Немцы заметили танки и открыли огонь из тяжелых орудий. Один из снарядов пробил башенный люк головного танка. Осколками убило Виктора Цуканова. Как раз в этот момент навстречу четырем боевым машинам вышли пятнадцать танков противника. Растеряться сейчас, отступить перед ними, значит, сорвать операцию. Надо было действовать решительно и быстро.

— Брата посадите рядом со мной, — сказал Василий Цуканов, — а Староверов пусть займет его место.

И вот мертвого Виктора усадили на место радиста. Староверов же перелез в башню стрелка, чтобы

вести огонь. Василий устремил танк навстречу врагу. Началась жесткая схватка. Вот загорелась одна из фашистских машин, завертелась другая с подбитой гусеницей. Танк Цуканова, как вихрь, метался по снежному полю.

Немцы не ожидали такой дерзости от четырех машин, поскольку были уверены в своем превосходстве. Но инициатива боя была уже в руках наших танкистов. Не выдержав стремительной атаки, немецкие танки отступили.

Отбив контратаку вражеских танков, Цуканов повел свою машину на скрытые пулеметные гнезда противника. С разгона он давил их тяжелыми гусеницами, ломал и крушил оборонительные сооружения. Командир и Староверов в это время без передышки вели огонь.

А в танке рядом с живыми сидел их мертвый товарищ. Живые мстили врагам за его смерть. Закончив бой, танкисты остановились, чтобы похоронить Виктора. Незадолго перед смертью Виктор на листке ученической тетради писал родителям: *«Дорогие родители, папа и мама! Пишу вам письмо, в котором хочу сообщить о том, что мы все живы. Чувствуем себя прекрасно, в любую минуту братья опять повторят грохот своих орудий и звон гусениц, которого очень боятся немцы. Идя в атаку, мы пожали друг другу руки и запели песню. Пели, пока не раздалась команда Саши: "Младший брат, заряжай!" От первого снаряда пушка взлетела в воздух. Это был снаряд за Родину, а остальные — за счастливую*

жизнь. И мы все заверяем, что победа будет, безусловно, за нами. Желаю вам долгих лет спокойной жизни. Не беспокоиться и не плакать, а то для нас здесь будет хуже.

Ваш младший сын Виктор Герасимович Цуканов ждет от вас ответа».

За проявленный героизм и мужество в своем последнем бою Виктор Цуканов был посмертно награжден орденом Красного Знамени.

Отгремели бои. В родительский дом вернулись два брата Цукановых — Александр и Василий. Они свято хранили память о погибших братьях. Василий назвал своего сына — Виктором, Александр — Михаилом. Жизнь продолжается...

Сестра милосердия

Где-то среди степей привольно раскинулось село Сухая Лубна. Это в двадцати минутах езды от нынешнего областного города Липецка. Когда-то здесь простиралась ковыльная степь, повидавшая многое, особенно набеги крымских татар, а в XVIII веке в здешних местах зародилась металлургия. Именно здесь 18 апреля 1925 года появилась на свет Ксения Константинова. Родители ее, Семен Григорьевич и Арина

Семеновна, были простыми сельскими тружениками...

А на обильно политой кровью Смоленской земле затерялась небольшая деревушка Раскопы, в которой, вдали от родной Липецкой земли, похоронили Ксению...

По окончании средней школы девушка поступила в Липецкую фельдшерско-акушерскую школу. Ей шел семнадцатый год, когда началась война. Дважды Ксения пыталась добровольцем уйти на фронт, но райвоенком, ссылаясь на молодость, отказывал ей. И все-таки она добилась своего. В феврале 1943 года тайком покинула родительский дом, не попрощавшись ни с родными, ни с друзьями. А чуть позже Арина Семеновна получила письмо от дочери: «...Мама, спешу сообщить, что выезжаем сегодня... Теперь на скорую встречу не надеюсь. Но все это

ничего, пустяки, лишь бы разбить немчуру, а тогда, может быть, проживем вместе с тобой и папой... Обо мне не беспокойся, у меня все хорошо. Извини меня, мама, иначе я не могла поступить... Целую всех, Ксения». Это единственное письмо Ксении Семеновны датировано 5 апреля 1943 года, оно было послано родным за несколько часов до отправки на фронт.

Пройдя краткосрочные курсы, Ксения, уже старшина медицинской службы, была зачислена санинструктором санитарного взвода 3-го батальона 730-го стрелкового полка 204-й стрелковой дивизии 43-й армии Калининского фронта.

Шли ожесточенные бои, враг беспрестанно атаковал позиции батальона.

Под артобстрелом Ксения оказывала первую медицинскую помощь

и выносила раненых с поля боя, а потом снова ползла под свист пуль и разрыв снарядов. Неоднократно наши бойцы поднимались в атаку, и в первых рядах вместе с ними была и старшина Константинова. В одной из таких атак она была ранена и оказалась в госпитале. Но долго Ксения там не пробыла — не долечившись, снова вернулась в родную часть, где ее ждала первая награда, медаль «За боевые заслуги». Этой награды она была удостоена *«...за то, что в период наступательных боев с 12 по 23 июля 1943 года вынесла с поля боя 16 тяжелораненых бойцов и оказала помощь 22 раненым бойцам и командирам с эвакуацией в тыл»*.

А впереди были новые бои. И вновь приходилось под огнем врага, рискуя своей жизнью, выносить десятки бойцов и офицеров. В сентябре 1943 года 204-я стрелковая дивизия, в которой воевала Константинова, была переброшена на витебское направление. Шли ожесточенные бои на Смоленской земле, гитлеровцы оказывали упорное сопротивление. Третий батальон вел тяжелые бои у деревни Узгорки за участок шоссе на дороге Смоленск — Витебск. Враг беспрестанно атаковал, и батальон нес большие потери.

В полдень 1 октября бойцы, перейдя в атаку, сумели выбить врага из деревни, и батальон устремился вперед. У небольшого холма в лощине Ксению ждали раненые. Но всех раз-

местить в повозке не удалось, и она приказала ездovому побыстрее возвращаться за остальными. В этот момент раздались автоматные очереди, и на вершине холма показались гитлеровцы, более ста человек.

— Быстрее гони, я задержу их! — крикнула Ксения.

Повозка, которую уже начали обстреливать, скрылась в кустарнике, а Ксения, перебегая с места на место, открыла огонь из автомата. Гитлеровцы залегли. Но силы были неравные, и вскоре девушка была ранена в голову. Наспех перевязав рану, она продолжала отбиваться от фашистов. Заканчивались патроны, одиночные выстрелы раздавались все реже и реже, и гитлеровцам удалось схватить обессиленную девушку.

На следующий день враг был выбит с этого участка, и бойцы нашли тело Ксении со следами нечеловеческих истязаний. Изверги-фашис-

ты отрезали ей нос, груди, выкололи глаза и прибили колом к земле. Недалеко от нее валялись двенадцать трупов гитлеровцев, уничтоженных Ксенией.

Командир полка 9 октября 1943 года ходатайствовал о присвоении К.С. Константиновой звания Героя Советского Союза. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 4 июля 1944 года старшине медицинской службы К.С. Константиновой было посмертно присвоено звание Героя Советского Союза.

О последнем дне жизни Ксении Константиновой около тридцати лет назад поделился ее сослуживец Валентин Лазаренко:

— Нашему батальону был дан приказ преследовать отступающего противника. На построении Ксения стояла рядом со мной. Она была бодрой и веселой. Комбат приказал ей оставаться с ранеными бойцами

в тылу, а остальным бойцам — двигаться дальше. Когда последовала команда следовать вперед, Ксения обняла меня и прошептала: «*"Прощай, у меня такое предчувствие, что я тебя больше не увижу. Береги себя". Я стал ее убеждать, что со мной ничего не может случиться, я вернусь и мы будем вместе... Я вернулся, но вместе нам быть так и не пришлось...*».

Похоронена отважная девушка в селе Раскопы Руднянского района. Память о героине свято чтут на ее родине. В Липецком медицинском колледже, Елецком медицинском колледже и родной школе, где училась Ксения Семеновна, установлены мемориальные доски. Ее именем названа одна из площадей областного Липецка. Ее имя носили пионерские дружины, а на смоленской земле на месте гибели Ксении Константиновой соружен обелиск.

Михаил Михайлов

Бабушкин плакат

— Бабушка, бабушка, я дядю Митю нашел! — закричал Сашка, подбегая к дому. Толкнул ногой ветхую калитку и, распугивая во дворе кур, опять закричал: — Бабушка, я дядю Митю нашел!

Старуха, сгорбившаяся над корытом со стиркой, подняла голову.

— Ты почему без пальто? — начала она, но тут же осеклась: — Какого дядю Митю?

Саша, окропленный веснушками мальчуган, развернул на земле большой плакат и выпалил:

— Какого-какого... Нашего!.. Вот он! — и ткнул пальцем в снимок.

Бабушка опустилась на колени и, вытирая о передник мыльные руки, взгляделась в фотографию. На ней были видны пушка и четверо солдат в ватниках и касках. Один держал в руках снаряд, второй вглядывался в прицел, третий тащил из-под дерева снарядный ящик, а четвертый стоял чуть в стороне с поднятой рукой. Снимок был явно любительский — нечеткий, расплывчатый.

Сашка все еще порывисто дышал и не сводил победного взора с плаката. Бабушка перевела непонимающие глаза на внука, и тот скороговоркой пояснил:

— В бою под Харьковом расчет сержанта Сергеева Д.И. уничтожил три танка, два тягача и более ста пятидесяти солдат вражеской пехоты... Так тут написано.

Мгновение взгляд бабушки не менялся, потом она вдруг осела на землю и, глухо простонав, заплакала.

Саша забежал вокруг нее. Вцепился в ее руку, попытался поднять бабушку, но понял, что не справится, и заревел во весь голос. Бабушка пришла в себя, обняла внука и, с трудом выдыхая, с паузами, попросила:

— Зови скорее деда... Он в магазин за хлебом пошел... Давай, внучек, бегом за ним!..

Сашка выскочил на улицу и, взбивая дорожную пыль, понесся во всю прыть.

Запыхавшийся дед почти вбежал во двор. Плакат был разложен на столе около летней кухни, а рядом на скамейке сидела бабушка в вы-

ходном платье и, разглядывая снимок, тербила пальцами концы нового платка. Дед осторожными шагами приблизился к жене.

— Читай! — приказала она.

— Они сражались за Родину, — медленно пробубнил дед.

— Здесь читай, — с нетерпением указала бабушка, — под карточкой.

Дед, невпопад перебирая губами, одолел надпись, странно дернулся, попятился и, бухнувшись на скамейку рядом с бабушкой, тихо заплакал.

Старики смотрели на фотографию. Он — сухонький, сгорбившийся, с белой жиденькой бородкой и тяжелыми темными руками; она — прямая и строгая, сохранившая дородность и гордую степенность до преклонных лет.

Сняв парусиновый картуз, дед промокнул им глаза, положил на стол рядом с собой и попросил:

— Сашка, рассказывай...

Сашка кашлянул и начал:

— Значит, так... В школе ко дню Победы оформили стенды. Мы на переменке побежали их смотреть. Я увидел этот плакат, прочел и обомлел. А вдруг, думаю, это наш дядя Митя? Побежал к учительнице, Александре Никитичне, и говорю: «Там на снимке мой дядя. Можно я плакат бабушке и дедушке покажу? Они у меня старенькие, им сюда тяжело идти». Александра Никитична подошла к плакату, посмотрела на фотографию, потом на меня, сняла плакат, свернула его: «Неси!» Я и принес.

— Так, говоришь, посмотрела сначала на плакат, потом на тебя? — Дед машинально погладил бороденку, встал, надел картуз, снова его снял и неожиданно для Сашки спросил: — Портфель в классе остался?

Сашка молча кивнул, а сам растерянно подумал: «Как это он может о каком-то портфеле спрашивать, когда наш дядя Митя нашелся».

— Вот что, внучек, беги в школу, найди там Михаила. Пусть передаст батьке с матерью, чтобы вечером у нас были.

При упоминании о школе Сашка поморщился. Но то, что дед так уважительно произнес имя Мишки, своего задиристого внука, а его, Сашки, двоюродного брата, говорило о важности поручения.

Вечером собрались все родственники. Дед встал и, запинаясь, начал:

— Вот ведь как получилось... Сегодня Сашок принес из школы плакат. Вот он. В нем написано про нашего Митю...

И хотя об этом уже все знали, сидели молча. Мужчины дымили папиросами.

— Значит, так... — Дед словно вспомнил времена Первой мировой войны, на которой дослужился до фельдфебеля и заслужил Георгиевский крест, и строго распорядился: — Ты, Егор, как человек с фронтовой закалкой, сходи в школу. Узнай, откуда эта фотография, где делали плакат. Фотографию, наверное, взяли из военного архива. Надо

туда написать... А если дело позовет в дорогу — и до Москвы доедем...

Дед обычно никогда не говорил ни о дяде Семене, погибшем в войне с германцами в 1915 году от газов, ни о дяде Мите, пропавшем без вести в конце 1943 года. Бабушка же, наоборот, часто рассказывала о дядях. Особенно о младшем — Мите. Он ей часто снился, и каждый раз, разгадывая сон, она возвращалась к военной поре.

Бабушка умела и любила рассказывать всякие были и небылицы. Особенно про Илью Муромца. Это и понятно: сама ведь из тех же мест, откуда Илья родом — из-под города Мурома. Сидя на краешке постели, она мелодичным голосом напевала: «В некотором царстве, в некотором государстве...»

И для детей все вокруг преобразилось... Слушали ее с веселым вниманием и взрослые. Но всегда, с чего бы она ни начинала сказку, сбивалась на разговор о дяде Мите.

Вот и в тот памятный вечер, рассказывая на ночь Сашке и его младшему брату сказку, она поделилась с ними своим последним сном:

— Прихожу я, значит, домой с базара. Легла отдохнуть, и вдруг мне сквозь сон будто кто-то шепчет: «Загляни в сундук, загляни в сундук...» А чего, думаю, в него заглядывать, когда там все в порядке, вчера только проветривала. Ну и лежу-полеживаю. А он, голос, опять шепчет: «Загляни в сундук, загляни...» Ну я, значит, открыла сундук,

стала перебирать вещи и вдруг гляжу, а по руке-то змейка ползет — так медленно и так щекотно. И главное, я ее не боюсь. Ползет и ползет, при этом ласково так смотрит. Я и спрашиваю: «Чего тебе, родимая, — молочка?» А она молчит, только язычок свой красный показывает. Уж на плечо взобралась и нежно головкой своей о щеку мою трется. Тут меня и осенило. Как закричу: «Ми-тень-ка!» И проснулась. Лежу и понимаю — жив мой сыночек. Не мог он без вести пропасть, меня не повидав. А змейка, значит, к свиданию. Придет скоро мой Митенька. Придет или объявится где-то.

Сашка с братом никак не могли увязать змейку с дядей Митей, но, прижавшись друг к другу, слушали не дыша, веря, что дядя Митя, такой красивый на фотографиях, обязательно придет.

А бабушка продолжала:

— Вот сын Антонины в Канаде какой-то объявился... Письмо прислал. Пишет, что женат на француженке. И детей у них двое. Это хорошо, что живой, только как же так — живой, и в Канаде? Нет, Митенька наш придет домой, просто он где-то задерживается на особой работе. Он у меня всегда башковитый был... Дьячок почему его грамоте учил? Потому что смышленный Митенька был. Читать и писать так быстро выучился, что и дьяка за пояс заткнул, сам учить людей грамоте стал, активничал в лик-бе-зе, — еле выговорила она чуть ли не по сло-

гам трудное для нее слово. — А потом и фотографировать научился. Даже для газеты фотографировал. Очень его уважали. Он и на войну с фотоаппаратом и гармошкой пошел. А как на гармошке играл! Девки любили... А он голубоглазый, и глаза большие! Серьезный был, не гонялся за каждой юбкой, одну Пашеньку только и любил... Думали уже свадьбу играть. А тут война. Он в армии не служил по причине слабого здоровья, а на войну взяли. И уже в августе сорок первого Митенька был на фронте. Письма писал не так, чтобы часто, но в месяц раз — точно. Даже фотографии присылал... А потом — никаких сведений. С декабря сорок третьего года — ничего... Нет, он не сможет долго в другой стране жить и не женится на какой-то француженке. Домой вернется.

Увидев, что напугала внуков рассказом о змейке, бабушка спохватилась:

— Ну, да что же это я опять вас заговорила, давайте сказочку вам напоследок пропою... Из-под города-то Мурома, из-под села-то Карачарова, где большая река течет, Окою зовется...

И вот теперь этот плакат. Бабушка повесила его над своей кроватью и по несколько раз на день забегала в дом, чтобы полюбоваться им. Чем дальше, тем больше было у нее уверенности в том, что на плакате дядя Митя. Об этом она уже говорила соседкам:

— Митя над головой у меня висит!

Все в доме теперь жили одним — поисками дяди Мити. Даже в школе учителя и одноклассники переживали, спрашивали у Сашки, как идут дела. Но ответа на письмо пока не было. Дедушка все чаще поговаривал о поездке в Москву.

Сашка с Димкой не понимали, почему дядя Митя не возвращается. Вот ведь на плакате он живой, а домой почему-то не идет.

И однажды Сашка, помогая маме нести картошку, спросил, почему дядя Митя так и не пришел, почему раньше его не искали, ведь уже десять лет прошло после войны? Мама тяжело вздохнула и рассказала, что в июле сорок четвертого года из части, где служил дядя Митя, пришло сообщение о том, что сержант Сергеев Дмитрий Игнатьевич пропал без вести.

В тот день, когда пришла бумага, бабушки дома не было — она ездила в деревню. Дедушка решил ей не говорить об этом и дочкам запретил.

Жизнь тем временем шла своим чередом.

Бабушка так же суежилась во дворе: готовила обед, кормила внуков, стирала, обихаживала поросенка и прочую домашнюю живность. Словом, все делала, как обычно. Необычным было то, что по несколько раз утром она выходила на улицу и поджидала почтальоншу, уставшую от жары и тяжелой сумки. Долгожданной весточки не было, и ба-

бушка продолжала хлопотать по дому. Но к шести часам вечера опять перемещалась поближе к калитке, чтобы первой встретить письмоносицу.

И вот однажды пришло письмо о том, что издательство направило их запрос в Центральный архив Министерства обороны СССР, который ответит в положенные сроки.

Бабушка это письмо положила в старую книгу с золотым тиснением — Псалтырь. Каждый день она бережно раскрывала металлические застёжки, доставала конверт, бумагу со штампом и внимательно разглядывала ее на свет — читать она уже не могла. Плакат так же висел над бабушкиной кроватью в большой рамке под стеклом, которую по ее просьбе смастерил разъезжающий на инвалидной коляске стекольщик, раз в неделю будораживший округу голосом: «Стекла вставляйте! Вста-а-в-лять стекла!»

А дни бежали. На фруктовых деревьях появилась завязь, плоды абрикосов уже имели размеры «снарядов» для рогатки...

Наконец пришло письмо из архива. Опять собрались все родственники, вскрыли конверт, вытащили тоненький, почти прозрачный листочек. На нем было напечатано, что на плакате изображен Сергеев Дмитрий Иванович, 1921 года рождения, русский, уроженец города Курска, войну закончил в звании младшего лейтенанта, в настоящее время живет в Курской области, работает

в колхозе председателем... И еще в конверте были адрес и фотография, на которой изображен военный в фуражке, с орденами и медалями на груди. Курносое, не очень выразительное лицо, глубоко посаженные глаза и ямочка на подбородке.

Над столом повисла тишина. Фотографию молча передавали из рук в руки. Дошла она по второму кругу и до бабушки.

— Это же не он! Как вы не разберете! Это же не он! — Она поднялась, забежала в дом, через пару минут снова появилась, неуклюже неся на вытянутых руках плакат, и положила его на стол.

— Я и говорю, что не тот. Напутали они. Смотрите, какой Митенька на плакате красавец. Да и светленький он. А тут тюша какой-то. Ой, чего я говорю! Он тоже хороший человек, но ведь не похож на Митю. Они все спутали. Это лейтенант из Курска, а на картине — Митенька! Вот так-то!

— Так, конечно, так... — подхватила Сашкина мама.

Остальные промолчали.

— Убери эту бумагу к себе, — сказала бабушка деду, — а Митеньку я на место унесу.— Взяла плакат и понесла в дом.

— Ошибки могут быть, — заметил Сашкин отец, — она права. Пусть ждет. — И тихо добавил: — Все же надежда!

... Прошло десять лет. Сашка учился в институте в другом городе, когда

осенью пришла телеграмма: «Бабушка умерла...»

Она лежала в гробу непривычно неподвижная, с траурным бумажным венчиком на голове. Казалось, что все дело в этом венчике, длинном, разметавшем свои концы на всю ширину гроба. Это он, венчик, удерживает бабушку в гробу, не дает ей поднять голову. Стоит появиться слабому ветерку, и венчик виновато сползет извивающейся полоской на пол, а бабушка поднимется и, как всегда, торопливо посеменит по своим делам.

Но закрытые бабушкины глаза, спокойное, почти без морщинок и от этого какое-то незнакомое лицо говорили о том, что ветерок не нужен — бабушка покорила эту бумажку на голове, которая пролегла зримой границей между двумя мирами: живущими и жившими. И бабушка находится уже там, по ту сторону траурного венчика.

Сашка подошел и поцеловал бабушкину руку. Слез не было. Повернулся и вышел из комнаты...

На кладбище шел мелкий дождь, было зябко. Перед тем как накрыть гроб крышкой, Сашкина мама положила в него свернутый рулон бумаги. Рулон неуклюже топорщился на мертвенно бледных руках и оставливал на себе взгляд.

— Это бабушкин плакат, — тихо пояснил Сашке брат. — Она так велела: «Митя к вам живой вернется, а со мной — пусть такой будет»... □

Юрий Осипов

Портретист выродившейся жизни

Читательская популярность Юрия Трифонова в семидесятые годы была невероятной. Его книги мгновенно исчезали с прилавков магазинов, в библиотеках на них записывались в очередь. При этом он писал, казалось бы, о вещах мелких, «неромантических». Второй и третий планы трифоновской прозы, начиная с глубоко символической повести «Обмен», понимали немногие. Разрыв между материалом и стилем, формой вводил в заблуждение, тонкость художественного замысла скрывалась в захлестывающем читателя потоке неприметных деталей повседневной жизни.

Трифонов не терпел, когда его называли мастером «бытовой прозы», резко отшучивался в интервью, что бытовым бывает сифилис; и, разумеется, великолепная городская проза этого большого мастера не о быте как таковом, а о выпадении героев из бытия, когда им не дано даже иллюзии совершения Поступка.

Время в произведениях Трифонова дискретно. Оно рвется по «болевым линиям» 20-х, 30-х (особенно 30-х!), 60-х. В своем знаменитом романе «Дом на набережной» автор утверждает: «Для того, чтобы понять сегодня, надо понять вчера и позавчера». Герои Трифонова — это, увы, люди, лишённые идейной основы, можно сказать, живые трупы. Не все, конечно. Такие центральные персонажи, как персональный пенсионер Летунов в романе «Старик» или писатель Антипов в романе «Время и место», проходят испытание жизнью и выдерживают его. Человек в Истории — вот сквозная тема творчества Трифонова. «Само собой разумеется, — писал он, — человек похож на свое время. Но одновременно человек в какой-то степени... творец этого времени. Это двусторонний процесс».

Юрий Валентинович Трифонов принадлежал к числу художников, обладающих особым, «боковым» зрением, и умел видеть то, что не дано увидеть другим. А еще его стиль обладал тем сокровенным «двигателем прозы», о необходимости которого он не устал напоминать.

Стиль трифоновской прозы завораживает предельной плотностью письма, концентрирующей тематический смысл в каждом слове, притягивает своей подцензурной недосказанностью, полупамятками, подтекстом, который, тем не менее, совершенно недвусмысленно во всей полноте разворачивается перед глазами читателя авторскую мысль о том, что стремиться надо к недостижимому, вопреки трусливому идеализму и лености души. А потому проза Трифонова трагична и по-прежнему современна.

Грузный, неторопливый, сдержанный, с неуловимым взглядом за толстыми стеклами очков и полными, негритянскими губами, Юрий Валентинович производил впечатление скорее администратора или главбуха, нежели выдающегося писателя, и всегда держался подчеркнуто скромно, стараясь не привлекать к себе излишнего внимания, от которого немало страдал.

Он родился в августе 25-го, в Москве, которая стала не просто местом действия, но одним из главных действующих лиц его «городской» прозы.

Отец, Валентин Андреевич Трифонов, партийный и военный деятель, прошел царскую каторгу и ссылку, в 1917-м участвовал в революционном восстании в Ростове и создании Крас-

ной гвардии в Петрограде, в 18-м спасал золотой запас республики, работал в Военной коллегии Верховной суда. Жизнь его закончилась в 38-м у стрельной стенки, как и годом ранее его брата, командарма и реального героя гражданской войны. Мать, Евгения Абрамовна Лурье, работала зоотехником, затем инженером-экономистом. Впоследствии стала детской писательницей — Евгенией Таюриной. А еще вместе с семьей жила бабушка, Т. Словатинская, представительница «старой гвардии» большевиков, которая оказала большое влияние на формирование личности будущего прозаика.

В 1932-м Трифоновы переехали в громадный серый Дом правительства напротив Кремля, который спустя сорок лет благодаря названию культового трифоновского романа, прославится как «Дом на набережной». Судьбу большинства обитателей этого зловещего «заповедника» сталинской номенклатуры разделили дядя и отец писателя. Мать Юрия Валентиновича тоже была репрессирована и отбывала срок заключения в Карлаге. Юрия с сестрой и бабушкой выселили из этого элитарного «муравейника» охватом в целый квартал и обрекли на скитания. Понятие дома-символа прирастет потом к прозе Трифонова, отозвавшись предпоследним его новеллистическим романом «Перевернутый дом».

В виновность отца Трифонов никогда не верил, но с клеймом сына «врага народа» после возвращения в 1943-м из эвакуации не смог поступить ни в один вуз и устроился работать тока-

рем на военный завод. Только набрав необходимый трудовой стаж, он сумел через год попасть в Литинститут. При этом его поступление туда оказалось казусным. *«Две школьные тетради со стихами и переводами, — вспоминал впоследствии писатель, — представлялись мне такой солидной заявкой, что... меня примут на поэтический семинар. Я стану поэтом... В виде доверса... я прибавил небольшой рассказ... под названием — бессознательно украденным — "Смерть героя"»*. Когда абитуриент пришел спустя месяц за ответом, секретарь заочного отделения сообщила ему: *«Стихи так себе, а рассказ понравился председателю приемной комиссии Федину... вы можете быть приняты на отделение прозы»*. По настоянию зоркого Федина юноша был позже переведен на очное отделение института, которое окончил в 1949 году и тогда же женился на оперной певице, солистке Большого театра Нине Нелиной. Два года спустя у них родилась дочь.

И в том же 1951 году произошло чудо. Главный литературный журнал страны «Новый мир» опубликовал дипломную повесть Трифонова «Студенты». Второе чудо — повесть начинающего писателя была сразу же удостоена Сталинской премии. Ошеломительный успех, к счастью, не вскружил дебютанту голову. К этой, в общем-то, «заказной» вещи он относился в дальнейшем прохладно, признавая искусственность ее центрального конфликта. Но повесть уже несла в себе основные достоинства трифоновской прозы: достоверность отображенной

жизни и постижение психологии героев через обыденное, будничное.

Кризис выбора дальнейшего творческого пути, по сути, творческой судьбы писатель разрешил, уехав за материалом и вдохновением далеко-далеко, в Каракумы, на трассу Главного Туркменского канала. Потом уже будет Москва и только Москва — в прозе и в жизни. Но пока, причем на долгие годы, его «местом силы» станет знойная Туркмения. В 1959-м году появился цикл рассказов и очерков «Под солнцем», в котором трифоновский стиль обрел четкие очертания. Но это все были подступы к главному. Как, впрочем, и вполне успешный «производственный» роман «Утоление жажды», вобравший в себя впечатления автора от строительства канала.

Самого Трифонова эта вещь не удовлетворила. Поиск своей сокровенной темы продолжался. А тем временем он на ряд лет погрузился в написание спортивных рассказов, выступив у нас одним из основоположников психологической прозы о спорте и спортсменах. Началось с футбола, которым Юрий Валентинович всерьез «заболел», поселившись в середине пятидесятых на Верхней Масловке, рядом со стадионом «Динамо». Там на трибунах Трифонов познакомился с завзятыми спартаковскими болельщиками — драматургами А. Арбузовым и И. Штоком, которые побудили его «изменить» бобровскому ЦСКА.

Абсолютно неспортивный человек, Трифонов в течение восемнадцати лет был членом редколлегии журнала «Физкультура и спорт», со знанием де-

ла написал несколько сценариев к популярным документальным и художественным фильмам о спорте. Но все же большая литература неотвратимо тянула его к себе.

Побудительным толчком явилась посмертная реабилитация в 1955 году отца, что дало возможность написать на основе сохранившегося отцовского архива яркую документальную повесть «Отблеск костра» о кровавых событиях на Дону в период Гражданской войны. (К ним писатель еще вернется в позднем историческом романе «Старик».)

В 1966 году скоропостижно скончалась Нина Нелина, и два года спустя второй женой Трифонова стала редактор серии «Пламенные революционеры» в Политиздате Алла Пастухова. Еще через год произошло второе творческое рождение писателя — увидела свет знаковая повесть «Обмен», за ней в течение пяти лет — повести «Предварительные итоги», «Долгое прощание» и «Другая жизнь» (вспомним пушкинское: «...другая жизнь и берег дальний»).

Официальная критика сразу же после выхода первой вещи набросилась на автора с обвинениями в отказе от позитивного начала, в сознательно выбранной позиции стороннего наблюдателя, притаившегося «на обочине жизни», вдали от великих свершений социализма и борьбы за идеалы светлого будущего. Из обласканного властью предрержащими успешного прозаика Трифонова сразу превратился в глазах официоза чуть ли не во внутреннего

эмигранта... Каждое его новое произведение с трудом находило дорогу к читателю, хоть и быстро переводилось на разные европейские языки.

Сегодня подобное отношение к Трифоновским книгам понять трудно, если, конечно, не брать во внимание, что, подробно рассказывая в этих произведениях о семейных отношениях на фоне обыденного, будничного существования персонажей и их любви — чаще потерянной, иногда обретенной, автор постоянно держит в фокусе своего внимания подспудную проблему нравственного выбора в удушливой атмосфере брежневского «застоя», которая генетически унаследовала всеобщий страх, неотделимый от сталинской эпохи.

Главный вопрос «нового» Трифонова: что история делает с человеком? Что она оставляет от него? В кого превращает? По Трифонову — побеждает тот, кто смог выжить. Но получается — нельзя выжить и не предать. Других, себя самого, дружбу, любовь, сокровенную мечту... Разумеется, такой взгляд на историю не мог прийти по душе партийному начальству.

Зрелый Трифонов выработал оригинальный собственный литературный стиль, его можно условно назвать «поэтикой умолчаний», предполагающей читательское «сотворчество» в достраивании картины эпохи по нескольким приведенным автором деталям, штрихам Времени. А еще у писателя есть очень важная, сквозная тема, впервые сформулированная им в «Обмене». Это тема потери героями

Трифонова стержня, смысла жизни. И тогда к ним властно подступает «другая жизнь» — жизнь, лишенная направления, сведенная к простому существованию, когда остаются только дачные радости, квартирные заботы, бытовые покупки, доставание вожделенного «дефицита».

В «Обмене» жена главного героя повести, Дмитриева, предлагает ему обменять их комнату и комнату смертельно больной матери в коммуналке на двухкомнатную квартиру, чтобы жилплощадь матери не пропала после ее смерти. Сама мать тоже «за», что не отменяет всей бестактности и аморальности подобного обмена. Герой это понимает и все же нехотя соглашается на уговоры жены, вернее, не препятствует ей. И обмен совершается незадолго до смерти матери, которая бросает сыну в лицо тяжкую фразу: «Ты уже обменялся. Давно».

Принимая повесть к публикации в «Новом мире», его главный редактор, советский поэт А. Твардовский, посоветовал автору убрать «вставную» новеллу о дачном поселке старых большевиков. Трифонов отказался. «Какой-то вы тугой», — сказал тогда Твардовский. Юрий Валентинович действительно и был «тугим», негибачаемым, поэтому не захотел убирать из повести поселок старых большевиков, потому что жизнь этих людей в его представлении была осмысленной, вне зависимости от их коммунистических убеждений. В ней присутствовала вера, которой лишены Дмитриев и другие герои трифоновских книг.

Так в сознании читателей сложился новый писательский образ Трифонова — своего рода советского экзистенциалиста, наподобие Камю, сумевшего проникнуть в сознание среднего интеллигента 70-х и показать его разрозненные воспоминания о быстро промелькнувшем беззаботном детстве, чередой компромиссов с собственной совестью, о вольно и невольно преданных родных, друзьях и возлюбленных, о безнадежных попытках договориться с неумолимым временем, звучавшим для него трагическим камертоном.

Вспомним Чехова, который в ответ на льстивые упреки в безысходности его произведений ответил: «А я не лекарьство, я боль». Чехова Трифонов считал своим учителем в литературе и действительно «вышел» из него.

В «Предварительных итогах» автор по-новому разбирает типичную психологическую ситуацию, когда неудовлетворенный прожитой жизнью человек дает себе зарок с завтрашнего дня начать жить заново. Увы, у героя повести эти предварительные итоги становятся окончательными, он сломлен и больше не в силах бороться за осуществление мечты. Литературный переводчик среднего возраста, Геннадий Сергеевич страдает и от того, что не смог реализоваться как писатель, и от напряженных отношений в семье — наглости сына и претенциозности мещанистой жены.

В повести удивительно органично переплетаются проблемы быта и проблемы души, искреннее бескорыстие по отношению к ближнему и расчет-

ливая корысть в личных отношениях. Пестрая действительность Советского Союза 60-х-70-х годов буквально гипнотизирует сочностью и многоцветием палитры. Возможно, еще и поэтому повесть читается «на одном дыхании», притом, что автор не выказывает своего отношения к происходящему, предоставляя читателю самому решать, как следует жить.

Другая важная тема трифоновского творчества — соприкосновение человека с историей — недавней, вчерашней, и отдаленной, мифологизированной. Очевидно, с подачи второй жены, работавшей в Политиздате, Юрий Валентинович неожиданно получил «заказ» на книгу о народовольцах-революционерах в серии «Пламенные революционеры», находившейся под особым контролем ЦК КПСС. При этом, однако, высшая власть привечала для означенной серии не одних только лояльных писателей, но и таких альтернативных прозаиков, как Окуджава, Гладилин, Войнович, Давыдов.

Трифонову достался Желябов, организатор удавшегося покушения на Александра II, едва ли не самого громкого теракта XIX века. Оставаясь на позициях традиционной исторической беллетристики и не выходя за рамки советской идеологической ортодоксальности, автор сумел все же подвергнуть в книге политический террор испытанию простой житейской нравственностью. И оказалось, что чистые и беззаветно преданные идее русские революционеры оставляли за собой изломанные людские судьбы и доби-

лись убийством царя лишь стремительного возвышения законченного мракобеса Победоносцева, простершего над Россией, по образному выражению А. Блока, «совиные крыла».

В 1975-м году Юрию Валентиновичу повстречалась на жизненном пути писательница Ольга Мирошниченко, женщина яркая и решительная. Она ушла к нему от успешного прозаика и режиссера Г. Березко, стала его третьей женой, взяла его фамилию и оставалась с ним до смертного часа. С Ольгой Трифонов обрел не только личное счастье, но и новый прилив вдохновения, «второе» творческое дыхание, свидетельством чему стала вышедшая тогда же этапная повесть «Другая жизнь». Трифонов невероятно плотно описывает жизнь без цели и направления, жизнь, растворившуюся в конформизме, жизнь выродившуюся, цепляющуюся за миражи.

«Женщина вела их лесом, без дороги... Густели сумерки... Незаметно истаял день... Не было сил идти. Они очень устали. Вдруг женщина сказала: "Вот здесь".

Они стояли перед маленьким лесным болотцем. "Что это?" — спросила Ольга Васильевна. "Это шоссе, — сказала женщина. — Вон стоит ваш автобус". Она протягивала руку, показывая на заросли осоки... И тут треск врубился в сознание. Через миг принеслась весть из другого мира: вставать...»

Он пишет портрет семидесятых как тоскливого, застойного времени. Причем в персонажах того периода живо понимание, что жизнь может быть

другой и когда-то была другой. Герой «Другой жизни», Сергей, чувствует тайную боль, разъедающую душу, и умирает в 40 лет от сердечного приступа, задохнувшись в атмосфере, лишённой живительного воздуха.

Окончательное преобразование Юрия Трифонова, пользуясь метким определением критика, из «советского писателя» в «писателя советской эпохи» происходит в культовом небольшом романе «Дом на набережной» (1976), само название которого делается с тех пор своеобразным

дает на вершины благополучия, все-таки прикрепляется к льготному распределению продуктовых и прочих благ, располагаясь под занавес в престижном парижском отеле. Его погибший на фронте сверстник Антон, начинавший, было, свой путь в науке, устоял перед таким соблазном. Как и честный хулиган Шулепа или бывшая возлюбленная Батона Соня Ганчук.

Два рассказчика, прихотливо расположившиеся на пространстве романа, как бы «воспитывают читателя прошлым». Второй рассказчик, в облике

Дом на набережной» завершил цикл «московских» повестей Трифонова. Он оказался подлинной сенсацией. Не меньшей сенсацией для театральной Москвы стала и любимовская инсценировка романа в театре на «Таганке». И неожиданно произошло чудо — спектакль, на который ломались московские театралы, не отменили, переиздания книги, чей тираж разлетелся буквально за неделю, не запретили, несмотря на обострение отношений Трифонова с цензурой

семантико-топографическим знаком.

Нерв этого произведения — способность героев устоять или не устоять ради жизненных благ и карьеры перед тем искушением, которое Бела Ахмадулина определила в стихах как «к предательству таинственная страсть» (об этом же посмертно изданный роман В.Аксенова о «шестидесятниках», так и названный им — «Таинственная страсть»). Предательство себя, своей совести, своих идеалов. Вадим Глебов по кличке «Батон» идет на компромисс с совестью и, хоть не попа-

которого отразились детские воспоминания автора, появляется уже в середине повествования и не скрывает собственной принадлежности к молодежной компании, сложившейся во круг рокового Дома правительства. Основная его задача — возвращать нам то, что Глебов упорно вытесняет из своей памяти: страх, лицемерие, зависть. Однако и «объективный» взгляд первого рассказчика, стороннего наблюдателя, Трифонову необходим для глубокого погружения в прошлое, и ни с одним из двух рассказчи-

ков писатель не отождествляет себя целиком.

«Дом на набережной» Трифонова, ленинградский «Потерянный дом» Житинского и московско-петербургский «Пушкинский дом» Битова вышли примерно в одни и те же годы и объединились сокровенным внутренним смыслом, частично отраженным в названиях. Речь в них о «доме без хозяина» или, если угодно, о нашей стране, где, «как в доме опустелом: все в нем и тихо, и темно». Трифоновский «Дом на набережной», предназначенный, по замыслу вождя, для сверхчеловеков со «стальными крыльями» и «пламенным мотором вместо сердца», дом на берегу не просто реки Москвы, а «реки Времен» (образное выражение Державина) опустел и затем достался уже совсем другой породе людей.

«Дом на набережной», завершив цикл «московских» повестей Трифонова, убедительно продемонстрировал, что идеалы социализма умирают вместе с поколениями его строителей, руками и умами которых создано во второй половине прошлого столетия все подлинно великое на нашей земле.

Даже после блестящих и жадно востребованных читательской аудиторией произведений писателя «Дом на набережной» оказался подлинной сенсацией. Не меньшей сенсацией театральной Москвы стала и любимовская инсценировка романа на «Таганке». И произошло чудо — спектакль, на который ломилась публика, не отменили, переиздания книги, чей тираж разлетелся буквально за неделю, не запретили, не-

смотря на новое обострение отношений Трифонова с цензурой.

Поговаривали недруги: мол, все, это пик, дальше пойдет спад таланта. А Трифонов через два года выпустил свой роман «Старик», виртуозно срастив в нем «городской» и «исторический» пласты повествования. Произведение, исполненное подлинного трагизма, представляет нам старого большевика Летунова, некогда члена чекистских коллегий, беспощадно расправлявшихся во время Гражданской войны с реальными и мнимыми отступниками в командном составе Красной армии. Одним из последних стал партизански настроенный комкор Мигулин, прообразом которого послужил лихой командарм Второй конной Миронов, расстрелянный по ложному обвинению в мятеже.

Пенсионер Летунов ведет архивные поиски, призванные реабилитировать Мигулина, павшего жертвой враждебно настроенного к нему окружения. При этом обрывочные воспоминания героя романа о «раскаленной лаве» революционной поры, внутри которой он сам очутился, вступают под искусным пером автора в волнующее противоречие с разными упрямыми фактами и случайными оговорками Летунова. А из них мы понимаем, что милейший Павел Евграфович упорно старается забыть о личной ответственности за трагический конец Мигулина, своего тогдашнего начальника и счастливого соперника в любви.

Драматизм романа усиливает вроде бы лирический финал, в котором

вдруг с ослепительной ясностью говорится устами молодого историка об ответственности Старика за постигшую Мигулина судьбу. И тогда уже в ином свете предстает корыстное равнодушие членов семьи Летунова к его «Делу», поскольку их заботит только вопрос о том, кому достанется бесхозная сторожка в дачном поселке, где они создали свой уютный мирок. Это ужасающее Старика мещанское хищничество родственников, да и вообще современников, восходит, как мы понимаем из текста романа, как раз к тому самому «очерствению души» — поведенческой норме Гражданской войны, воспринятой Пашкой Летуновым и его товарищами.

Как и «Дом на набережной», «Старик» впервые появился в журнале «Дружба народов», с главным редактором которого, Сергеем Баруздиным, Трифонов прятельствовал и который сильно рисковал, напечатав его вещи. Сопрягая разные эпохи, устраивая «допрос с пристрастием» представителям разных поколений, писатель, разумеется, метил своим фирменным подтекстом не только в сталинский тоталитаризм, но и в брежневский «застой». Партийная верхушка, в отличие от дряхлеющего вождя, это, конечно, понимала.

Феллини как-то мудро заметил, что художника любят до тех пор, пока «уровень его личного безумия совпадает с безумием эпохи». Поздние произведения Трифонова — «Старик», роман «Время и место», а также посмертно опубликованный роман «Ис-

чезновение» при всем блеске формы и запредельной плотности письма, противостоящей вялой «размытости» стиля большей части художественной прозы того периода, уж слишком «зашифрованы», слишком многое недоговаривают, слишком заглублены в прошлое, в историю — в ущерб настоящему, личному.

Если писатель обращается в своем творчестве к автовоспроизведению, считается, что темы у него кончились, талант угасает. В случае с романом «Время и место» (1980) это отнюдь не так. Последняя законченная вещь Трифонова является убедительным итогом эволюции его мировоззрения и яркой демонстрацией нового, «пунктирного» принципа построения эпического повествования. Оно включает в себя то расходящиеся, то сближающиеся судьбы писателя Антипова, рассказчика Андрея и самого автора, ибо роман в основе своей автобиографичен, вернее будет сказать — исповедален.

Трифонов назвал его «романом самосознания», в котором судьба страны постигается через разные вымышленные писательские судьбы. Конец тридцатых, война, голодное послевоенное время, «оттепель», семидесятые... Все они, а также сложные жизненные ситуации испытывают Антипова на нравственную стойкость, на верность своему призванию. Перед нами роман о писателе, который пишет роман о писателе, а тот, в свою очередь, что-то сочиняет о писателе далекого прошлого. Такая структура есть «система зеркал», отражающая разные ипостаси героя.

Этого героя нельзя полностью отождествлять с Трифоновым, хотя автор и воссоздает здесь в колоритных подробностях писательскую кухню, обыкновенно закрытую от постороннего взгляда. Сошлись в этом итоговом произведении также все традиционные для Трифонова мотивы, прежде всего — мотив взаимообусловленности Человека и Времени.

«Он сказал: «Давай встретимся на Тверском. У меня кончится семинар, я выйду из института часов в шесть...» И вот он идет, помахивая портфелем, улыбающийся, бледный, большой, знакомый, нестерпимо старый, с клочками седых волос из-под кроличьей шапки, и спрашивает: «Это ты?» — «Ну да», — говорю я, мы обнимаемся, бредем на бульвар, где-то садимся, Москва окружает нас, как лес. Мы пересекли его». Это — финал романа.

Некоторых его персонажей мы встречаем на страницах «повести в рассказах» (авторское определение) «Опрокинутый дом» (1981), написанной в той же манере, с автономными главами-новеллами. Спустя пару месяцев после окончания повести Юрий Валентинович умер от тромбоэмболии легочной артерии и был похоронен на Кунцевском кладбище.

Трифонов еще успел начать роман «Исчезновение», возвращающий читателя к отдельным образам и сюжетным коллизиям его предыдущих вещей, и доводящий антисталинизм писателя до такого градуса, что публикации произведения пришлось ждать почти до конца «перестройки», до

1987 года. Впрочем, «Время и место» тоже увидело свет далеко не сразу и впервые — на немецком языке, а в России — с рядом купюр.

«В те времена, лет восемнадцать назад, на этом месте было очень много сирени. Там, где сейчас магазин «Мясо», желтел деревянный дачный заборчик — все было тут дачное, и люди, жившие здесь, считали, что живут на даче, и над заборчиком громоздилась сирень... Когда она цвела и стояла вся в пене, она была похожа на город. На старый город у моря, на юге, где улицы врезаны в скалы, где дома лепятся друг над другом...

Сейчас на месте сирени стоит восьмиэтажный дом, в первом этаже которого помещается магазин «Мясо». Тогда, во времена сирени, жители домика за желтым дачным заборчиком ездили за мясом далеко — трамваем... А сейчас им было бы очень удобно покупать мясо. Но сейчас, к сожалению, они там не живут».

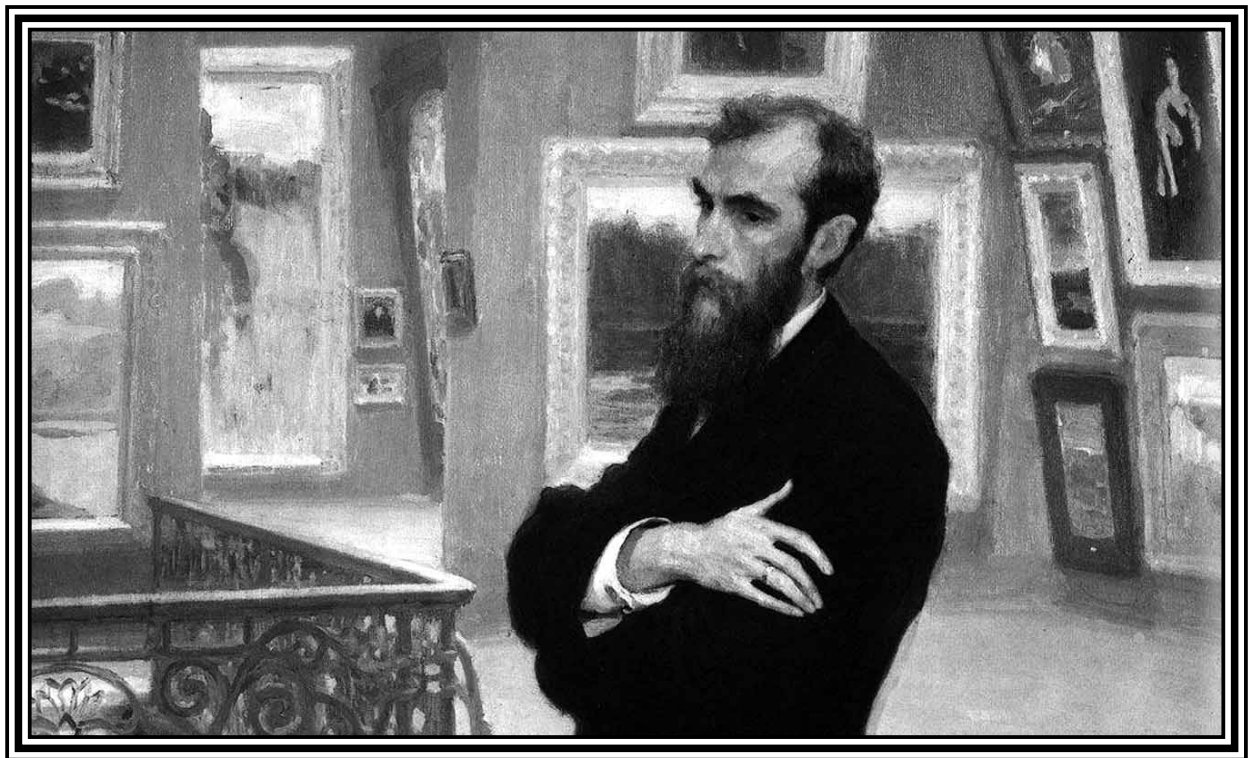
Так начинается давняя повесть Юрия Трифонова «Долгое прощание» (1971). От нее к «Дому на набережной», «Старику», «Времени и месту» тянется «многожильный провод» истории. Благодаря этой подаренной нашему читательскому воображению чудо-метафоре след писателя не тускнеет, как в художественной прозе, так и в культурном контексте современной эпохи. Ведь никого напрямую не осуждая, не разоблачая и не казня, он сумел постичь фактически неуловимое — суть бега Времени. □

Светлана Марлинская

ВЕЛИКИЙ Русский меценат

Павла Михайловича Третьякова можно считать первым русским настоящим меценатом. До него богатые аристократы и купцы ограничивались разовой поддержкой людей искусства — преимущественно выкупом из крепостной зависимости. Но крепостное право было отменено, а нужда художников, скульпторов, актеров — осталась.

Третьяков стремился не столько поддержать нуждающихся, сколько сохранить лучшие произведения российской живописи. И делал это с таким размахом, что отечественное искусство до сих пор в неплатном долгу перед ним.

Павел Третьяков родился в 1832 году в старинном купеческом районе Москвы — Замоскворечье. Его дедушка по материнской линии экспортировал в Англию сало. Семья

отца, перебравшаяся в Первопрестольную в 1774 году из Малоярославца, торговала полотняными изделиями. Отец, Михаил Третьяков, был человеком строгих патриархальных

взглядов. Дети получали домашнее образование. Уроки проходили в присутствии главы семейства, который контролировал буквально каждый шаг домочадцев.

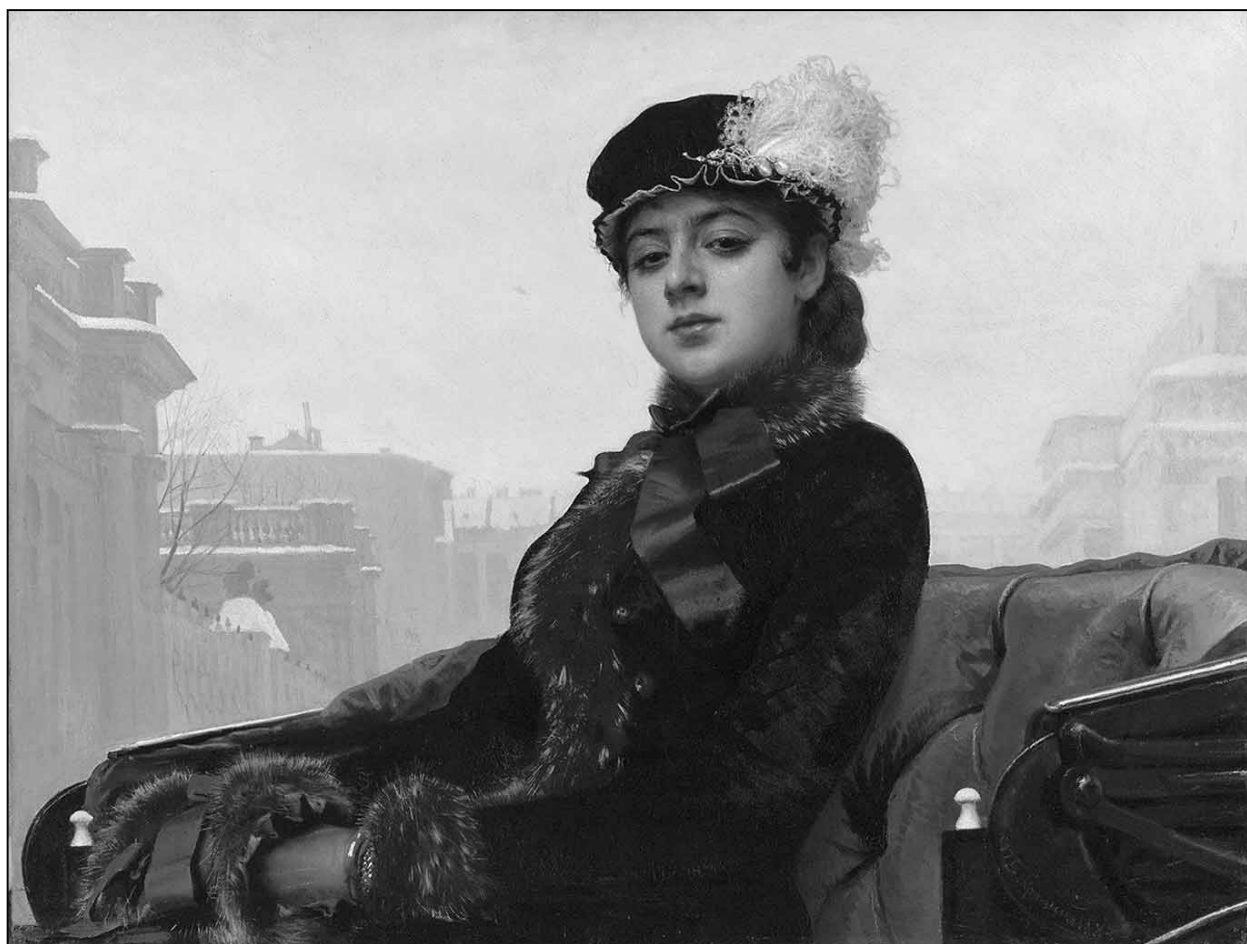
Павел с юных лет помогал отцу в торговых делах. Но уже в 1848 году в семье Третьяковых случилась беда — от эпидемии скарлатины умерло шестеро детей из одиннадцати. Эти трагические события крайне негативно отразились на здоровье главы семейства, который скончался спустя два года.

Старшего сына Павла Третьякова и второго по старшинству Сергея к семейной торговле приобщали с ранних лет. Молчаливый и вдумчивый, любитель книг и лубочных картинок, он уже в 15 лет вел бухгалтерию. В 1850 году, когда не

стало отца, Павел принял дела. Торговля расширилась и процветала. Если Михаил Третьяков владел пятью лавками, то его сыновья стали настоящими промышленниками.

Через 16 лет на паях с еще двумя купцами Павел и Сергей Третьяковы открыли оснащенную по последнему слову техники льняную мануфактуру в Костроме.

Русское купечество второй половины XIX века уже не было закрытым сословием, чтившим лишь «Домострой» и Священное писание. Богатые торговцы сближались с артистами, художниками, учеными, принимали активное участие в общественно полезных начинаниях. Козьма Солдатенков издавал научную литературу, коллекционировал живопись, завещал средства на строительство больницы для бедных в Москве. Купец Василий Кокорев в 1862 году открыл первую в Москве публичную картинную галерею. Поддерживал лю-

Слева:

К. Флавицкий. «Княжна Тараканова»

**И. Крамской.
«Неизвестная»**

дей искусства и Савва Мамонтов. На его двоюродной сестре Вере Мамонтовой Павел Третьяков женился в 1865 году. В этом браке у него родились четыре дочери и два сына. К несчастью родителей, старший сын появился на свет умственно отсталым, а младший умер в девятилетнем возрасте от осложнений, вызванных эпидемией скарлатины. Горю Павла Михайловича не было предела.

И все-таки этот брак был счастливым. В семье все любили друг друга. Павел Михайлович писал жене:

«Искренно от всей души благодарю Бога и тебя, что мне довелось

сделать тебя счастливой, впрочем, тут большую вину имеют дети: без них не было бы полного счастья!»

Через много лет, вспоминая об этих днях, старшая из дочерей Вера Павловна напишет:

«Если детство может действительно быть счастливым, то мое детство было таковым. То доверие, та гармония между любимыми людьми, любившими нас и о нас заботившимися, было, мне кажется, самым ценным и радостным».

Третьяков вкладывал деньги не только в предприятия, сулившие материальную выгоду. В 1869 году он

возглавил Попечительское общество и стал основным благотворителем Арнольдского училища для глухонемых детей. Позже открыл клинику для тяжелобольных, где работало психиатрическое отделение.

Купец помогал многим учебным заведениям, внес свою лепту и в финансирование экспедиции Николая Миклухо-Маклая в Новую Гвинею. При этом он считал, что так исполняет свой гражданский долг:

«Я не меценат, и меценатство мне совершенно чуждо».

В 1854 году, побывав в Санкт-Петербурге, Третьяков посетил Эрмитаж и, восхищенный картинами великих мастеров, приобрел девять полотен голландских художников. Вернувшись в Москву, он, под впечатлением от увиденного, решил собрать собственную коллекцию и, в первую очередь, работы русских художников.

Надо сказать, что 1850–60-е годы были временем бурной полемики между западниками и славянофилами. Изобразительное искусство не осталось в стороне от дискуссии. Звучали мнения, что российские художники не способны создавать нечто оригинальное, выходящее за пределы местечкового колорита, потому их участь — подражать западноевропейским мастерам. Павел Михайлович думал иначе.

Художники нуждались в заказах, а широкая публика — в более близком знакомстве с их работами. В 1856 году Третьяков купил работы

Николая Шильдера «Искушение» и Василия Худякова «Стычка с финляндскими контрабандистами», которые положили начало будущей галерее.

Подход Третьякова принципиально отличался от подхода других коллекционеров. Во-первых, он планировал сделать галерею общедоступной. Во-вторых, при покупке картин руководствовался не столько личными вкусами, сколько мыслью о полном и объективном освещении отечественного художественного процесса.

У коллекционера, безусловно, было чутье. Он не гнался за модными авторами, не интересовался вычурной манерой и изысканной техникой. Он мог легко противопоставить свое мнение предпочтениям целой Академии художеств. В покупаемых работах Третьяков всегда искал прежде всего искренность. Он знал, что его собрание произведений искусства останется с русским народом навсегда и в первую очередь слушал свое сердце. Однажды он заказывал пейзаж Аполлинарию Горавскому и написал живописцу следующее:

«Мне не нужно ни богатой природы, ни великолепной композиции, ни эффектного освещения, никаких чудес, дайте мне хоть лужу грязную, но чтобы в ней правда была, поэзия, а поэзия во всем может быть, это дело художника...»

Однако порой чутье Павла Михайловича откровенно подводило. В свое время он не захотел приобре-

И. Шишкин. «Утро в сосновом лесу»

тать в свою коллекцию картины, которые теперь считаются едва ли не визитными карточками Третьяковки: «Девочку с персиками» Валентина Серова и «Неизвестную» Ивана Крамского. Портрет молодой женщины в коляске на фоне Аничкова дворца меценат отклонил из-за излишней «красивости». Обе упомянутые картины стали достоянием галереи после смерти Третьякова.

Несмотря на мягкость характера, в работе с художниками Павел Михайлович был довольно прямолинеен. Например, он заставил Илью Репина переделывать ряд картин, которые сегодня считаются непрерываемой классикой.

«Да, лицо в картине "Не ждали" необходимо переписать. Нужно бо-

лее молодое и симпатичное». Или вот: «В прежнем "Крестном ходе" была одна-единственная благообразная фигура, и ту вы уничтожили... Вообще, избегайте всего карикатурного и проникните все фигуры верою».

Картину «Утро в сосновом лесу» Ивана Шишкина (в отличие от «Неизвестной» и «Девочки с персиками») Павел Третьяков приобрел для галереи сам. И сам же стер фамилию Константина Савицкого, нарисовавшего медведицу с медвежатами (след от подписи до сих пор можно увидеть в нижнем правом углу полотна). Несмотря на то, что Шишкин и Савицкий считали работу общей и гонорар за картину в четыре тысячи рублей разделили поровну,

Павел Михайлович счел вклад Шишкина в работу несоизмеримо большим. Второму автору пришлось с этим согласиться.

Собирателю болезненно переживал, когда желанная картина уходила в чужие руки. Охотясь за лучшими произведениями, Третьяков не раз переходил дорогу представителям царской фамилии. Однажды на выставку передвижников пришел Александр III. Изъявив намерение купить

вившиеся работы до выставки, и на вернисаже они висели уже с табличками «собственность Третьякова».

В 1874 году Василий Верещагин выставил на продажу свою «Туркестанскую серию». Предполагалось, что серию приобретет государь, но тот отказался из-за колоссальной цены. Третьяков купил работы за 92 тысячи рублей.

Пополнить коллекцию московского собирателя было огромной честью

В. Суриков. «Боярыня Морозова»

картину, государь узнал, что она уже приобретена Третьяковым. Положил глаз на другую, на третью — все оказались проданы тому же коллекционеру...

Чтобы конфуз не повторился, устроители приняли решение впредь ничего не продавать до тех пор, пока выставку не посетят Их Императорские Величества. Но Третьяков нашел выход: стал покупать понра-

для художников. Ради этого они нередко уступали в цене, хотя и ворчали, что «Павел Михалыч прижимист». Не захотел скинуть ни рубля за «Княжну Тараканову» Константин Флавицкий. Третьяков был терпелив. После смерти художника он приобрел картину у родственников — за четыре тысячи рублей вместо пяти.

Знаменитая «Тройка» Василия Перова была продана всего за 50 ру-

блей серебром. Но незаконченное полотно «Никита Пустосвят. Спор о вере» Третьяков приобрел у наследников Перова за семь тысяч. Так он не только пополнил коллекцию, но и поддержал семью покойного друга.

В 1869 году Третьяков начал собирать галерею портретов выдающихся людей.

Более всего Павел Михайлович ценил портретную живопись, и именно благодаря ему в галерее появился «Русский пантеон» — коллекция портретов самых заметных деятелей русского искусства XIX века. Он нанял рисовать портреты современников ведущих мастеров в этом жанре — Неврева, Ге, Перова, Крамского, Репина и других. Далеко не все герои с радостью соглашались позировать — и Третьяков невероятно радовался, когда удавалось «сломить» того, кто проявлял упрямство. Так, например, очень долго пришлось уговаривать Льва Толстого. Он уваливал от просьбы Павла Михайловича несколько лет, но все же сдался под напором Крамского. Довольный Третьяков написал в письме уважаемому передвижнику: *«...я так и думал, что только Вам и удастся убедить неубедимого — поздравляю Вас!»*

Иван Крамской написал Александра Грибоедова с акварельного рисунка Петра Каратыгина. Илья Репин создал портрет Михаила Глинки, ориентируясь на рассказы сестры композитора. У вдовы поэта Нестора Кукольника выкупили его портрет

кисти Карла Брюллова, у художника Федора Моллера — написанный им прижизненный портрет Николая Гоголя. Труднее было с живыми гениями, они подчас отказывались позировать. Самым несговорчивым оказался Лев Толстой. Он уступил Крамскому лишь с условием, что художник напишет два портрета, и Толстой выберет один из них для своей семьи. В итоге писатель оставил себе более слабую работу, подчинившись негласному закону: все лучшее — в галерею!

Писатель Лев Анисов пересказал предание о том, как Александр III посетил дом Третьяковых в Лаврушинском переулке:

«В суриковском зале зашел разговор о «Боярыне Морозовой». Государь попросил было уступить картину для своего музея. Павел Михайлович на то ответил, что она ему уже не принадлежит, ибо он передает галерею городу. Тогда Александр III отступил несколько от Третьякова и низко поклонился ему».

В 1873 году к дому пристроили галерею, которая вскоре открылась для свободного посещения. А после реконструкции 1892 года Павел Третьяков написал заявление в Московскую городскую думу о передаче коллекции и здания в дар городу, за что городские власти присвоили ему звание «Почетный житель Москвы». За месяц до этого не стало Сергея Третьякова. Будучи таким же страстным коллекционером, он, чтобы не конкурировать с братом, собирал

произведения западноевропейского искусства.

Согласно его духовному завещанию городу переходила принадлежавшая Сергею часть дома в Лаврушинском переулке и те предметы из его личной коллекции, которые Павел сочтет нужным присоединить к своему собранию.

В августе 1893 года открылась теперь уже Городская художественная галерея Павла и Сергея Михайловичей Третьяковых. В день открытия ее посетило около 700 человек. В залах было выставлено 1276 картин и 470 рисунков. Среди них присутствовали и работы художников XVIII — первой половины XIX века: Дмитрия Левицкого, Федора Рокотова, Владимира Боровиковского, Василия Тропинина, Алексея Венецианова, Карла Брюллова.

«Деньги, которые я трачу на картины, не мои, — говорил Павел Михайлович. — Это деньги рабочих фабрики Третьяковых. Галерею создал не я, а они. Я только доверенный их. И наживаю деньги для того, чтобы вернуть нажитое народу в виде полезных учреждений».

Художник Михаил Нестеров вспоминал: *«Иногда в галерее появлялся высокий, сухощавый человек. Он подходил то к одной, то к другой картине, пристально, любовно всматривался в них, вынимая из сюртука платок, свертывал его "комочком", бережно стирал замеченную на картине пыль... Мы знали, что это был сам Павел Михайлович Третьяков».*

Визиты в галерею Третьяков совершал тихо, не привлекая внимания к своей персоне. Он вообще был человеком молчаливым (в семье его называли «неулыба»), скромным, абсолютно не пафосным. Жил спокойно и размеренно. Избегал шумных балов и приемов, не признавал излишеств, по меркам людей его достатка вел чуть ли не спартанский образ жизни.

Вставал ровно в шесть (Третьяков был человеком привычки). Пил кофе. Каждое утро, прежде чем отправиться в контору, заходил в галерею — хотя бы полчаса побыть среди картин. Ровно в двенадцать завтракал. Ровно в шесть ужинал. Единственная «роскошь», которую он себе позволял, — обязательная ежедневная сигара. Всю жизнь носил как будто один и тот же двубортный сюртук с белым галстуком-бантом (делая исключения для фрака по особо торжественным случаям), одно и то же двубортное пальто и фетровую шляпу. Даже домашние не представляли, сколько таких пальто и шляп за свою жизнь Третьяков заказал портным.

Современница Павла Третьякова купчиха Екатерина Дмитриева писала: *«Как-то мой муж ехал на извозчике по Мясницкой. Впереди он обратил внимание на кого-то, едущего на плохой лошадке в стареньких санках с порыжелой полостью. Вид кучера какой-то неказистый, а седока совсем не было видно за большим поднятым воротником шубы. Однако все встречные на хороших рысаках с блестящей сбруей, с толстыми на-*

рядными кучерами, только увидев скромную фигуру, усиленно кланяются. Мужа это заинтересовало, кто же это, заслуживающий такого почета? Он попросил извозчика обогнать впереди едущего и, когда обогнали, оглянулся и с восхищением увидел Павла Михайловича. Обеими руками шапку снял и как можно низко поклонился Павлу Михайловичу — великому создателю Третьяковской галереи. При его на редкость по-

этой чести, выразив желание остаться потомственным купцом.

«Я купцом родился, купцом и умру», — сказал коллекционер пришедшему от императора человеку.

До конца жизни Павел Третьяков оставался попечителем галереи: покупал для нее картины, работал над каталогами, расширял площади. Но, увы, проблемы со здоровьем все больше усугублялись, и в декабре 1898 года Павла Михайловича Тре-

Государственная Третьяковская галерея

разительной скромности тут был виден громадный почет, уважение всей Москвы».

За заслуги перед Отечеством российский император хотел пожаловать Третьякову наследный дворянский титул, но меценат отказался от

Третьякова не стало. По его завещанию галерее было передано больше 30 уникальных икон, которые коллекционер собирал почти десять лет. Они легли в основу будущего собрания древнерусской живописи Государственной Третьяковской галереи. □

Александр Песков

«Талант — это данность природы, ниспосланный Богом»

Фото являются собственностью театра

Звезда актера Александра Пескова зажглась на небосклоне российского кино с выходом фильма «Амэрикан бой», где он сыграл ветерана войны в Афганистане. Актерская харизма, красота и талант вмиг сделали из начинающего артиста суперзвезду. Бесконечные трюки, прыжки и драки, гонки на лодках и автомобилях — это все актер сделал сам. Сейчас на его счету более 120 ролей, совершенно разных по духу и исполнению. Мы побеседовали с артистом между перерывами в Театре Луны на Малой Ордынке, где он работает вот уже 18 лет.

— Александр, вы выросли в обычной советской семье. Ваш отец был военным офицером, мама преподавала историю в школе. Какими вам запомнились ваши родители?

— Отец был первым ребенком в семье, а всего детей было 14. Когда в 1942 году ему исполнилось 18 лет, его призвали на фронт. Отучившись

три месяца на офицерских курсах, он попал в разведпехоту и дошел, по-моему, до Прибалтики, но в Литве его военный путь прервался — восьмое ранение вывело отца из строя, осколок попал в коленный сустав. А до этого было ранение, которое он «пронесил» до конца своей жизни — осколок внутри грудной клетки, который не смогли извлечь, тогда не

было таких возможностей. Последнее же, восьмое, ранение привело к тому, что в госпитале пытались спасти ему ногу, но началась гангрена, и ее пришлось ампутировать. Поэтому в 1944 году он вернулся на родину, в Куйбышевскую область, ныне Самарскую, город Сызрань. Затем отучился на механика швейных машин и всю жизнь проработал на швейной фабрике техником-наладчиком швейных машин. И вот, когда ему исполнился 41 год, родился я...

А маме моей было 14 лет, когда началась война. Она вынуждена была работать, следуя тезису «Все для фронта! Все для Победы», и числилась в категории «дети фронта». Потом она поступила в педагогический институт, а, окончив его, работала в школе, периодически преподавая то географию, то историю, поскольку училась параллельно на двух факультетах.

— Расскажите, пожалуйста, как вы пришли в Театр Луны на Малой Ордынке?

— Я пришел в театр Луны по приглашению Сергея Проханова 18 лет назад на роль Томми Барбана в спектакле «Ночь нежна». Играл эту роль уже после Дмитрия Певцова, который изначально исполнял роль Томми. Но отыграв несколько спектаклей, я был переведен на другие проекты, а в спектакль были введены молодые актеры. И вот сейчас, спустя 18 лет, я снова вернулся в спектакль, где играю с Максимом Щеголевым (он — Дика Дайвера, а я — Томми Барабана), и безумно рад то-

му, что судьба вновь привела меня к этому спектаклю.

— В ноябре прошлого года состоялась премьера спектакля об Эдит Пиаф. Как он создавался?

— Когда у нас открывался новый сезон 2022–23 года, в театр принесли пьесу «Эдит Пиаф. Гимн любви». Евгений Герасимов, который принял эту пьесу, решил ее немного реконструировать, ввести побольше шоу-представления, чтобы там был кардебалет, поскольку Эдит Пиаф выступала и в ресторанах, и на больших сценах. Время, охваченное в пьесе, — это Франция до и после оккупации. Спектакль планировался просто как драматическая элегия, можно сказать, бенефис Эдит Пиаф, где она исполняет множество песен, известных всему миру, и Евгений Владимирович хотел, чтобы это было более зрелищно, более красочно. Кстати, он постоянно заходит к нам на репетиции, прогоны и порой дает очень дельные советы. Человек он очень занятой, помимо руководства театром, является и депутатом Московской городской думы. Остается только поражаться, как он успевает быть участником всех процессов.

Я был назначен на роль Жана Кокто — это ближайший друг Эдит Пиаф, он же драматург, он же режиссер. Мы «пашем», как настоящие танцовщики — не то, что кабаре, а, можно сказать, классические танцы с элементами кабаре. И мне в свои почти 60 лет тоже приходится заниматься танцами, изучать номера, кото-

Фото Натальи Киселевой

рые ставит очень талантливый, очень известный хореограф Иван Грицай. Спектакль очень красочный, музыкальный, высокохудожественный, из разряда высокого искусства, а не ежедневной одноразовой жвачки. Захватывает души, сердца и умы зрителей. Я надеюсь, буду долго существовать на сцене Театра Луны на Малой Ордынке.

— К слову, о жвачке. Как вы считаете, чего не хватает нынешним кинопродуктам?

— Я бы сказал, не хватает талантов, не хватает одержимости, и все-

отдачи служению искусству. Профессионалов, людей, самоотверженно отдающих себя выбору драматургии, идей. Опять же, и с финансированием определенные проблемы...

— Если случаются конфликты и недопонимания с режиссерами, как вы их разрешаете?

— Если говорить о кино, то мне не совсем посчастливилось работать с режиссерами. Бывает, что возникают спорные вопросы, какие-то недопонимания, но... рабочий процесс есть рабочий процесс. С талантливым режиссером недоразумений не бывает,

Слева:

«Жена на бис».
Ладислао —
Александр Песков,
Марко —
Сергей Варчук

«Жена на бис».
Анна —
Татьяна Солнцева,
Ладислао —
Александр Песков

Фото Наталии Киселевой

потому как всегда найдется общий язык, и фантазия одна, накрывающая другую, — это как раскрытие лепестка прекрасного цветка. Создается произведение искусства... Если актер действительно заинтересован в работе, а не идет туда как на Голгофу, обязательно найдется общий язык с режиссером. Лично я никогда не хожу на свою работу по принуждению. Это зов моей души, всей моей страсти. Я горю изнутри, а отдыхаю не для того, чтобы просто отдыхать, а для того, чтобы набраться сил для работы. Есть множество профессий, когда люди ходят на работу, дожидаясь

следующих выходных. Мне же, наоборот, скучно от выходных. Хочется работать, потому что это моя любимая профессия. И когда спрашивают, есть ли у меня хобби, я отвечаю, что хобби — это моя работа, потому что я в ней нахожу все для себя, что мне нужно.

— И как же все-таки вы отдыхаете?

— Вот так и отдыхаю — продолжаю дальше работать. Неважно, на сцене я, или на съемочной площадке. Я работаю в своем сознании, своих фантазиях, своем воображении.

Фото Наталии Киселевой

*«Казанова» —
Александр
Песков*

Пишу стихи, занимаюсь музицированием — всем, что связано с искусством. Ну, конечно, по дому приходится много чего делать. Бытовые вопросы меня не обходят стороной — приходится всем самому заниматься.

— Сверхзадача в творчестве для вас — это...

— Взгляд на сверхзадачу очень обширен. Я делаю все и в свое удовольствие, и с пониманием того, что я не должен идти на потребу массовой культуры и какого-то среднего уровня интеллекта моего зрителя, пускай зритель тянется до искусства. Тем паче никогда не признаю верности пути тех режиссеров, которые произведения великих или талантливых писателей дотягивают до себя. Поскольку проверенное временем

произведение порой недостижимое, но к нему надо стремиться. А некоторые режиссеры сегодня «опускают» до своего более низкого уровня ту же классику. Эксперименты, конечно, необходимы в искусстве, особенно театральном, классическом. Но это не значит, что надо взять, обрубить, обрезать перья красивейшей расцветке павлина. И останутся только колья от этих перьев, но с каким-то привнесенным непонятно из чего сделанным вторсырьем. Да оставьте вы в покое павлина и старайтесь соответствовать его расцветке, его природе. А талант — это все-таки данность природы, ниспосланный Богом.

— Любите ли вы импровизиацию?

Фото Натальи Киселевой

Обожаю, но только в контексте драматургического рисунка и решения. Никакой там «отсебятины». Импровизация — это внутренний посыл действия, отношения к той или иной ситуации, которая есть в заданном материале. Можно конечно, что-то и добавить свое, но надо очень осторожно к этому относиться. Есть произведения, когда нельзя вставить даже дополнительное местоимение или предлог, потому что будет не так замечательна эта музыка слова. Вот представьте себе произведение композитора: Бетховена, Шуберта, Моцарта. Пианист исполняет его и добавляет туда свои ноты, искажает мелодию. А ведь она от Бога пришла к композитору, он положил ее на нотный стан, через свои пальцы провел... Даже ритм и темп порою не

стоит менять, хотя это уже не так страшно. Но мелодию и гармонию, будь любезен, соблюдай досконально, как у автора. То же самое и в литературе.

— Ваш любимый спектакль в Театре Луны?

— Нет у меня любимых спектаклей. Нет у меня любимых книг, нет у меня любимых музыкальных произведений. Любимая у меня только жена. А так мне очень много чего нравится, я не хочу сужать рамки своего обожания.

— Вы поступили в один театральный институт, а потом перевелись в другой. Почему?

— Да, в 17 лет, сразу после школы я поступил в Щепкинское училище.

Фото Наталии Киселевой

Спустя два года был приглашен на съемки фильма Алексея Симонова под названием «Отряд». Там я познакомился с ребятами-выпускниками, на тот момент еще учащимися школы-студии МХАТ. Как-то так разговор за разговором, и я решил перевестись. Тем более что съемки не позволили мне по времени успеть сдать экзамены по окончании второго курса Щепкинского училища. Я, конечно, предупредил, что занят на съемках, но на экзамен так и не приехал. Тогда ребята и посоветовали мне переводиться в школу-студию МХАТ, и я перевелся на второй курс. Естественно, потерял год, и получилось, что вместо четырех лет (раньше в театральных вузах учились 4 года) проучился пять.

— Помните свой первый выход на сцену?

— Это было на первом курсе, на сцене Малого театра. Я тогда еще учился в Щепкинском училище. Поэтому, это был спектакль «Ма-Мурэ», и нас, первокурсников, задействовали в массовке. Я должен был пройти по авансцене мимо оркестровой ямы — уже не помню, то ли поднос нес, то ли мешок тащил — и боялся туда упасть, потому что прожектора ярко слепили... А так я с раннего детства был знаком не понаслышке со сценой через музыкальную школу, вокально-инструментальный ансамбль, через агитбригады и народные театры.

— После окончания школы-студии МХАТ вы поступили в МХАТ им. Горького. Расскажите подробнее о вашей работе с Татьяной Васильевной Дорониной. Какая она в жизни?

Слева:

*«Пиаф» —
Жан Кокто —
Александр Песков,
Эдит Пиаф —
Ирина Зайцева,
Поль Мерисс —
Тимур Еремеев,
Андре Бигар —
Денис Светличный*

*«Ночь» —
Розмэри Хойт —
Янина Студилина,
Томми Барбан —
Александр Песков*

— Еще будучи детьми, мы все ее знали по кино. Ну а потом посчастливилось работать в ее театре. Быть с ней на одной сцене — это потрясающе. Татьяна Васильевна прекрасная актриса, очень хороший руководитель. Да, она строгая. Но таким и должен быть руководитель: требовательным, ответственным. Все эти качества у нее были и есть. Спасибо ей большое за то, что она меня взяла тогда под свое руководство. Она очень волевая женщина, очень умная, крепчайший профессионал своего дела и как актриса, и как руководитель.

— Александр, как вы относитесь к зависти?

— Терпеть его не могу, потому что во мне нет этого. Когда вижу его в других, меня буквально коробит.

Зависть — она как желчь, она съедает изнутри, не дает развиваться человеку, который, обладая этим свойством, занимается не собой, а живет чужой жизнью. Он смотрит, как другие чего-то добиваются, и вместо того, чтобы сказать себе: «О! Как здорово! Прекрасно, я бы тоже мог так делать. Надо взяться за работу, надо взяться за себя и достичь таких же результатов», он завидует по черному и думает: «Ага, сволочь, он лучше, чем я...» Это негатив, это что-то такое бесовское, черное и грязное... Завистливый человек может быть способен на пакости, на предательство. Отвратительное качество! Но, увы, оно почему-то в роду людском существует, и никуда, видимо, от этого не деться. Остается смотреть с юмором, а завистливого человека просто пожалеть или лучше

иногда просто вычеркнуть из своего круга общения.

— Не могу не спросить про фильм, благодаря которому вас до сих пор помнят зрители. Прошло больше тридцати лет, а люди до сих пор вспоминают фильм «Амэрикан бой»...

— Мы его сняли в 1991-м году мы его сняли, а в 1992-м он вышел на экраны. В Голливуде — все с тросиками и компьютерами, а у нас ни того, ни другого, ни графики — ничего. Все на энтузиазме и желании попробовать себя на поприще боевика. Но у меня была хорошая спортивная подготовка, и мне было интересно сделать то же, что делали Чак Норрис, Сильвестр Сталлоне, Брюс Ли. Я не хуже Ван Дамма сидел на шпагате с провисом на табуретках, занимался каратэ, боксом. Когда режиссер трюков и режиссер-постановщик увидели, что я могу сам трюки сделать, они стали использовать меня без каскадеров. Ведь все равно подобрать фактуру актера трудно — у всех разная пластика, лицо, прическа и так далее, поэтому лучше, чтобы актер сам все выполнял, но без риска для жизни. Хотя было и не без этого. Драки, плавание, гонки на лодках и автомобилях — все делал я сам.

— Вы не любите отмечать дни рождения, однако скоро у вас юбилей, 60 лет. В эту круглую дату не верится, настолько в отличной физической форме вы нахо-

дитесь. А на какой возраст вы себя ощущаете?

— Ой, на двадцать! Как сказал Маяковский: «Иду красивый, молодой, 22-хлетний!». (смеется). Лстить самому себе можно, но отдавать отчет цифрам тоже надо, хотя на самом деле чувствую себя гораздо моложе своих лет. Но уже и не на 22 — все-таки возраст и физиология берут свое — а где-то в районе сорока.

— Благодаря своей работе вы переноситесь в разные времена и эпохи. Какое время для вас самое интересное? В какую эпоху вы бы перенеслись, если бы такая была возможность, имея под рукой машину времени?

— Очень трудно сказать, что бы мне понравилось. Мир так разнообразен, настолько быстро меняются события. В каждой эпохе не бывает ничего идеального. Что хотелось бы... Вы сами ответили на этот вопрос: благодаря кино, театрам и моим фантазиям я бываю в разных эпохах. Это как в спектакле «Казанова», где я исполняю роль Казановы. Там я часто перемещаюсь в своем сознании, в своих фантазиях, в пространстве и во времени. Нельзя застревать где-то в одном времени, надо все время куда-то перемещаться, это как диалектика. Есть закон отрицания: завтрашний успех будет отрицать вчерашний успех, то есть ты развиваешься. Только рост и ход вперед, без ущерба для окружающих. □

Беседовала Дарья Соколова

ШЕСТЬ ЧАСОВ НЕРАВНОГО БОЯ ✂

В течение шести часов, используя петровские пушки, канониры под командованием подпоручика Щеголева защищали Одессу.

Навсегда войдут в историю имена защитников Севастополя во время его обороны от англичан, французов, турок и сардинцев во время Крымской войны — Корнилова, Нахимова, Истомина, Петра Кошки, Афанасия Елисеева, Даши Севастопольской. А вот о подвиге батареи, которой командовал подпоручик А.П. Щеголев при обороне Одессы, известно немногим.

РУССКАЯ СМЕКАЛКА

Александр Петрович Щеголев родился 18 декабря 1832 года (по другим данным — 11 августа — Авт.). В 1852 году он окончил Константиновский кадетский корпус, и в феврале молодой прапорщик был направлен в 14-ю резервную батарею 5-й артиллерийской бригады, дислоцированной в Николаеве. А затем Щеголева в чине подпоручика перевели в Одессу, назначив командиром 6-й береговой батареи. Вскоре началась война. 27 марта 1854 года

к Одессе на пушечный выстрел подошел британский военный пароход «Фюриус». С русской батареи прозвучали четыре выстрела, и непрошенного гостя отогнали от Карантинной гавани. Тогда генералу Д.Е. Остен-Сакену был предъявлен ультиматум: русские артиллеристы, дескать, «оскорбили парламентерский флаг» на «Фюриусе», и взамен этого потребовали немедленной передачи всех английских и французских торговых судов, на которых было наложено эмбарго. Кроме того, союзники потребовали заодно

и выдачи всех русских кораблей, находящихся в то время в одесском порту. На ультиматум генерал не ответил. Никто даже не предполагал, что на Одессу, считавшуюся торгово-коммерческим городом, возможно нападение врага. Город не был готов к обороне. Но, тем не менее, было решено подготовиться к приходу «гостей». Гарнизон Одессы был немногочисленным — 1100 солдат-пехотинцев и 375 кавалеристов, а морская артиллерия состояла из двадцати старинных пушек. В спешном порядке были построены шесть батарей из 48 пушек. Расположили их на молах от дачи Ланжерона до Бульварной лестницы. Левофланговая батарея № 6 расположилась на военном молу Практической гавани. Ее командиром и назначили Щеголева. В его подчинении насчитывалось всего 28 нижних чинов, из которых только четыре были... артиллеристами. За день до прихода неприятеля Щеголев сумел соорудить редут для четырех пушек. Но не было... орудий. На вопрос где их взять, начальство посоветовало 22-летнему подпоручику выкопать... четыре ствола, врытых в землю. Нижние чины быстро их выкопали, очистили жерла. И какво было удивление Щеголева, когда он прочитал дату их отливки: 1723 год. Пушки были отлиты за два года до смерти первого императора России Петра I. Орудия появились, но не было к ним ядер. Александр Петрович со своими подчи-

ненными осмотрел полуразрушенный пакгауз и обнаружил в нем старинные ядра. По калибрам четырех пушек они как раз и подходили. Подпоручик боялся только одного — выдержат ли артиллерийские стволы стрельбу. Но опробовать их не только не хватало времени, но каждое ядро и небольшое количество пороха были на вес золота.

ПРОТИВ ВСЕЙ ЭСКАДРЫ

10 апреля 1854 года появился неприятельский флот. Вначале три паровых фрегата, ведя огонь, направились к Практической гавани — самому слабому месту обороны Одессы. А затем появились три английских и один французский фрегаты. В Карантинной гавани стояли торговые суда и суда нейтральных стран, поэтому бомбардировке ее не подвергли. Англо-французская эскадра, состоящая из 28 кораблей, в которой было десять паровых фрегатов, подвергла город страшной бомбардировке. Тысячи бомб, ядер и гранат обрушились на Одессу. Русские артиллеристы отвечали, но на вооружении были старые пушки, которые не причиняли никакого вреда врагу. К полудню 10 апреля пять русских батарей были сметены, оставалась только одна — шестая под командованием Щеголева. Обнаглевший враг, видя легкую поживу, устремился к берегу. Артиллеристы Щеголева открыли огонь. Канониры старались вести при-

Оборона Одессы в 1854 г. Гравюра 1901 г.

цельный огонь, но силы были неравные. К концу дня противнику удалось уничтожить три пушки. Оставшаяся четвертая продолжала стрелять. Ее ствол накалился до такой степени, что в любую минуту мог разорваться, и его беспрестанно поливали водой. Сам подпоручик не только командовал своими подчиненными, но иногда становился к орудию, ведя стрельбу. 350 вражеских пушек сосредоточили огонь против одной русской! Такого еще не было в истории артиллерии. А стреляли четыре артиллериста батареи Щеголева весьма метко и повредили три вражеских корабля. Артиллерийская дуэль продолжалась шесть часов! Противник так и не смог подойти к берегу и высадить десант. А на дру-

гой день англичане и французы были вынуждены ретироваться, не солено хлебавши. На следующий день один из офицеров посетил батарею и оставил такие строки: «Я обошел щеголевскую батарею. Она вся обожжена... внутри — зола, обгоревшие бревна, следы ударов бомб, избитые колеса и лафеты, и тела четырех пушек, лежащие на земле. Я молча снял шапку и, перекрестившись, поклонился чудному месту, на котором русский подпоручик сражался с англо-французской эскадрой». Сам генерал Остен-Сакен послал храброму офицеру записку на батарею: «Храброму, спокойному и распорядительному Щеголеву — спасибо. Генерал-адъютант барон Остен-Сакен. 10.04.1854 год». О ге-

роизме Щеголева вскоре узнал и сам император Николай I. Впервые в истории страны самодержец в течение одного только дня подписал два указа, согласно которым Щеголев из подпоручиков производился в поручики и из поручиков в штабс-капитаны. Император подписал указ и о награждении Александра Петровича орденом Святого Георгия 4-й степени. Будущий император Александр II, поздравляя Щеголева со званием штабс-капитана, прислал ему в дар свой Георгиевский крест, написав при этом: «С моей груди». Командующий артиллерией великий князь Михаил Николаевич отправил Щеголеву не только благодарственное письмо, но и саблю, на которой золотом красовалась надпись: «Храброму защитнику батареи № 6». Не отстали и другие Романовы. Великие князья Николай, Владимир и Александр (будущий император Александр II) Александровичи, поздравляя Александра Петровича, прислали ему серебряные штабс-капитанские эполеты.

ПОДВИГ, ЗАПЕЧАТЛЕННЫЙ НАВЕЧНО

Александр Петрович, о подвиге которого вскоре узнала вся Россия, продолжал службу в артиллерии. В 1865 году он был уже подполковником, а через семь лет — полковником. В русско-турецкую войну 1877-

1878 годов Щеголев командовал 2-й гренадерской артиллерийской бригадой. Отличился в боях за Плевну. Был произведен в генерал-майоры и зачислен в свиту Его Императорского Величества. А 30 августа 1888 года полковник, командир бригады Щеголев был произведен в генерал-лейтенанты с зачислением в запас полевой пешей артиллерии. В отставку он вышел в 1889 году и проживал в Москве. Здесь он и умер в 1914 году в возрасте 82 лет.

Его подвиг воспели в песне, где есть такие строки:

*Пусть сыплют ядра надо мной,
Пускай мы ранами покрыты,
Но этот пост сторожевой
Мы не оставим без защиты.*

Одна из улиц на Пересыпи в Одессе носит его имя. В Военно-историческом музее артиллерии, инженерных войск и войск связи, что в Санкт-Петербурге, о подвиге Александра Петровича напоминает трехпудовое чугунное ядро, на котором высечена надпись: «Страстная суббота 10 апреля 1854 года, г. Одесса» и литография Лилье «Подвиг батареи прапорщика (подпоручика) Щеголева. Здесь же можно увидеть и портрет самого отважного героя. А в Одессе на площади стоит пушка, снятая с того самого британского фрегата «Тигр», который в памятный день 10 апреля 1854 года произвел первый выстрел по беззащитной, по сути, Одессе... □

Евгения Гордиенко

ЖУРНАЛИСТ номер один

«У «Гейлорда» ему не понравилось, а Карков понравился. Карков — самый умный из всех людей, которых ему приходилось встречать. Сначала он показался ему смешным — тщедушный человечек в сером кителе, серых бриджах и черных кавалерийских сапогах, с крошечными руками и ногами. Но Роберт Джордан не встречал еще человека, у которого была бы такая хорошая голова, столько внутреннего достоинства и внешней дерзости и такого остроумия. Ему никогда не надоедало думать о Каркове».

Это слова из романа «По ком звонит колокол» Эрнеста Хемингуэя. Прототипом советского журналиста Каркова стал для писателя Михаил Кольцов, в одно время работавший с ним на освещении гражданской войны в Испании в конце 30-х годов.

Михаил Ефимович Кольцов родился в Киеве 31 мая (12 июня) 1898 года и при рождении носил имя Моисей Хаимович Фридлянд. Семья была небогатой: отец — Хаим Мовшевич Фридлянд — работал обувщиком, мать — Рохля Шеваховна — занималась детьми — Моисеем и его младшим братом Борисом.

В реальное училище будущий журналист поступил в Белостоке, куда переехала семья.

Таланты братьев проявились уже тогда: вместе они издавали рукописный школьный журнал: брат — впоследствии известный художник Борис Ефимов — иллюстрировал издание, а Михаил (будем отныне называть его так) — редактировал.

В 1915 году он поступил в Петроградский психоневрологический институт. Что влекло его туда? Почему при столь явных журналистских и писательских талантах он выбрал

медицину? Ответа нет и по сей день. Но известно, что именно там он стал заниматься журналистикой на постоянной основе. Учебу Михаил бросил, так как наступил 1917 год и все события, с ним связанные. Кольцов (он уже пользовался этой фамилией) вступил в большевистскую партию, в годы гражданской войны занимался редактурой армейской газеты. Через некоторое время он уже руководил отделом печати в наркомате иностранных дел, а с 1920 года начал работу в главной газете страны — «Правде».

Его звезда взошла очень быстро — Кольцова сразу признали одним из лучших. Коронным жанром журналиста был фельетон. Даже такой патриарх советской журналистики, как Давид Заславский, признавал талант новичка: «Я был старше по возрасту, он был старше меня по мастерству. У нас был разный стиль. Он писал литературными красками, пользуясь богатейшей палитрой. Я писал сухо, делал зарисовки углем, карандашом, пером».

Михаил Ефимович очень много ездил по стране, следуя главному принципу журналистики — всегда быть в гуще событий. Именно с Кольцова начался популярный впоследствии жанр «Журналист меняет профессию». Он был и школьным учителем, и таксистом, и метростроевцем.

Вот как писал он о школьной реформе: «Урок литературы. Учитель — весьма квалифицированный, чуть ли не доцент. Обсуждают «Анну Каренину». Обсуждают по всем пра-

вилам. Двое учеников написали доклады, остальные — комментарии к ним. Но это — социология, а не художественная литература.

Ученики крепко затвердили, что Толстой есть выразитель идей патриархального крестьянства, что Алексей Каренин — представитель правящей верхушки, а Вронский — выходец из военной среды. А о художественности образов и сцен романа, о глубокой человечности, о силе человеческих страстей, в нем изображенных, не говорят, стесняются, считают неуместным. К произведению подходят, как к социально-экономическому документу, и только... Они — хорошие и умные, эти средние, наудачу взятые советские ребята. Они много работают, думают и смеются»...

Именно Кольцов, по сути, возродил «Огонек». Вскоре вокруг этого журнала выросло огромное и активно работающее издательство под названием «Журнально-газетное объединение» («Жургаз»), которым Кольцов управлял, вникая во все редакционные, технические и финансовые подробности, интересуясь каждой мелочью этого разветвленного хозяйства, зная в лицо и по имени каждого сотрудника.

Деятельность «Жургаза» была масштабной. Выпускалось более тридцати периодических изданий самой разной направленности: «За рулем», «Советское фото», «Женский журнал», «Чудак», а также полные собрания сочинений Толстого, Тургенева, Чехова, Короленко. Именно

там и тогда зародилась книжная серия «Жизнь замечательных людей».

Один из фельетонов Кольцова назывался «Дача — так дача!» В нем журналист сетовал на отсутствие под Москвой зоны отдыха для рабочих. Решить эту проблему должен был «Зеленый город», к созданию которого Михаил Ефимович привлек не только средства, но и сотрудников архитектурных управлений и местных райсоветов. Современный Зеленоград по праву можно считать местом, которое появилось на свет

В 1930 году приказом Народного комиссара по военным и морским делам Клима Ворошилова за участие «во всех больших советских перелетах, сопряженных с большими трудностями» Михаилу Ефимовичу было присвоено звание летчика-наблюдателя.

Именно по инициативе Кольцова в 1932 году, к сорокалетию творческой деятельности Максима Горького, началось строительство самолета-гиганта «Максим Горький». Этой машине были посвящены очер-

Его звезда взошла очень быстро — Кольцова сразу признали одним из лучших. Коронным жанром молодого журналиста стал фельетон. Даже патриарх советской журналистики Давид Заславский признавал талант новичка и говорил: «Я был старше по возрасту, он был старше меня по мастерству. Он писал литературными красками, пользуясь богатейшей палитрой. Я писал сухо, делал зарисовки углем, карандашом, пером»

только благодаря стараниям журналиста «Правды».

Среди ряда «профессий», которые он перепробовал, стоит отдельно сказать о профессии летчика. Сам он самолетами не управлял, но авиация в его жизни занимала значительное место. Кольцов был участником первых советских авиаперелетов, взбудораживших весь мир. Во второй половине 20-х годов состоялись перелеты Москва-Севастополь-Анкара, Большой Восточный перелет по маршруту Москва-Анкара-Тифлис-Тегеран-Кабул-Ташкент-Москва.

ки «Как мы это делаем» и «На борту Максима».

Несмотря на то, что самолет был встречен овациями советских граждан, судьба его трагична. 18 мая 1935 года, во время демонстрационного полета вместе с двухместным Р-5 и истребителем И-5 (чтобы на их фоне был виден масштаб самолета-гиганта) «Максим Горький» потерпел крушение, упав на поселок «Сокол». Виноват был пилот истребителя, выполнявший слишком опасные фигуры и попросту упавший на «проплывавший» под ним большой самолет.

Губерт Лосте

Во время трагедии Кольцов находился в Париже на Международном антифашистском конгрессе писателей. А вскоре ему предстояло отправиться в главную командировку своей жизни — в Испанию.

«В Испании свергнут король Альфонс. Немедленно выезжайте в Мадрид. Редакция». Вот какую телеграмму летом 1936 года получил Михаил Кольцов, находившийся на тот момент с редакционным заданием в Воронежской области.

И в его жизнь вошла Испания вместе с гражданской войной, в которой республиканцы сражались с фашистами. Там он работал не только на «Правду», а еще под именем Мигеля Мартинеса оказывал «помощь» республиканским войскам.

И хотя гражданская война в Испании стала для Кольцова верши-

ной его карьеры, его таланты никак не повлияли на ее ход: республиканцы проигрывали.

В апреле 1937 года Кольцова вызвали в Москву для доклада Сталину, который был недоволен тем, что поддерживаемые им силы терпят поражение. Эта встреча подробно описана Борисом Ефимовым, братом Михаила Ефимовича, с которым Кольцов по возвращении из Кремля поделился впечатлениями.

«Расхаживая по своему обыкновению взад и вперед по кабинету и покуривая трубку, Сталин задавал Кольцову вопросы, касавшиеся буквально всего, что происходило в Испании. Остальные сидели молча. Наконец все вопросы были исчерпаны, все ответы получены и тут произошло следующее: Сталин подошел к Кольцову, который, конечно, немедленно встал, но Хозяин любезным жестом усадил его обратно, потом приложил руку к сердцу и низко поклонился.

— Как вас надо величать по-испански? Мигуэль, что ли? — спросил он.

— Мигель, товарищ Сталин, — ответил брат, несколько озадаченный этим «кривлянием», как он выразился.

— Ну, так вот, дон Мигель. Мы, благородные испанцы, благодарим вас за отличный доклад. Спасибо, дон Мигель. Всего хорошего.

— Служу Советскому Союзу, товарищ Сталин! — ответил, как положено, поднявшись с места и направляясь к двери, Кольцов.

И тут произошло нечто еще более неожиданное и непонятное: брат уже открывал дверь, когда Сталин его окликнул, жестом пригласил обратно и спросил:

— У вас есть револьвер, товарищ Кольцов?

— Есть, товарищ Сталин, — с удивлением ответил брат.

— А вы не собираетесь из него застрелиться?

Еще больше удивляясь, Кольцов ответил:

— Конечно, нет, товарищ Сталин. И в мыслях не имею.

— Вот и отлично, товарищ Кольцов. Всего хорошего, «дон Мигель».

Кольцова арестуют всего через год после этого «дружеского» диалога.

В 1938 году вышла книга «Испанский дневник», в которой журналист от первого лица рассказывал о легальной части своей работы, а от имени Мигеля Мартинеса — о тайной.

В декабре 1938 года Сталин лично попросил Михаила Ефимовича выступить перед писателями с докладом о только что вышедшем «Кратком курсе ВКП(б)». 12 декабря после выступления журналист вернулся в редакцию «Правды», где и был арестован.

Больше года Михаил Ефимович провел во внутренней тюрьме на Лубянке и подвергся пыткам. 1 февраля 1940 года Военная коллегия Верховного суда СССР в составе трех человек без участия обвинения, защиты и свидетелей огласила свой

вердикт: расстрел. Кольцов был обвинен в том, что он якобы прикнул к троцкистскому подполью и установил контакты с агентами германской, французской и американской разведок. Приговор был приведен в исполнение на следующий день в «Расстрельном доме» на Никольской улице, 23. Кольцову было 42 года. Его прах захоронен в общей могиле на Донском кладбище.

О личной жизни Михаила Кольцова рассказать можно не меньше, чем о профессиональной. Журналист был трижды женат.

Первая жена — Вера Леонидовна Юренева, актриса, была старше Михаила более чем на двадцать лет, но брак был заключен по большой любви. Поженились Михаил и Вера в 1918 году. Кольцов тогда только начинал свою карьеру и много ездил в командировки, а Юренева — на гастроли. Из-за частых разъездов полноценной семьи не сложилось, и супруги расстались в 1922 году. При этом они навсегда остались хорошими друзьями, часто переписывались. Из Испании Михаил Ефимович тоже писал письма первой жене.

Второй женой стала Елизавета Николаевна Ратманова, коллега, журналистка «Правды», сотрудница ТАСС. Современная женщина с сильным характером не смогла найти общий язык с родней Кольцова. Несмотря на это, супруги прожили в браке 6 лет — с 1924 по 1930 год. Официальный развод Ратманова давать категорически отказывалась, но после ареста Михаила

Ефимовича фактически отреклась от него.

Поскольку официально развод с Ратмановой оформлен не был, жениться в третий раз Кольцов не мог. Но гражданским браком он жил с

Своих детей у Кольцова не было. Но был «названный» сын — Губерт Лосте. История этого мальчика, весьма популярного в свое время, вызывает настоящую оторопь и стоит того, чтобы быть рассказанной.

Именно Кольцов возродил «Огонек». Вокруг этого журнала выросло огромное и активно работающее издательство под названием «Журнально-газетное объединение» («Жургаз»). Деятельность «Жургаза» была масштабной. Выпускалось более тридцати периодических изданий самой разной направленности, а также полные собрания сочинений Толстого, Тургенева, Чехова, Короленко. Именно тогда и зародилась книжная серия «Жизнь замечательных людей»

Марией Остен, немецкой писательницей-коммунисткой. Познакомились они в Берлине. Оба были страстно преданы своей работе. Мария была увлечена Советским Союзом, часто бывала там, занималась переводами советских писателей. После прихода Гитлера к власти в Германии стало небезопасно, и Кольцов предложил возлюбленной переехать в Москву. В СССР Мария много писала для столичных газет и журналов, ездила по стране, вошла в круг общения творческой интеллигенции. Эти отношения продлились до 1937 года. Несмотря на то, что они уже не были вместе к моменту ареста Кольцова, Мария пыталась вызволить его, но тщетно. Ее саму арестовали в 1941 году, год спустя она была расстреляна в саратовской тюрьме.

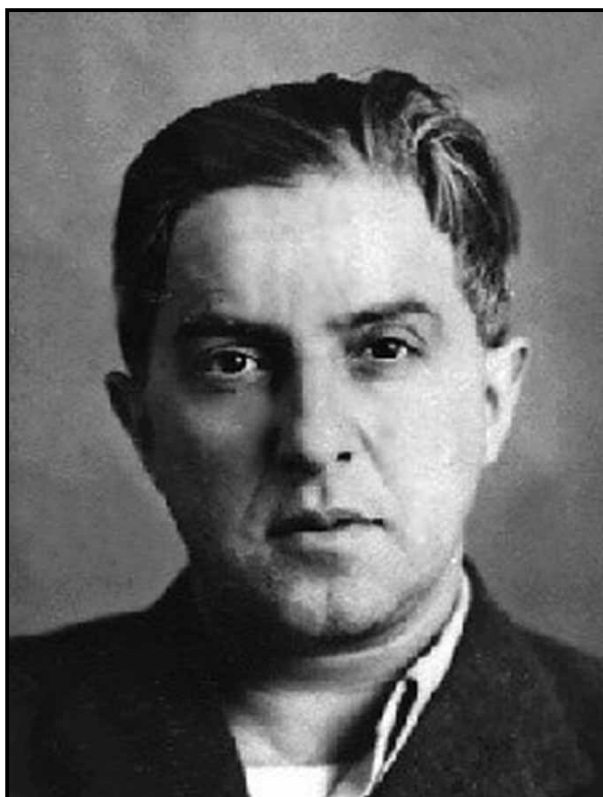
В 1933 году Михаил и Мария были в командировке в городе Саар, где в гостях у местного коммуниста Иоганна Лосте познакомились с его сыном — десятилетним Губертом. Кольцов предложил Губерту поехать с ними в СССР, чтобы пожить в стране, где настоящие коммунисты стоят у руля. Родители дали согласие отпустить мальчика на один год. Приезд Губерта широко освещался — «сын бедного железнодорожника-коммуниста из Саара попадает в прекрасную страну, где его ждет много открытий».

Остен написала книгу о приключениях немецкого мальчика в СССР — «Губерт в стране чудес», в которой действительно все похоже на сказку: Губерт писал восторженные письма родителям — о том, что мечтает поехать на Дальний Восток, что

познакомился с настоящими пионерами и хочет стать летчиком. Они же отвечали ему, что в Германию сейчас возвращаться опасно, они уже переехали в Париж и просят его оставаться в Советском Союзе, в безопасности. Все дети, разумеется, советовали немецкому мальчику пожить еще в Советском Союзе.

Но реальность была совсем другой: на самом деле Губерт с трудом привыкал к новой обстановке, не мог найти друзей. К тому же Кольцов и Остен часто бывали в командировках, оставляя его одного. В результате в 1936 году Губерта отправили в детдом.

После ареста Кольцова мальчика поддерживал брат журналиста, Борис Ефимов. Он помог ему окончить техникум и переехать в квартиру Кольцова в Москве. В начале войны Губерта эвакуировали в Казахстан, где он стал работать... пастухом. В 1948 году он попал в лагерь за кражу заводской собственности и просидел в нем три года. После этого бывший немецкий мальчик был полностью сломлен. При помощи Ефимова в середине 1950-х Губерт Лосте поселился с семьей в Крыму. Все эти годы он пытался вернуться домой, связаться с родными, писал через Международный Красный Крест. Но в Германию его так и не выпустили. В 1958 году к уже разочарованному и больному Губерту приехала мать. А год спустя он скончался, ему было 36 лет. Разумеется, не Михаил Кольцов был виной такой печальной судьбы, но изначально Губерт был скорее

«проектом» журналиста и Марии Остен, а не живым человеком, к которому относились по-человечески.

Только в 1954 году, уже после смерти Сталина, приговор Михаилу Кольцову был отменен, а дело прекращено «за отсутствием состава преступления». В июне 2016 года на «Доме на Набережной» была повешена памятная табличка «последнего адреса» Михаила Кольцова...

Большой человек, считавшийся в свое время «журналистом номер один», как и все великие люди, прожил жизнь яркую и неоднозначную. И пусть это будет напоминанием о том, что мир никогда не делился и не будет делиться на черное и белое. И в одном человеке всегда могут быть Михаил Кольцов, и Мигель Мартинес, и Моисей Фридланд. □

Журавушки

Уже который день сыпала холодная морось, скрывая округу в туманной дымке. Черные поля в пятнах грязного снега превратились в непролазные болота, где взгорок, там еще видна земля, а низинки заполнены жидкой холодной грязью вперемешку с талым снегом. Не пройти, не проехать...

— Скорее бы... — вздохнул усатый пожилой солдат, прислушиваясь к редким разрывам снарядов. — Надоело ждать, который день не двигаемся. Раскиселило поля, не пролезешь. А морось сеет и сеет. Вся одежда наскрозь промокла. Скорее бы... — Сказал, вздохнул и поник, упершись взглядом в землю.

— Не бойсь, Мокеич, мы пролезем по грязи, потому что это наша земля, а фашисты застрянут. Знаешь что, не торопись на тот свет, — хохотнул разбитной высоченный крепыш в драной телогрейке, из которой торчали клочья ваты, и в шапке, сдвинутой на затылок. — Как в атаку идти, весь изведешься и другим покоя не даешь. Лучше на меня глянь. Я вот не тороплюсь, а все потому, что мне на том свете будет скучно. У меня же еще столько недоцелованных девок осталось, что просто не могу помереть раньше времени, покуда всех не переобнимаю... не потискаю...

— Тьфу, ты, охальник! — сплюнул себе под ноги сосед, сидевший напротив пожилого солдата. — Ты, Мокеич, не слухай этого обормота. У кого что, а шивому баня, так и у нашего Петьки. О чем бы не вели разговоры, все к девкам сведеть, словно других делов нет. Одни бабы на уме. У, паршивец! — Он перехватил винтовку и погрозил кулаком.

— Да я не обращаю внимания, — сказал старый Мокеич, взглянул на темное низкое небо, по которому изредка пробегали всполохи от разрывов, прислушался к монотонному шороху мороси, к беспорядочной стрельбе со стороны фашистов, вздохнул и снова глаза в землю. — Он же

молодой. Кровь играет, вот и болтает, что ни попади. Мы такими же были. Помню, батя меня вожжами отходил, когда мать Нинки Антоновой пожаловалась, что застала меня на месте преступления, когда я за баней тискал ее дочку. Честно сказать, вовсе не тискал. Ну, раза два попытался обнять, а ее матери во тьме предвиделось незнамо что. Вот и пожаловалась. Отец даже не стал разбираться, сразу сдернул вожжи со стены. У, как всыпал мне — страсть! Я неделю на животе спал. Враз отучил. До самой свадьбы на девок не смотрел. Отца боялся. Жинку впервые на свадьбе чмокнул. И у нашего Петьки кровь молодая и дурная. Не успокоится, ежели раньше мужики ребра не пересчитают за дочек. — Он вздохнул, помолчал, а потом продолжил: — Тут понимаешь, Федор Василич, какое дело... Ждать не люблю. Если в атаку, так сразу, чтобы подняли нас, и вперед на фашистов, и гнать их, сволочей, ни на минутку не останавливаясь, покуда последнего не прикончим. А ежели уготована судьбой поймать мне пулю аль осколок, пусть тоже сразу будет. Ну, чтобы сам не мучился и других не мучил. Чмокнуть в лоб, и нет меня. Я заранее местечко для себя присматриваю, когда в атаку поднимают. — Мокеич приподнялся, осторожно выглянул из окопа и ткнул пальцем: — Вот и сейчас... Ты, Федор Василич, видишь в отдалении небольшой лесок? Вон, березоньки растут. Если мне уготовано поймать осколок аль пулю, среди березок схороните и на досточке напишите, что здесь лежит Порфирий Мокеич Лукин, а ниже добавьте, тока обязательно, что родом я из деревни Наумовка, которая подле города Томска находится. Город непременно укажите и речку Томь, на берегу которой наша Наумовка стоит. По России таких Наумовок без счета. А тут сразу будет понятно, что это я лежу. Надежи мало, что мои разыщут могилку, но все же... И обязательно схороните под березками! Светлые они, чистые. Пусть над головой шумять. Не век же война будет длиться, когда-нить и мир наступит. И тогда, глядишь, какой-нибудь путник остановится. Прочитает, что я здесь лежу, глядишь, и помянет. Ну, а не помянет, пусть просто посидит под березками. Отдохнет в теньке, своих вспомнит, а потом дальше пойдет...

— Ну что торопишься-то, Порфирий Мокеич? Как начинается подготовка к атаке, так песню заводишь про свою пулю, — опять влез в разговор разбитой Петька и прихлопнул широченной ладонью шапку, которая едва держалась на затылке. — Твоя пуля тебя найдет, если на роду написано. Можешь не беспокоиться, она мимо не пролетит, и в соседа не угодит. И не нужно ее ждать, только душу травишь. А надо, чтобы нежданно, чтобы раз, и все тут. Ну, как я делал, покуда меня на фронт не отправили. К примеру, приглянулась девка. Я не жду под окошками и не кидаю камушки, вокруг не хожу и не вздыхаю, как другие делают. А увидел, она идет, подскакиваю

и говорю — «Здрасьте вам!» Сграбастаю в охапку девку, тока писк разносится, и тут же в щечку чмокну. А сам держу ее, крепко держу, чтобы не вырвалась! И она прям на глазах начинает таять. «Ах, Петюня, как же ты посмел без разрешений обниматься, а тем более с поцелуйчиками лезть ко мне?» Вроде начнет совестить, а сама крепче прижимается. А что я? Тут разрешений не треба, а нужна смелость и напор, вот как у меня, к примеру...

— Тьфу, ты, пакостник! Гляди, Петруха, отцы-то быстро ребра пересчитают. Не поглядят, что вымахал оглобля оглоблей, вмиг юшкой зальешься, что девок позоришь, — опять чертыхнулся Федор Василич.

Солдаты, сидевшие в окопе, гоготнули, но тут же притихли, когда в окопе появился командир взвода. Склонившись, он быстро добрался до них, внимательно осмотрел всех, взглядом нашел невысокого, юркого Корнея Мохова, кивнув, что-то шепнул ему, и, выбравшись из окопа, они вместе с Корнеем Моховым поползли по раскисшему снегу. Останавливались, припадая к земле. Если раздавались автоматные или пулеметные очереди, они тут же скрывались в воронках, и прислушивались к свисту пуль над головой, а потом снова ползли. И так, пока не прошмыгнули в крайнюю разбитую избу, стоявшую подле небольшого озера.

— Гляньте, ребятки, уже в который раз наш командир в разведку полез, — чуть приподнявшись, сказал пожилой солдат. — Ох, отчаянный! Теперь будут вместе с Моховым за фашистами наблюдать. Не иначе, в атаку поднимемся. Эх, скорее бы война закончилась! Ведь весна же пришла. Землица стосковалась. Гляньте, грачи по полям вышагивают. И наплевать птицам, что война идет. Весна пришла, а с нею — жизнь. Пахать-сеять нужно, а мужиков не хватает. Если вернусь домой, упаду на землю и буду обнимать ее и ласкать, как бабу свою, а потом в поле подамся, буду хлебушек выращивать. Эх, жизнь... — Он вздохнул, вытащил кисет и задумался, вспоминая прошлую мирную жизнь и супругу свою, потом опять завздохал и стал сворачивать сигарку.

— Правду говоришь, Федор Василич, — закивал один из солдат, прислушиваясь к разговору, а потом взглянул в низкое небо: — Надьсь был «Герасим-Грачевник». А значитца, весна пришла. Вон, скока грачей прилетело, а ишо больше в пути находятся. Россия-то большущая. Покуда они по всей стране разлетятся — это же скока времени требуется. Вот и летят, вот и несут на крыльях весну-то... — Сказал и завздохал. Стосковался по мирной жизни.

И солдаты поднимали головы, всматриваясь в тяжелое, темное небо, сплошь покрытое облаками.

Солдат, сидевший в обнимку с винтовкой, поднял голову, прищурился, всматриваясь в небо, сбил шапку, приложил ладонь к уху и вздохнул:

— Показалось, видать, братцы, показалось...

— Что показалось, Леонтий? — Мокеич тоже задрал голову и принялся взглядом шарить по небу. — Неужто самолеты летяты? Нет, кажись... Тока орудия бьют..

— Жонка письмишко прислала, — помолчав, сказал Леонтий и принялся укутываться в шинель. — Зябко что-то... Жонка пишет, журавушек много появилось. Как война началась, так и летят, так и курлыкают. Душу терзают....

— Правда, твоя, Ленька, — закивал головой Федор Василич. — Курлыкают, за душу хватают. Дочка прислала весточку, тоже про журавушек пишет. Как весна-осень наступает, и откуда они берутся, летят и летят. Тока поднимешь голову, в небо взглянуть, а там их — тьма-тьмущая. И плачут с небес, и покоя не дают...

Он невольно взглянул на небо, словно хотел рассмотреть их, журавлей, а потом вздохнул и опустил взгляд в землю.

— А у нас в деревне говорят, будто солдатские души в журавлей вселяются, — вскинулся один из пожилых солдат. — В наших краях никогда не было журавлей, а после гражданской войны они появились. У нас в войну словно косою выкосили мужиков. Мало осталось, кто с гражданской вернулся. Зато журавли появились. Много. Кружили над дворами, курлыкали, словно домой просились. Будто хотели сказать: «Что же вы взаперти сидите, откройте двери — это же мы, ваши отцы и сыновья, вернулись!» Вот с той поры у нас говорят, будто солдатские души в журавлей переселяются. Плачут они, в небо просят, а потом торопятся домой. Так и живут погибшие рядышком с родными. С небес посматривают и курлыкают, весточку подают, что видят, что помнят... А сколько еще до конца войны журавлей с солдатскими душами появится — этого никто не знает. По всей землематушке разлетятся наши журавушки. Эх, жизнь!..

Он замолчал. И другие молчали. Одни курили, другие о чем-то думали, а третьи в небо смотрели. Наверное, хотели увидеть журавлей с солдатскими душами, а может, хотелось услышать курлыканье, что они домой возвращаются, в места родные...

— Наш взводный ишо молоденький, а сурьезный — страсть. Его хотели списать опосля контузии и ранения, а он уперси — нет, и все тут, пойду фашистов бить. И настоял. Так и вернулся, — сказал Мокеич, выглянул из окопа, но взводного и Корнея Мохова не увидел, покачал головой и ткнул локтем солдата: — Угости табачком, Федор Василич, а в следующий раз мой покурим.

Они закурили и замолчали, каждый задумался о чем-то своем.

И солдаты, сидевшие в окопе, тоже продолжали молчать, только прислушивались к разрывам снарядов да поглядывали на нависшие темные тучи.

— О, лупят и лупят! — прислушиваясь к редким одиночным залпам, не удержался разбитной Петька. — Слышь, братцы, а скока снарядов и патронов выпустили по фашистам? Да я знаю, что много, наверное, со счета можно сбиться. Орудия лупят, а я пальцы не успеваю загигать. Так и бросил считать. Много, и все тут! Я что хочу сказать, почему не придумают такие пули, чтобы, к примеру, стрельни в любую сторону, а она все равно найдет врага и попадет в него? Мы бы всех врагов перебили. А сейчас скока счетоводов нужно держать, чтобы пули да снаряды пересчитать? Замучаешься бумажки переключивать. Эх, умишка не хватает мне, а то бы я хитрую пулю придумал. Вот уж бы я тогда... — вздохнул он и зажмурился, мечтая, если бы и, правда, взял бы, да придумал такие пули, чтобы сразу наповал разили всех фашистов и прихвостней, вот тогда бы...

— Что болтаешь, Петруха! — хмуро сказал солдат, кутаясь в потрепанную шинель. — Неча языком зазря молоть. Лучше за собой смотри, сколько пуль в «молоко» пустил. Не суй нос, куда не просят, а то можно и потерять. Если не отстреляют, тогда... Ишь, хитрую пулю придумал бы! Там и без тебя есть кому бошку ломать... — Он замолчал, и неопределенно покрутил в воздухе рукой.

— Ты это что — пугаешь меня, да? — взвился Петька, но тут же в раскоряк уселся на дно окопа, когда его дернули за полу драной фуфайки. — Ну-ка, пусти! Сейчас я ему...

— Что бошку-то под пули подставляешь, дурень? — со всех сторон загомонили солдаты. — И так мозгов не хватает, а тут бы фашисты последние вышибли. Они же не дураки, враз бы решето сделали. Там же у них снайпер сидит, сволочуга! Спрятался среди кустов и лупит. Головы не дает поднять, а ты выстрочился. Нате вам, какой я храбрый! Ага, велика фигура, да дура...

— А что он вздумал пугать меня, что нос прищемят? — снова стал заводиться Петька. — Видел я таких. Тоже мне, напугал ежа голым задом!..

Где-то в стороне громко и разноголосно прозвучало «Ура!», протарахтела короткая очередь, за ней другая и вразной несколько винтовочных выстрелов. Со стороны немцев заполошно застрочили пулеметы, видать, подумали, что начинается атака, но тут же затихли. Чуть погодя снова донеслись короткие очереди, и с той стороны озера заработали минометы.

— Гляньте, братцы, как фашистов выманивают, — ткнув корявым пальцем, ухмыльнулся Порфирий Мокеич. — Сейчас наши наблюдатели наставят крестиков, где пулеметы, минометы и орудия находятся, разведчики вернутся, глядишь, языка приволокуть, в штабе обсудят, дадут команду из пушек стрелять, и тогда куда только фашистские минометы разлетятся. Что ни говори, а у немцев нервишки стали шалить. Не то, что в начале

войны были. Сейчас разочек стрельнешь, а они наугад всю обойму выпускают, да еще торопятся! Эть, дураки-то какие! — Он махнул рукой и снова захекал, прикрывая щербатый рот.

— Дураки или нет, а сколько наших полегло за годы войны — не счесть! Скока журавушек отправились в дорогу дальнюю, душами солдатскими на родину полетели, — вздохнул Федор Василич, взглядом проводил взлетевшую ракету, прислушался к редким очередям и частым минометным обстрелам и опять завздыхал: — Видать, правда, нужно к атаке готовиться. Не зря уж который день наши беспокоят фашистов. Ага, вот опять наш пулемет застрочил. И фашисты не удержались, стараются, мины, словно горох, сыпятся. Что ни говори, а наши — молодцы, да еще какие! Вон, какую подготовку ведут. Я нынче видел Ивана Головина. Он шепнул, что скоро поднимемся. Большое наступление ожидается. Эх, да полетят журавушки ко родным местам. Эх, жизнь!..

Солдаты невольно взглянули на низкие облака, наверное, журавушек высматривали.

— Говорят, танки пойдут в наступление — это хорошо, а мы за ними двинемся, — кивнул Петька. — Такая силища поперет, все фашисты разбегутся. У, сволочуги! — и погрозил кулачищем.

— А ты хотел впереди танков побежать? — громко загоготали солдаты и тут же притихли. — Представляем, как наш Петька, словно заяц, зигзагами в своей драной телогрейке несется быстрее танков. От такого вида все немцы будут драпать, подумают, что русские новое оружие создали. А это наш Петруха несется. Хе-х! Ты бы, Петька, свою телогреечку подлатал. Хвастаешься, за девками ухлестываешь, а сам уж который день в драных подштанниках разгуливаешь. Не лето на дворе, так и причиндалы отморозить недолго. Что тогда делать-то будешь, а?

И опять все дружно расхохотались, но тихонечко, чтобы не услышали.

— Что ржете, жеребцы? Застоялись, что ли? — опять взвился Петька и поправил рваную телогрейку. — Это в прошлую атаку, когда высотку брали, всю телогрейку продырявило осколками. Как рвануло недалече, думал, что все — хана мне пришла. Когда дым рассеялся, смотрю, Иван Баргузин и Макар Еськов с Колькой Ершовым убитые лежат, которые вместе со мной бежали, а я весь целый, ни царапинки, а вся одежда в клочья, даже сапоги в двух местах зацепило. Видать, не мой снаряд прилетел. Да, Мокеич? Ты же главный мастак по своим пулям...

— Тебя, охламон, ничем не возьмешь, — обнимая винтовку, заворчал Мокеич. — На штык напарывалси, чуть ли кишки по земле не волочил. Другой бы помер, а ты жив осталси. Вернулси из госпиталя, так словно шило в одно место сунули — никакого покоя нет от тебя. Видать, в кишках что-то забыли в госпитале, вот и свербить там, покоя не дает. И стреляли

в тебя, даже на переправе умудрился выплыть, когда рядом с плотом разорвался снаряд. Плот в клочья! Все потонули, а ты выбрался...

— Так это же... — хмыкнул кто-то из солдат. — Говорят, что оно не тонет, так и наш Петруха...

Петька не удержался и с размаху приложился широченной ладонью по его каске с такой силой, что солдата качнуло. Даже не качнуло, а у него словно ноги разъехались, и он лицом ткнулся в грязь. Солдаты взглянули на него, когда он возился в жидкой грязи, пытаясь подняться, и, не удержавшись, расхохотались, медленно расползаясь по окопу.

— Я вижу, и ты не тонешь, — с ехидцей произнес Петька, но тут же ухватился за воротник и дернул солдата, поднимая с земли. — А в следующий раз могу и покрепче приложиться. Я бычка с ног валю, а ты, худосочный, от одной оплеухи из штанов выскочишь. — Он вдруг зажмурился и мечтательно проговорил: — Эх, помню, как однажды с Танькой Колесниковой вдоль речки гуляли, а навстречу нам...

— Ну, вот, опять взялся за старое, — перебил его Мокеич. — О чем бы ни говорил, все разговоры к девкам сведеть. Одна радость в жизни — бабы! Тьфу на тебя, срамник!

— А что еще делать-то? — ответил Петька и снова мечтательно зажмурился: — Вот вернусь после войны и сразу женюсь. Нет, не сразу. Сначала наверстаю, что из-за войны не успел, а потом уж женюсь. И девушку возьму тихую да работающую. Пусть не красавица, пусть. Главное, чтобы по душе пришлось. Эх, зажили бы с ней!

Он вздохнул, нахмурился и замолчал.

Молчали и солдаты. Каждый сидел и думал о своем. Может, семью вспоминали и родной дом, а может, думали про эту проклятую войну и мечтали поскорее вернуться домой. Контуженными, израненными, без рук или ног, но вернуться. Ну а если суждено погибнуть, так журавушки с душами солдатскими домой полетят. И закурлыкают они, заплачут. Наверное, так и будет...

— А у нашего комбата отец погиб, — неожиданно сказал Федор Васильич. — Помните, пополнение подросло, когда фашисты хотели прорваться под Ивановкой? Они в последний момент подросли, и их сразу же бросили в бой — некогда было знакомиться, как наш взводный сказал. Сразу в бой! А потом, когда бой закончился, стали подсчитывать потери. Раненых в санбат или в госпиталь определили, а документы погибших понесли комбату. И тут выяснилось, что среди них был его отец. Вот так судьба распорядилась, что оба в одном бою находились, и друг друга не увидели. Комбат почернел, когда взглянул на документы. Теперь всю жизнь будет корить себя, что отца не сберег. Эх, жизнь... — Он вздохнул и ссутулился, опустив голову.

— Вот и еще один журавль понес солдатскую душу на родную сторонушку. Эх, война проклятушая! Сколько же еще таких журавушек отправится в родные места? Эх, жизнь!.. — откуда-то со стороны донесся голос. — А если бы комбат знал, что батя прибыл, неужто бы отца в бой не пустил, при себе стал бы держать?

— Мы не знаем, что у комбата на уме, — пожал плечами Федор Василч. — Все же отец, но, в то же время, он — солдат...

Он замолчал, достал кисет, неторопливо скрутил сигарку, несколько раз затянулся и протянул Мокеичу:

— На, друг, покури. — Затем прислушался к нарастающему гулу канонады и воскликнул: — О, наши так лупят по фашистам — аж земля дрожит! А потом, наверное, и мы тронемся. Дело к этому идет...

— Скорее бы, — сказал Мокеич и, обжигаясь, торопливо стал затягиваться, а сам, нет-нет, поглядывал то в сторону леска, откуда доносился рокот танков, то в сторону немецких окопов, откуда слышны были разрывы снарядов, и взлетала черная земля вперемешку с комьями снега, почти незаметная на фоне темного низкого неба. — Не люблю ждать. Скорее бы... — повторил он, покрутил в руке небольшой тлеющий окурочок и сунул его Петьке, который стал быстро затягиваться едким дымом.

В окоп скатился взводный. Следом за ним юркнул Корней Мохов, чуть было не свалившись на спину Порфирия Мокеича. Чертыхнулся, подхватил упавший автомат и бросился к блиндажу. Взводный помотал головой и схватился рукой за каску — голова его дергалась после контузии. Долго смотрел на солдат, сидевших в окопе, словно хотел что-то сказать или спросить, но не стал, а взглянул с недоумением на Петьку и рявкнул:

— Никандров, почему у старшины не заменил ватник? Сколько можно говорить, а?

— Так это же... — Петька запнулся и развел руки в стороны. — Это... Я несколько померил, а рукава до локтей. Как же воевать-то буду? Старшина сказал, что подберет для меня и притащит. Видать, не может найти.

Взводный нахмурился, скрипнул зубами, погрозил кулаком, а потом прислушался к гулу и сказал:

— Скоро в атаку двинем. Петров, Шорсткин, не высовывайтесь! Отстреляют голову, как жить будете? А ты чего раскорячился посреди окопа? — рявкнул он на солдата, который сидел, что-то разыскивая в вещмешке. — Не на базаре сидишь. Сдвинься! Приготовьтесь, бойцы, после артподготовки пойдем. По сигналу красной ракеты поднимайтесь. И не высовывайтесь раньше времени, не подставляйтесь! В бою каждый солдат на вес золота. Готовьтесь к атаке, бойцы. Ждите ракету. Ждите! — Пригибаясь, по окопу, он заторопился в сторону леска.

Из блиндажа выскользнул политрук. Двинулся, было, вслед за взводным, но вдруг остановился возле солдат, задумчиво посмотрел на них и хрипловато-простуженным голом произнес:

— Ну, бойцы, держитесь! Прошло то время, когда мы отступали. Пора в обратную дорогу пускаться. Все, ждите ракету. Теперь будем гнать фашистов с нашей земли-матушки. В шею гнать, чтобы больше никогда к нам не совались. Нас не победить, потому что мы... — Он замолчал, нахмурился, крепко сжав кулак, погрозил в сторону врага, затем снова посмотрел на солдат и заторопился к другому взводу, который расположился неподалеку от них.

— Ну, вот, снова ждать, — заворчал Мокеич, а сам невольно провел рукой по застегнутому ватнику, чуть сдвинул каску на глаза и застыл, прислушиваясь к разрывам снарядов, потом взглянул на березовую рощицу и ткнул локтем Федора Василича:

— Ты, Василич, не забудь, о чем попросил тебя. Ежели встречу со своей пулей, знаешь, что делать. Светлые березки, чистые... — кивнул он в сторону березового леса.

— Мы еще повоюем, — покосившись, медленно сказал Федор Василич. — Мне за сынков нужно рассчитаться. Журавушками домой вернулись. Мне никак нельзя помирать. Поклялся, что до самого Берлина дойду, но отомщу за сыновей. Сполна, с лихвой рассчитаюсь...

Медленно говорил. Каждое слово, словно камень ложилось на душу. Зубами заскрипел: громко, знобко. И снова лицо в камень превратилось. А взгляд тяжелый, колючий...

Солдаты притихли. Вроде спокойно сидят, а в то же время настороже, словно струны натянутые. Трость, и зазвенят. Трость, и сорвутся с места. И тогда...

И тут наступила такая тишина, что аж в ушах зазвенело. Закончился артналет. Резко закончился, словно взяли и отключили орудия. Солдаты подняли головы, всматриваясь в тусклое, серо-черное небо, откуда доносилось курлыкание журавушек, метавшихся над округой. Вдруг в небо взлетела ракета, зависла на миг, и где-то там, в облаках расцвел ярко-красный цветок, который стал медленно опускаться.

Первыми пошли танки. А следом на краю окопа поднялся политрук во весь рост, замер на мгновение, взглянул на журавлиный клин над головой, окинул взглядом солдат, потом взмахнул рукой, и, перекрывая танковый гул, в воздухе разнесся протяжный хрипловато-простуженный голос:

— Батальон, в атаку!..

И поднялись солдаты в атаку, и, нарастая, над округой прокатилось:

— Ура-а-а!

А над полем курлыкали журавушки... □

ДОКТОР С ОЧЕНЬ ВНИМАТЕЛЬНЫМ ВЗГЛЯДОМ

Магомед-Салах Алхазурович Газимиев — доктор медицинских наук, профессор, директор Национального медицинского Исследовательского центра урологии, заместитель директора института урологии и репродуктивного здоровья человека Сеченовского университета, член Диссертационного совета Сеченовского университета — родился в селе Чечен-аул, там же окончил школу, поступил в Первый Московский медицинский институт имени И. М. Сеченова и после окончания института все эти годы трудится в его стенах.

Магомед Газимиев

«Научить человека хорошо лечить можно, но если у него нет призвания, то настоящего врача с большой буквы все равно не получится»

Фото из личного архива

— Магомед-Салах Алхазурович, ваше полное имя и отчество являются подтверждением флотской мудрости: «Как назовешь — так и поплывет». Потому что в переводе с арабского Магомед — это «достойный восхищения», Салах — это «делаю-

щий добро», Алхазур — это «орел». То есть — «достойный восхищения, делающий добро орел».

И действительно, что сразу бросается в глаза при встрече — доктор с очень внимательным взглядом, к тому же высок, красив, а спина — на

зависть почетному кремлевскому военному караулу. И на самом деле чем-то похож на орла...

— Наверное, когда бабушка давала мне второе имя, что-то чувствовала или уже понимала, чем я буду заниматься в жизни.

— *Стало быть, по порядку. В небольшом селе Чечен-аул, недалеко от Грозного, родился мальчик, потом пошел в школу, с отличием ее окончил и поступил на фельдшерское отделение медучилища...*

— Да, в Грозном есть медицинское училище, после окончания школы я туда поступил, но... проучившись там почти год, ушел. Ушел потому, что меня как-то вызвала к себе в кабинет директор училища и сказала, что училище — это не мое, что я зря трачу время, мне надо поступать в медицинский институт или академию.

Это был 1985 год, год активного участия СССР в афганской войне, и многие из моих ровесников стремились попасть туда. Я тоже решил пойти служить в армию. Думал, по службу, а уже потом поступлю в институт. Из училища ушел, но вместо Афганистана попал в военную школу младших специалистов в Кубинке. После шести месяцев подготовки служил в части, защищающей небо нашей страны. А уже после этого поступил в Первый Московский медицинский институт.

— *А в каком возрасте вы решили лечить людей?*

— Медицина меня интересовала с детства. А триггером, толчком стала история с моей старшей сестрой Светланой. Она попала в больницу по «Скорой помощи», ей сделали операцию в Грозном. Выяснилось, что это не аппендицит, а разрыв маточной трубы. Это была сложная история, она тяжело из нее выходила, и я, десятилетний мальчик, несколько дней сидел возле нее. Тогда и решил, что все-таки в семье должен быть свой врач, чтобы можно было помогать своим близким, и вообще всем больным людям.

— *И вы не просто окончили старейший в стране Первый Московский медицинский институт имени И.М. Сеченова, но оказались там на кафедре. И дальше остались верны альма-матер. Правда, сегодня институт называется Первый Московский государственный медицинский университет имени И.М. Сеченова (Сеченовский университет).*

— Да, после окончания института я сюда же пришел в субординатуру, а потом там же распределился в ординатуру на два года, по истечении которых меня оставили работать в клинике и на кафедре. А буквально через два месяца после этого я уже стал заведующим отделением, и чуть позже — ассистентом на кафедре урологии.

В 1998-м году защитил кандидатскую диссертацию. В 2004-м — докторскую, и с тех пор вся моя практическая работа нацелена на вне-

дрение новых технологий в урологическую практику.

— В этой связи давайте проверим ваш послужной список.. С 2008 года — профессор кафедры урологии, с 2010-го — заместитель директора НИИ урологии и репродуктивного здоровья человека, с 2011-го — главный врач Университетской клинической больницы № 2, с 2018 года — заместитель директора института урологии и репродуктивного здоровья, в 2019-м — возглавил Институт электронного медицинского образования, в 2020-м — директор Национального Медицинского исследовательского центра, член Российской и Европейской ассоциации урологов, Заместитель председателя и исполнительный директор Российского общества урологов, член Диссертационного совета Сеченовского университета. А еще — заместитель главного редактора в «Вестнике Российского общества урологов».

А сейчас как называются ваши «главные» должности?

— Директор Национального медицинского Исследовательского центра урологии, заместитель директора института урологии и репродуктивного здоровья человека Сеченовского университета. В этом году у нас были перевыборы в Российском обществе урологов, и я остался заместителем председателя Российского общества урологов и исполнительным директором — тружусь

в этих должностях уже одиннадцать лет.

— А почему вы стали именно урологом?

— В 1992-м году было распределение в ординатуру, и на урологию выделили пять мест. Эти места уже были распределены между моими коллегами. Но так получилось, что летом все разъехались кто куда, а один из претендентов в ординатуру по урологии уехал за границу на постоянное место жительства, и таким образом одно место освободилось. Я же, поскольку в общежитии нужно было делать ремонт, а я уже несколько лет был комендантом, оставался в Москве. Мне позвонила старший инспектор деканата Елизавета Ефимовна Стеценко (мы с ней были в хороших отношениях, я много помогал деканату в плане оформительских работ) и сказала, чтобы я срочно приехал в деканат, так как одно место в ординатуру по урологии освободилось. Я, правда, готовил себя к хирургии, но очень обрадовался этому известию, так как урология всегда считалась привилегированной специализацией, и попасть в ординатуру было непросто. Елизавета Ефимовна чуть ли не за руку отвела меня к декану лечебного факультета Виктору Кузьмичу Гостищеву и сказала ему: «Виктор Кузьмич, у нас есть вакансия в ординатуру по урологии. Надо взять туда этого мальчишка». Виктор Кузьмич начал говорить, что надо,

мол, разобраться, надо посоветоваться... А она: «Если вы его не возьмете, я напишу заявление об уходе». И декан согласился, подписал тогда мне дорогу в ординатуру.

Это была не запланированная, но счастливая история: я все-таки оказался в ординатуре. Поначалу все сотрудники были удивлены, потому что раньше меня не видели, не слышали, но буквально за первое полугодие поняли, что я не случайно туда попал.

— В 1993-м году вы получили первый патент.

— Когда я пришел в урологию, то увидел, что некоторых пациентов с нарушенным оттоком мочи из почки лечили постановкой катетера стента: дренаж между почкой и мочевым пузырем. Но, так как при этом искусственно создается сообщение между лоханкой и мочевым пузырем, то, согласно закону о сообщающихся сосудах: когда пациент мочится, у него пузырь сокращается, давление повышается и происходит заброс мочи обратно в почку, что иногда вызывает боль у пациента или атаку пиелонефрита. Проблему надо было решать.

Я просто задал себе вопрос — как именно это сделать, и занимался экспериментами несколько месяцев, в результате которых сделал, в конце концов, специальный механизм-клапан, позволяющий предотвратить заброс мочи из мочевого пузыря вверх в почку. Оказалось, все гени-

альное просто — простой клапан, лепестковый. Первую экспериментальную серию сделал своими руками. Доказали, что это работает, запатентовали. И с 1993-го года этим изобретением пользуются везде, во всех странах мира.

— Сейчас вы являетесь соавтором шести монографий, учебника по урологии, справочника уролога и ста семидесяти девяти публикаций.

— Уже больше. Около двухсот публикаций, а в этом году добавилась еще одна монография.

— Есть такая пословица: «Не рождаются, а делаются». Дескать, можно сделать специалистом любого человека. Но ведь в медицине, наверное, если боженька не помазал, добиться многого нельзя?

— Ну, я, в некоторой степени, с этой пословицей согласен. Научить человека хорошо лечить, хорошо оперировать можно, но если у него нет призвания, то настоящего врача с большой буквы все равно не получится. Можно научить искусству врачевания (это же все-таки, в какой-то степени, ремесло), а вот настоящему врачеванию в полном смысле без призвания — невозможно, с моей точки зрения. Если ты не любишь свою работу, не любишь пациентов, наверное, сложно сопереживать ему, чувствовать его боль, страдание. Этим настоящие врачи и отличаются. Врачи с призвани-

ем — они по-другому врачуют, по-другому относятся к пациентам.

— *Вы тридцать лет в урологии. За эти тридцать лет как далеко ушла наука и практика?*

— Урология, в частности, сделала колоссальный прорыв, особенно за последние десять лет с появлением компьютерных технологий. Мы сегодня практически ушли от открытой хирургии. Для примера цифры. В ведущей клинике России, каковой является наша, открытых операций стало меньше десяти процентов (я не беру те операции на половых органах, которые нельзя по-другому сделать). Операции на почках, на мочевом пузыре, на предстательной железе, на мочеточниках, камни, опухоли, аномалии, гидронефроз — удельный вес открытых операций стал меньше десяти процентов. То есть мы все сейчас делаем эндоскопически, лапароскопически. Применяем новую технологию получения изображения на экран и вводим в организм маленькие приспособления, которые позволяют нам и видеть, и работать внутри организма, не разрезая тело человека. Наша клиника одна из немногих, даже в Москве, где оперируют с помощью робото-ассистированной хирургической системы «Да Винчи».

— *Магомед Алхазурович, всю жизнь в своей работе вы идете если не «вперед планеты всей», то впер-*

еди большей ее части — точно. Что это значит сегодня? Что вы считаете приоритетным направлением, над чем работаете вы и ваши коллеги? Футурологи, прогнозирующие будущее человечества на основе научных достижений и развития общества, утверждают, что через 15–20 лет нанотехнологии позволят резко увеличить продолжительность жизни человека, а там, глядишь, и сделают ее вечной.

— Я не очень верю, что через 20 лет что-то кардинальное в этом ключе произойдет. Но технологии лечения, конечно же, совершенствуются и будут совершенствоваться, в том числе и за счет внедрения нанотехнологий. На сегодняшний день в урологии очень актуальным является вопрос создания новых тканей и структур, необходимых для замены поврежденного или больного органа, то есть тканеинженерные конструкции. Если у пациента, например, повреждена уретра — (мочеиспускательный канал), то для того, чтобы устранить этот дефект и восполнить недостающие ткани, сегодня мы берем необходимые ткани в других местах человеческого организма. Нынче самая популярная ткань для замены — слизистая оболочка щеки. Выращивание тканей, которые можно использовать в нашей специальности — это тема перспективная и рабочая. До окончательного решения еще далеко, хотя промежуточные результаты уже есть, в частности, наш институт

был и остается пионером в России по тканеинженерным разработкам и конструкциям.

Что касается нанотехнологий, конечно же, и в урологии сейчас используются новые технологии в таргетной терапии, то есть доставка лекарственного препарата к поврежденной или опухолевой клетке адресно, чтобы именно эти клетки получили максимальное количество препарата, который предназначен для их уничтожения, если это раковые клетки, или для лечения заболевших, чтобы было минимальное воздействие на другие органы и системы.

Очень перспективным и интересным направлением развития является миниатюризация инструментов. В этом году мы уже регистрируем несколько таких разработок, автором которых я являюсь. Портативный эндоурологический комплекс для исследования организма изнутри, совершенно новая конструкция пункционной иглы, аналогов которой нет нигде в мире, — разработка, связанная с ка-

тетером, который «видит». Сегодня во всем мире катетер проводят вслепую, а наш катетер позволяет видеть, куда мы идем в мочевых путях.

На часть разработок уже получены патенты, другая часть находится на стадии регистрации, и в этом году все это увидит «урологический свет».

— 16-18 марта в Уфе проходил II Евразийский конгресс урологов, на который приехали более двух тысяч известных и признанных специалистов из регионов России, Европы, СНГ, Китая и других стран Азии. В организации конгресса принимало участие и Российское общество урологов. А одним из самых интересных выступлений был ваш доклад. И какова его тема?

— Действительно в Уфе на конгрессе я делал доклад по инновациям в отечественной урологии, в котором рассказал и о нашем портативном эндоурологическом комплексе, что вызвало большой интерес и множество вопросов. Должен сказать, что наша отечественная урология идет в ногу с мировой урологической наукой: в каких-то вещах немного отстаем, в каких-то наравне, в каких-то опережаем всех. Это естественный процесс, как и в большом спорте.

— *Вы работаете и учите молодых. Не только молодых врачей, но и студентов. Как они отличаются от студентов вашего поколения, и отличаются ли вообще?*

— Отличаются. Нынче студенты более подкованы технически, чем наше поколение. Раньше мы сидели на лекциях и все новое получали от лектора, от профессора. Он ездил на конференции, заказывал журналы за границей, то есть был в теме и рассказывал нам о новых диагностических методиках, новых вариантах лечения. Сегодня же любой студент может, минуя формат лекции, получать всю необходимую информацию в Интернете, иными словами, имеет возможность получать информации больше, быстрее, разнообразнее. Сейчас очень много поисковых систем. Раньше, чтобы мне прочитать какую-то статью на определенную тематику, надо было ехать в Центральную медицинскую библиотеку, заказывать эту статью,

журнал, ждать — могли в тот же день не выдать. То есть объем получаемой информации был меньше и медленнее. Сегодня же это колоссальный поток информации. Но у каждой медали есть две стороны. Эта сторона — плюс. А минус — мы раньше больше общались с пациентом, больше работали руками, больше контактировали с методиками. Нынешние студенты в этом плане, конечно же, неким образом ущемлены, потому что доступ к пациенту стал несколько ограниченным, так как дистанционные технологии заменяют некоторый формат общения. Сейчас же очень модно и в медицине использовать дистанционные технологии, поэтому пациент, можно сказать, несколько отдалился от студента. Но взамен пришли стимуляторы, 3d-технологии, виртуальные технологии. Я не говорю, что это плохо. Это, в принципе, этапы развития науки, и медицины в том числе. Но непосредственный контакт студента с пациентом стал, конечно, меньше, чем был у нас.

— *Каково это нынче учить студентов, читать лекции и тащить огромный воз административной работы? Времени-то на отдых, на хобби почти не остается...*

— Есть такая поговорка: «Успевает тот, кто не торопится». Если вы правильно распланировали свое время, и, самое главное, если знаете, что вам надо делать, и умеете свое дело делать, можно успеть

многое. Поэтому сегодня и преподавание, и практическая работа, и общественная работа, и административная — все это в одном клубке, который очень умело можно заматывать и пользоваться.

— *Что вы ощущаете, идя каждый день на работу и проходя мимо памятника Пирогову? Это ведь одно из самых святых мест для медиков в стране.*

— На нашей планете много знаковых мест — например, Иерусалим, Мекка, и люди, которые живут в таких святых местах, быстро к этому привыкают и воспринимают это как должное, правда, смотрят с особым вдохновением. Мы, приходя каждый день в свою альма-матер, тоже к этому всему привыкли, но гордимся тем, что работаем в одном из старейших, в одном из лучших учебных и лечебных учреждений страны и не только страны — надо сказать, что мы очень хорошо котируемся и в мире.

— *А как вы отдыхаете от работы?*

— Для меня отдых — это вторая половина воскресенья, несколько дней в новогодние праздники и где-то две недели летом. Если отпуск полноценный, двухнедельный, стараюсь уезжать из страны. У меня есть два способа отдыхать. Зимой я катаюсь на горных лыжах в Бакуриани, куда езжу к своему другу, он тоже врач, а летом каждый год с друзьями выхожу в море на парусной яхте. На неделю. Даже в ковидные времена я пропустил лишь 2020-й

год, когда нельзя было выезжать. А в 2021-м году единственная страна, которая была доступна для меня, это Турция. Мы с друзьями там взяли яхту и прекрасно отдохнули. Фантастическое дыхание моря и ветра, общение далеко от цивилизации, и этого мне вполне хватает.

— *Ходите в Средиземноморье?*

— Были в этот раз на Средиземном, а так я прошел, практически, все моря: побережья Испании, Италии, Майорки, Сицилии, Турции, Греции.

— *Можете рассказать что-то о семье? Дети пошли по стопам папы?*

— У меня трое детей. Старшая дочь сейчас в аспирантуре занимается хирургией кисти. В этом году заканчивает аспирантуру, должна защититься. Старший сын тоже в медицине, первый год в ординатуре. Он занимается спортивной медициной и реабилитацией. А младшему — десять лет, он школьник. Не знаю, пойдет в медицину или нет. Супруга тоже врач, мы вместе учились с первого курса.

— *Стало быть, в Первом Меде не только получили образование, работу, но и нашли супругу, что не менее важно.*

— Когда меня спрашивают: «как дела и жизнь», я отвечаю: «За последние тридцать лет работу и супругу не менял». □

Беседовал **Денис Логинов**

Дмитрий Зелов

Демон поверженный?

В северной столице, на Лахтинской улице, под номером 24, вот уже более века красуется доходный дом архитектора Александра Лишневского. И вроде бы дом как дом, если бы не его фронтон — до уничтожения вандалами несколько лет назад сверху на город взирал, ухмыляясь, ехидно сложив руки и размахнув крылья, сам Мефистофель. Говорят, падший ангел помогал зодчему мистическим образом строить особняк.

Нечисть, вроде бы, жалеть не принято. Хотя более чем за век существования петербуржцы вполне привыкли к загадочной inferнальной сущности. Шестиэтажный доходный дом на Лахтинской зодчий возвел в самом сердце Петроградской стороны, одном из самых загадочных

районов северной столицы. То был период модерна, эклектики и декаданса. Сама эпоха, казалось, была пропитана тогда ореолом таинственности и мистики. Вспомним Александра Блока, тонко уловившего аромат и нерв эпохи — в начале XX века поэт жил с молодой женой

Любовью Менделеевой на той самой Лахтинской улице:

*Двадцатый век,
Все бездушной,
Все мрачнее жизни мгла.
Все страшней и все огромней
Тень Люциферова крыла.*

Фасад дома украшает трехосевой ризалит, который венчает шипец — типичный элемент тайной готической архитектуры. Именно он и был украшен барельефом Мефистофеля (если уж быть совсем точным, то горельефом — изображение демона сильно выступало с плоскости стены и походило скорее на круглую скульптуру).

Отсыл к готике и ее тайным знаниям дополнительно усиливали два трехгранных эркера, тянущихся с третьего по шестой этажи, создававшие у зрителя ощущение двух башен древнего собора. Демону на фасаде отводилась важнейшая архитектурная роль: он как бы втягивал в себя внимание смотрящего на здание прохожего, придавая зданию завершенность и цельность. Представитель infernalного мира благодаря тайному замыслу архитектора стал главной доминантой улицы. Изображение демона на фасаде дома на Лахтинской улице — это уникальный и единственный случай на весь блистательный столичный Санкт-Петербург, своего рода стимпанк петербургской архитектуры начала XX столетия.

Вот только было ли это здание ба-

сивым) доходным домом или же одновременно являлось еще опознавательным знаком-символом для некоего тайного и закрытого общества? Тем более что композицию Мефистофелю на самом верху фронтона составил еще один удивительный представитель иного мира. Язык не поворачивается сказать, что «это нечто» украшает дом, настолько на самом деле жутка и страшна эта сущ-

ность при внимательном рассмотрении. Бытует версия о чумном докторе из мрачного средневековья, хотя, возможно, зодчий-мистик разместил над демоном то ли имаго, то ли стражника преисподней малфаса (крылатого ворона, с помощью заклинания принимающего

человеческий облик и являющегося по совместительству... духом-покровителем архитектуры). Но если все-таки принять первую версию, то выстраивается увлекатель-

ная и глобальная философская концепция, в которую полностью вписывается бессмертная трагедия Гете: спасающий людей чумной доктор (Фауст), и ехидно ухмыляющийся

демон (Мефистофель), вззирающий сверху на тщетность этих попыток.

Впрочем, и с самим-то князем тьмы полной ясности так до конца и нет. Многие исследователи загадок таинственного особняка на Лахтинской улице склоняются к мысли, что на самом деле архитектор Лишневский в образе Мефистофеля изобразил... оперного певца Федора Шаляпина. Кстати, есть и архивное фото начала XX столетия, запечатлевшее знаменитого баса в таком образе в опере Арриго Бойто «Мефистофель». Доподлинно неизвестно, были ли знакомы Лишневский и Шаляпин, но возведение доходного дома на Лахтинской пришлось точь-в-точь на вершину творческой карьеры певца и годы триумфальных мировых гастролей оперы Бойто. Простое совпадение?..

Кстати, Александра Львовича Лишневского на самом деле звали Хацкель Меерович: зодчий был мистиком, об-

Шаляпин в образе Мефистофеля

ладавшим глубокими и тайными познаниями, и те образы, которые он воплотил на фронтоне доходного дома на Лахтинской улице, так никто до конца и не расшифровал.

Хозяйкой здания до революции была некая госпожа А.А. Чистякова — о ней вообще никаких сведений, что весьма странно, ибо быть владелицей шестиэтажного доходного особняка в столице Российской империи, построенного к тому же модным и известным архитектором, могла себе позволить только весьма влиятельная и состоятельная персона. Поговаривали, что Чистякова не только серьезно увлекалась

мистицизмом, но и баловалась оккультизмом: как бы там ни было, но поместить на фасаде дома существ из потустороннего мира без согласования и одобрения заказчицы архитектор никак не мог.

Впрочем, серьезная игра с inferнальным миром у обывателя всегда вызывает суеверное опасения и безотчетный, прямо-таки инстинктивный страх: именно поэтому демон Мефистофель у Лишневского вышел не только страшным, а даже не лишенным обаяния. Возможно, что таинственные изображения на фронтоне доходного дома — элемент апотропейной магии, своего рода защитный амулет, оберегающий от злых чар. Подобные приемы и сам Лишневский, и многие другие зодчие периода декаданса активно

использовали на фасадах возводимых ими зданий.

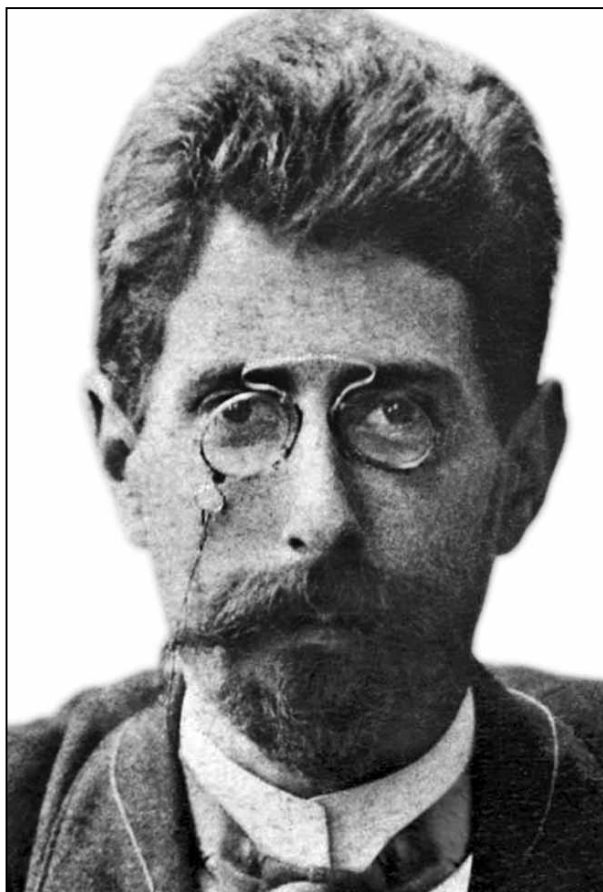
Как бы там ни было, демон в «теплой» компании с условным чумным доктором вполне мирно просуществовали весь двадцатый век и последовательно пережили революционный хаос, ужасы репрессий, жуткие бомбежки, голод и холод времен блокады, затем общее небрежение к дореволюционной старине... И вот, во вполне себе мирное и сытое время, в 2015 году, Мефистофель был варварски уничтожен кувалдами не в меру ретивыми «активистами». Как тут не вспомнить фразу из французской киноленты Рене Клера «Красота дьявола», созданной в середине прошлого столетия по мотивам гетевской трагедии «Фауст»: «Ад менее жесток, чем люди!» Чумному доктору повезло

больше: он уцелел, хотя и являет себя жителям основанного Петром I города в весьма неприглядном, обшарпанном виде.

А что же Александр Лишневецкий? Он вполне себе серьезно считал каждый из двух десятков созданных им за десятилетие до Октября 1917 года и не похожих один на другой доходных домов своими детьми и относился к ним более чем трепетно. Именно по этой причине он отказался эмигрировать и уезжать куда-либо из родного для него Петербурга, ставшего к тому времени Ленинградом, считая, что иначе сотворенные им дети-дома без него не выживут и будут снесены или разрушены. Невероятно, но созданные им в Петербурге доходные дома сохранились до наших дней, и их фасады украшены сонмом разнообразных, загадочных и таинственных представителей потустороннего мира.

После революции Лишневецкий продолжил заниматься архитектурой и возводить новые здания уже в Стране Советов, причем весьма и весьма успешно. В первые годы существования пролетарского государства его, правда, чуть было не расстреляли как одного из представителей бывших, этакой вражеской контры, но спас друг семьи, нарком просвещения Анатолий Луначарский. А в предвоенное десятилетие 30-х, когда при Сталине в моду вошла неоклассика, о Лишневецком вновь вспомнили и дали его творче-

Лишневецкий Александр Львович

ству «зеленый свет»: зодчий руководил мастерской Ленпроекта и входил в правление Ленинградского отделения Союза архитекторов.

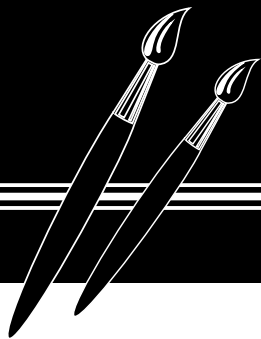
Годы, впрочем, брали свое, и в блокаду пожилой мастер все же поддался на уговоры и выехал в начале 1942 года в эвакуацию в Ярославль, где в том же году скоропостижно скончался.

...Будем надеяться, что рано или поздно, но фасад доходного дома на Лахтинской улице все-таки отреставрируют, а фигура Мефистофеля (или кем бы он там ни был), снова займет свое, предназначенное ей замыслом зодчего Лишневецкого, место. □

Ирина Опимах

ТИЦИАН

Портреты Аретино

*Тициан.
Автопортрет*

Тициан. Портрет Пьетро Аретино

В мае 1527 года в Рим, богатую столицу христианского мира, вошла армия Карла V — немецкие ландскнехты и испанские наемники. Жестокие, безжалостные, они устроили в городе страшные погромы, грабили, убивали, насиловали, мучали. Их ничего не могло остановить — даже стены собора Святого Петра: ворвавшись в храм, они перерезали свыше пятисот укрывшихся там римлян. Начались пожары, на улицах валялись трупы, которые не успевали убирать. В те страшные дни все, кто могли, бежали из Рима.

Многие нашли себе убежище в Венеции, и

среди них были художники и литераторы. Приехал в Венецию и уже известный живописец Себастьяно Лучани, Дель Пьомбо — так его прозвали благодаря должности хранителя свинцовой папской печати (ит. *piombo* — свинец), которую он получил в знак благодарности от папы Климента VII за понравившийся понтифику портрет. Дель Пьомбо был знаком с Тицианом и даже дружен с ним, а потому, конечно же, пригласил знатного венецианца на свадьбу своей сестры. У Пьомбо водились деньги, и празднество было пышным и многолюдным. Кроме Тициана там были самые разные люди, и среди них — недавний римлянин Пьетро Аретино. Тогда, на свадьбе сестры Дель Пьомбо, и началась эта дружба, дружба художника и писателя, дружба двух выдающихся людей эпохи Возрождения, продлившаяся почти 30 лет, до последних дней одного из них — Аретино. Дружба, благодаря которой были рождены настоящие шедевры — портреты Аретино кисти Тициана.

Пьетро Аретино был яркой личностью.

Родился он 20 апреля 1482 года в Ареццо, которому и был обязан своим именем (Пьетро Аретино — это Пьетро Аретинец), в семье сапожника и, как злословили его недруги, проститутки по имени Маргерита Бончи. Учился он недолго и особенных успехов в науках не проявил. «Я не столько посещал школу, сколько увиливал от нее, моля Бога чудом ниспослать мне знания», — признавался Пьетро.

В 13 лет он ушел из дома, какое-то время скитался по стране, а потом заделался поэтом — первый его сборник стихов вышел в 1511 году. Ему уже было почти 30 лет. Способный, честолюбивый, страстно жаждавший добиться успеха в жизни, он понял, что ему нужно

ехать в Рим — только там можно сделать карьеру, достойную его талантов! А таланты у него были — веселый, остроумный, быстро находивший нужное словцо, чувствующий людей, их слабости и достоинства, умеющий очаровать собеседника, увлечь своим темпераментом. Да еще и сочинитель забавных стихов!

Итак, Аретино поехал в Рим. Поработав некоторое время у друга Рафаэля банкира Агостино Киджи, он устроился к кардиналу Джулио Медичи и получил возможность наблюдать нравы папского двора, весьма далекие от святости и чистоты помыслов. Результатом этих наблюдений стали его остроумные и злые памфлеты. Их можно было прочитать, придя к Пасквину — так в Риме называли обрубок античной

Тициан. Портрет Пьетро Аретино

статуи, к которой еще в 15 веке стали приклеивать сатирические стихи. В 1501 году кардинал Караффа велел перенести статую к своему дворцу рядом с площадью Навона и поставить на постамент. Место это было людное, и очень скоро Пасквино стал популярным у римлян: к нему несли и прикрепляли у постамента всяческие сатирические стишки — пасквинаты, или пасквили, памфлеты. В конце 1521 года самым читаемым памфлетистом стал Пьетро Аретино. В своих стихах он рассказывал о низости высших представителей ватиканской курии и падении нравов среди светских правителей. Аретино не щадил никого, за что получил прозвище «Бич князей». Его боялись и всячески старались задобрить, а он умело пользовался своим даром, а еще и мелким,

а иногда и крупным шантажом, бесстыдно вымогая плату за свое молчание. О том, какие пафлеты сочинял Аретино, можно представить по одной истории. Как-то в Ватикан ко двору Льва X прибыли послы короля Португалии с богатыми подношениями. Среди даров был огромный слон — первый в Риме со времен империи. Понтифику подарок очень понравился, он искренне привязался к животному, однако, несмотря на папскую заботу, слон (звали его Канно) вдруг тяжело заболел. Все старания папских эскулапов оказались тщетны — Канно умер. Чтобы утешиться, папа заказал Рафаэлю огромный портрет слона, и эту картину установили над могилой. На ней была начертана надпись: «Что унесла природа, то сохранил своим искусством Рафаэль». А по прошествии нескольких дней римляне с хохотом читали, а потом передавали из рук в руки памфлет Аретино под названием «Последняя воля и завещание слона Канно». В нем, в частности, говорилось: «Моему наследнику кардиналу Санти Куаттро я завещаю свои челюсти,

чтобы он мог успешнее пожирать нажитое... Наследнику кардиналу Медичи завещаю свои уши, чтобы он мог лучше слышать, что и где происходит...» Кардиналу Грасси, известному в Риме развратнику, слон завещал свои соответствующие органы огромного размера. Памфлет не пощадил никого из верховного духовенства, а заканчивался он так: «Старайся подружиться с Аретино, ведь опасно быть его врагом». «Храни, Боже, всякого от языка его», — говорили люди. Неудивительно, что в Риме у Аретино было немало врагов.

В 1522 году умер папа Лев X, вот-вот должен был появиться новый. Аретино поддерживал своего господина Джулиано Медичи, жаждавшего занять ватиканский престол, а про его соперника сочинял злейшие пасквинаты. Медичи проиграл, и по понятным причинам Аретино пришлось покинуть Рим. Однако его блистательная карьера только начиналась. Власть имущие, зная о его феноменальных способностях убивать репутацию даже самых, казалось бы, непогрешимых, всеми силами старались взять его

Тициан. Портрет Пьетро Аретино

под свое покровительство и его руками уничтожать противников. Они готовы были платить немалые деньги — за то, чтобы уберечь от коварного и опасного Аретино себя и погубить врага, а потому деньги рекой текли в карман Аретино — он становился все богаче и влиятельнее.

В 1523 году папой все-таки стал Медичи, и Аретино вернулся в Рим. На сей раз он решил заняться политикой: дабы в Европе воцарился мир, попытался примирить европейских монархов Карла V и Франциска II и таким образом прекратить военные действия. Увы, миротворца из него не получилось, и Аретино вернулся к литературе. Однако у этого человека ничего не получалось без скандала, вот и на этот раз он вляпался в весьма некрасивое дело.

В 1524 году известный художник Джулиано Романо нарисовал целую серию весьма эротических рисунков, причем главными героями его творений стали священники. А затем не менее известный гравёр Маркантонио Раймонди сделал по рисункам Романо гравюры, а Аретино написал к каждой сонет соответствующего содержания. Цикл этих стихов получил название «Сладострастные сонеты» и распространялся тайно — напечатать его легально было никак нельзя. Однако очень скоро о сонетах узнали в Ватикане, в результате чего на Аретино было устроено покушение — поэт получил несколько ударов кинжалом (с тех пор вид кинжала приводил его в трепет). Оставаться в Риме стало опасно, и Аретино покинул Вечный город.

Теперь он поселился в Серениссиме, в Светлейшей — так называли Венецию ее жители. Она была республикой, и жизнь здесь, в отличие от папского Рима, отличалась определенными свободами.

Тут Аретино обрел дом (он прожил в Венеции до самой смерти) и некоторый покой, если можно применить это слово к столь беспокойному человеку. Он жил, окруженный очаровательными венецианскими куртизанками, наслаждался творчеством и обществом друзей, которые были ему вполне под стать. Не забывал поэт и о своих покровителях, они тоже помнили о нем, а потому в деньгах Пьетро не нуж-

дался и жил на широкую ногу. «У меня душа короля, а такие души не знают ограничений, когда речь идет о роскоши», — признавался он.

Аретино быстро вошел в моду у венецианцев — тут ценили острый язык и понимание искусства. А искусство он действительно понимал — любил и уважал художников. Правда, с Тинторетто у него отношения не сложились. Как-то он позволил себе оскорбить художника, обвинив его в том, что мы сегодня назвали бы халтурой (все знали, что Тинторетто очень быстро работает). И тогда Тинторетто предложил Аретино написать его портрет, на что тот охотно согласился — почему бы не иметь лишний портрет себя, родимого? Он всегда относился к себе с большой любовью и почтением. И вот Пьетро пришел в мастерскую художника и удобно устроился в кресле, приготовившись позировать. И тут Тинторетто вдруг вытащил из кармана... кинжал! Аретино еще со времен римского покушения боялся кинжалов. Он вскочил, испугавшись, что настал час расплаты за все гадости, которые наговорил в разных домах по поводу Тинторетто, и попросил пощады, но тот холодно попросил: «Пожалуйста, не двигайтесь, вы мешаете мне работать». «Но что значит ваш кинжал?» «Я использую его как линейку. Чтобы прикинуть размеры», — спокойно ответил художник. (Кстати, этот эпизод запечатлен на картине Фрагонара «Аретино позирует Тинторетто»).

*Фрагонар.
«Аретино
позирует
Тинторетто»*

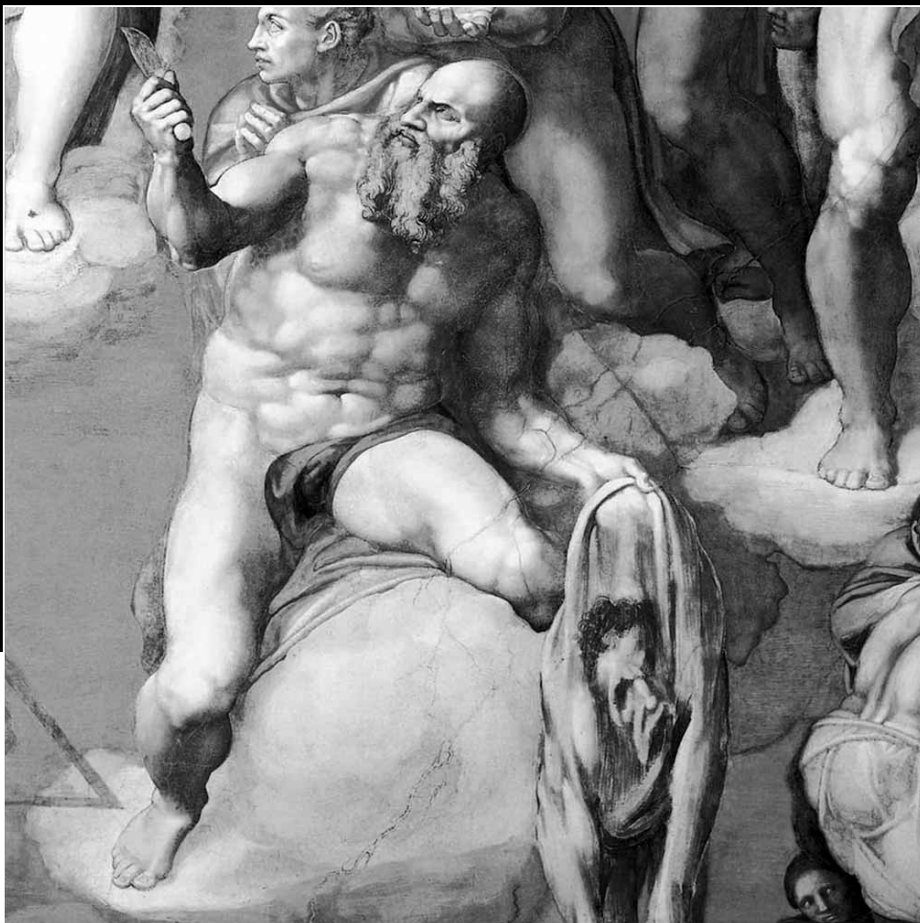
После этой истории Аретино не сказал о Тинторетто ни одного дурного слова. А вот с Тицианом Аретино очень подружился.

Тогда, во время их первой встречи на свадьбе сестры Дель Пьомбо, Аретино не очень понравился Тициану — грузный, в яркой одежде, рука вся в кольцах, сильный тосканский акцент, в лице — что-то хищное, и говорит без умолку — рассказывает какие-то истории про себя и своих сиятельных друзей и явно очень себя любит.

А через несколько дней Тициан получил от Аретино приглашение на дружеский ужин в мужской компании. И Тициан принял приглаше-

ние — а вдруг это знакомство все-таки окажется полезным, и он встретит в доме Аретино людей, готовых покупать его картины...

Аретино был очень гостеприимен, с восторгом говорил о росписях Тициана в церкви Фрари и о великолепной «Ассунте». В общем, потом Тициану пришлось пригласить Аретино и его друга архитектора Сансовино, который тоже оказался на том ужине, к себе в мастерскую. Так сложился этот триумvirат — Тициан, Сансовино и Аретино, который будет во многом определять художественную жизнь Венеции в последующие годы, так началась эта

*Микеланджело.
Портрет
Аретино*

дружба, длившаяся до самой смерти Аретино. Тициан даже стал крестным одной из его дочерей. В доме росли две дочери поэта — Адрия (в честь Адриатики) и Австрия (с правителем которой дружил ее отец). Матерью Адрии была Катерина Санделла, одна из служанок Аретино, мать второй нам не известна. Аретино девочек обожал и всячески о них заботился — несмотря на весь свой цинизм.

Тициан очень ценил дружбу с Аретино, внимательно прислушивался к его точным, метким и всегда нетривиальным оценкам и людей, и событий, и произведений искусства. Свое отношение и свое понимание этого сложного, такого неоднознач-

ного человека он выразил в его портретах. Сегодня историки искусства утверждают, что Тициан, по крайней мере, четыре раза писал своего друга. Первый портрет, созданный в 1527 году, — предназначался в дар правителю Мантуи Федерико Гонзага, второй писался для кардинала Ипполито Медичи (около 1535 года), третий — для издателя Франческо Марколини (около 1537 года), четвертый — для флорентийского герцога Козимо I Медичи (1545 год). Этот портрет долгие годы хранился в собрании тосканских герцогов и был передан в галерею Палатина в Палаццо Питти. Также сохранились два более ранних портрета Аретино — один украшает со-

брание миланского собрания Келликера, а второй — Художественного музея в Базеле. Происхождение и авторство этих работ — предмет жарких споров искусствоведов, но многие ученые считают их тоже работой Тициана.

На тициановских портретах Аретино заполняет все пространство холста, перед нами — мощный человек, излучающий как физическую, так и интеллектуальную силу. На груди — золотая цепь, подаренная поэту Франциском II.

Аретино очень помогал Тициану — благодаря связям литератора в высших кругах все больше и больше людей, способных покупать картины и платить за них хорошие деньги, узнавали о том, что в Венеции живет великолепный мастер — Тициан. Аретино рекламировал, конечно же, прежде всего себя, но при этом и Тициана. Вазари писал: «Когда Пьетро Аретино, знаменитейший писатель наших дней, приехал ... в Венецию, он сделался ближайшим другом Тициана и Сансовино. Это послужило Тициану на честь и на пользу, так как Аретино распространил его славу настолько же далеко, насколько обширны были пределы, в которых он властвовал своим пером, и в особенности — перед видными правителями».

Кстати сказать, оставил портрет Аретино и Микеланджело. Но весьма своеобразный. В конце 1540-х годов он заканчивал свой гениальный «Страшный суд» в Сикстинской капелле, и Аретино, увидев фреску,

вдруг напал на скульптора, обвинив его в непристойности — мученики, святые девы были изображены нагими! «До предела циничный Аретино, по-видимому, тут вдруг решил стать святее папы римского, дабы подыграть Ватикану — видно, в тот момент ему это было выгодно. В январе 1546 года он писал: «Микеланджело за его бесстыдные картины следовало бы причислить к сторонникам Лютера!» Это уже было страшное обвинение — в ереси. И тогда Микеланджело своеобразно отомстил Аретино: он изобразил его в образе святого Варфоломея, держащего в правой руке нож, а в левой — содранную с человека кожу, на которой лицо самого Микеланджело.

Аретино, казалось, знал всех правителей тогдашнего мира и регулярно переписывался с ними. Переписывался он и со своими друзьями — художниками, литераторами, архитекторами. В своих письмах он рассказывал, что происходит в мире, и постепенно его опусы были своеобразными репортажами с места событий. Он, по сути, стал первым журналистом в истории журналистики, зарабатывавшим на жизнь исключительно своим журналистским пером. Эти письма переписывались почитателями его эпистолярного таланта, распространялись, а потом и публиковались. Они оказывали большое влияние на общественное мнение, а потому властители мира были заинтересованы, чтобы Аретино был на их стороне,

и платили сочинителю весьма щедро — другого выхода у них не было...

Эту книгу — «Книгу писем» — Аретино писал всю свою жизнь, первые тома начали выходить в 1537 году, а последний вышел в 1557-м.

Не забывал он и более традиционные жанры — сочинял комедии, трагедии и даже, дабы опровергнуть свою репутацию автора сомнительных текстов, опубликовал ряд книг на богоугодные, евангельские сюжеты. Однако в 1445 году вернулся к своим излюбленным сюжетам и издал две книги — «Рассуждения» и «Диалог» — весьма непристойного характера. Ну что тут поделывать — жизнелюб! И обличитель порочных грешников во всех слоях общества — монахов и монахинь, замужних дам и почтенных отцов семейства, высокородных аристократов и высокочтимых прелатов...

Конечно же, он знакомил со своими сочинениями Тициана, при этом сам художник, любивший бывать в роскошном дворце Аретино и послушать его последние опусы, никогда не приглашал сочинителя к себе, никогда не знакомил этого человека, с которым был так дружен, но для которого не было ничего святого, с членами своей семьи.

Они дружили, помогали друг другу, поддерживали и развлекались вместе почти 30 лет...

21 октября 1556 года Аретино не стало. Тициан никак не мог поверить, что его друг, в котором было столь-

ко жизни, столько мощной жизненной энергии, покинул этот мир. Что он никогда больше не услышит его грубоватый бас, не засмеется над его скабрёзностями, не покажет ему свою новую картину...

Все случилось так неожиданно! За обедом Аретино вдруг почувствовал себя плохо — закружилась голова, он попытался встать, но тут же упал, ударился головой о каменный пол... По-видимому, это был инсульт.

Провожали и отпевали Аретино в церкви Святого Луки. Присутствовали друзья, художники — Тициан и Сансовино, пришел и Тинторетто. После похорон Тициан и Сансовино посидели в мастерской — вспоминали ушедшего друга, вспоминали, как он им говорил: «Единственная задача человека — наслаждаться всеми земными благами». Да, уж это он умел...

Многие с болью вспоминали Аретино, но были и такие, кто возрадовался, узнав о его смерти. Недаром его прозвали «Бич князей», и эти «князья» теперь ликовали — уже не придется задабривать противного писаку, можно грешить, не оглядываясь на его едкое перо.

В 1559 году Ватикан выпустил список запрещенных книг. Конечно же, туда попали все книги Пьетро Аретино. Несмотря на то, что он осудил Лютера и Реформацию, Аретино и после смерти оставался опаснейшим врагом католической церкви и ее служителей, к сожалению, очень часто корыстных, порочных и лживых.

*Тициан.
Портрет
Пьетро Аретино*

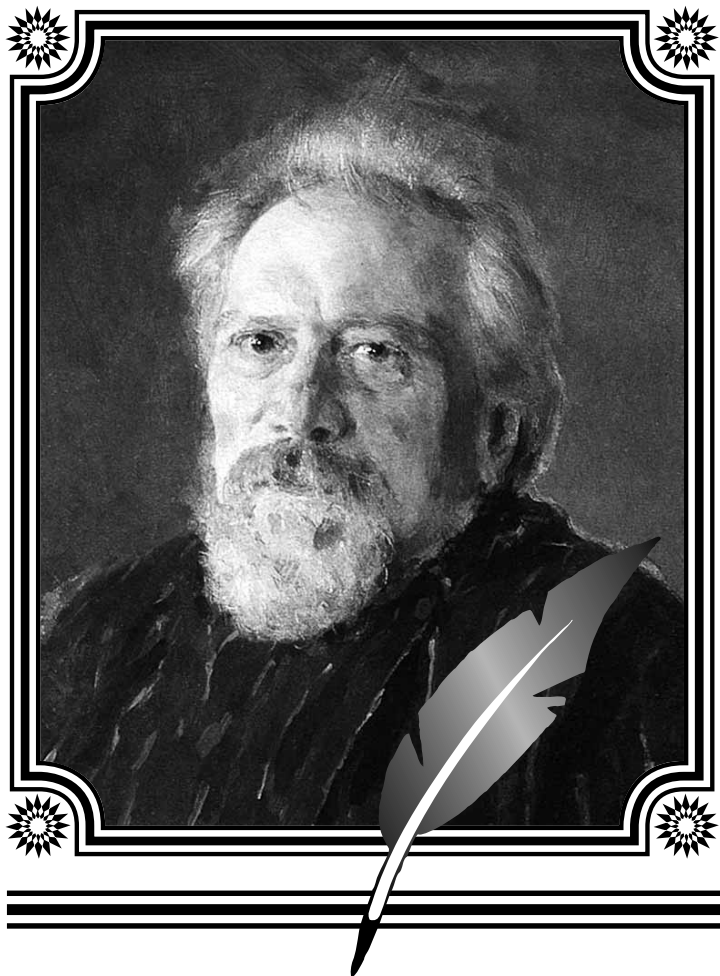
Тициан еще долго тосковал по своему другу — не к кому было пойти поговорить по душам, вкусно выпить и поесть, почитать стихи и обсудить последние политические новости, некому было показать свои картины...

Тициан пережил Аретино на 25 лет. За это время он успел создать еще множество великих полотен. Он умер, когда ему исполнилось 96 лет, в жаркий августовский день 1576 года. И умер не от старости, а от чу-

мы — эпидемия этой страшной болезни, начавшаяся в 1575 году, унесла тогда жизни многих венецианцев.

А тициановские портреты Аретино остались в истории Венеции и истории мировой культуры как памятник великой эпохе и двум ее представителям, великим гражданам Серениссимы. Как памятник дружбы гениального художника и большого писателя, первого памфлетиста и репортера в истории европейской журналистики. □

АРИСТОКРАТ ДУХА

Многие признанные корифеи российской словесности, будучи современниками писателя, восхищались его литературным даром и силой художественного слова. В числе почитателей творчества Лескова были такие корифеи русской литературы, как Чехов, Толстой и Достоевский.

МАГИЯ СЛОВА

Удивительно совестливый, обладающий необычайно острым и живым умом, помноженным на невероятную пронзительную наблюдательность, Лесков, с его извечным стремлением разгадать закоулки людских душ, являл собою редчайший архетип Странника. Недаром и многие герои его произведений — именно странники, причем в самом лучшем и глу-

боком понимании этого слова, то есть прирожденные пассионарии, люди Пути, люди Дороги. Их основная, глубинная суть (зачастую совсем незаметная для окружающих) — внутреннее, духовное самосовершенствование и преображение. При этом их пассионарность особого толка и свойства — не выплескивающаяся во внешний мир, а очень часто обращенная внутрь. Судьба может их ставить в невероят-

но сложные жизненные коллизии, бросать практически на самое дно социальной лестницы, но именно они — подлинные аристократы духа. Таким аристократом духа, вне всякого сомнения, был и писатель Лесков.

Николаю Семеновичу было интересно буквально все на свете! Недаром же одним из авторских псевдонимов был «Человек из толпы»! Впоследствии вся эта внешне хаотичная и разрозненная сумма впечатлений, но на самом деле очень глубоких и разнообразных знаний и приобретенного житейского опыта отразится и в особом его творческом методе — Лесков не был склонен фантазировать в самом прямом смысле этого слова. Основой многочисленных сюжетов его произведений, давным-давно ставших классикой, как правило всегда были реальные истории или люди, которых писатель когда-то наблюдал. Или про которые он узнал или услышал из первых уст. Именно непосредственное наблюдение реальной, без прикрас, прозы жизни и сформировало невероятно богатый и разнообразный запас реалистичных характеров, которые нашли воплощение в созданных Николаем Лесковым литературных творениях.

ВОТ ЭТО «ФИГУРА»!

Немногие знают, что Лесков был убежденным сторонником вегетарианского образа жизни. Правда стал он таковым, разумеется, не сразу — во многом трансформации образ мыслей и жизни писателя способ-

ствовало тесное общение с вегетарианцем Львом Толстым. Впрочем, значительная часть современников Лескова, включая его коллег по литературному цеху, нового образа жизни писателя не приняла, подвергнув его осмеянию и остракизму. Николай Семенович, однако, остался верен своим убеждениям и даже выступил в 1892 году с открытым призывом к общественности издать в России настольную поваренную книгу вегетарианца. И всего год спустя такая книга под названием «Вегетарианская кухня. Наставление к приготовлению более 800 блюд, хлебов и напитков для безубойного питания со вступительной статьей о значении вегетарианства и с приготовлением обедов в 3 разряда на 2 недели» стала доступна для российского читателя.

В 1889 году Лесков опубликовал рассказ «Фигура», главный герой которого, владелец небольшой усадьбы, но живущий при этом самой простой жизнью трудом рук своих, стал первым русским литературным персонажем-вегетарианцем. Примечательно, что в письме к тому же Льву Толстому Лесков признавался, что фабула сюжета была взята им из реальной жизни. Позднее персонажи вегетарианцы появляются и в других произведениях писателя.

ЛУЧШИЙ РУССКИЙ ПИСАТЕЛЬ

Многие признанные корифеи российской словесности, будучи современниками писателя, восхища-

лись его литературным даром и силой художественного слова. В числе читателей творчества Лескова были такие корифеи русской литературы, как Чехов, Толстой и Достоевский. Последний, например, публично признавался, что многое перенял у Николая Семеновича, прежде всего, по части конструирования художественных образов, прорисовки характеров. И действительно, ведь именно у Лескова каждый герой говорит своим неподражаемым голосом, а выразительность живой речи в произведениях Николая Семеновича считалась главной отличительной чертой художественной манеры писателя.

«Лескова русские люди признают самым русским из русских писателей, который всех глубже и шире знал русский народ таким, каков он есть», — писал в 1926 году о Николае Лескове литературовед Дмитрий Петрович Святополк-Мирский.

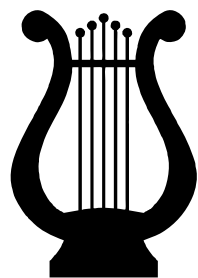
С такой высокой и лестной оценкой творчества Лескова был согласен и Максим Горький: «Как художник слова Н.С. Лесков вполне достоин встать рядом с такими творцами литературы русской, каковы Л. Толстой, Гоголь, Тургенев, Гончаров. Талант Лескова силою и красотой своей немногим уступает таланту любого из названных творцов священного писания о русской земле, а широтою охвата явлений жизни, глубиною понимания бытовых загадок ее, тонким знанием великорусского языка он нередко превышает названных предшественников и соратников своих».

Писатель-модернист Алексей Ремизов так вообще ставил творчество Николая Семеновича на первое место в русской литературе, а поэт Игорь Северянин даже провозгласил Лескова «прозванным гением».

...Одно из подлинных удовольствий, которое приносит творчество Лескова — это творческое разнообразие стилей. В то время как некоторые рассказы схожи с настоящими триллерами и отдают мистикой, другие — превосходные комедии о провинциальной российской жизни. Едва успеваешь привыкнуть к одному стилю, как он сменяется другим, и писатель вновь удивляет нас, читателей.

В ряде своих произведений он мог мастерски закрутить сюжет, обильно снабдив его мистикой и загадочными деталями, постоянно подогревая читательский интерес к своему творчеству. Чего стоят, к примеру, одни лишь названия лесковских рассказов: «Некрещеный поп» (1877), «Дух госпожи Жанлис» (1881) или «Приведение в Инженерном замке» (1882). Впрочем, сам Лесков всегда считал, что жизнь порою самым невероятным образом организует действительность так, что просто невозможно выдумать.

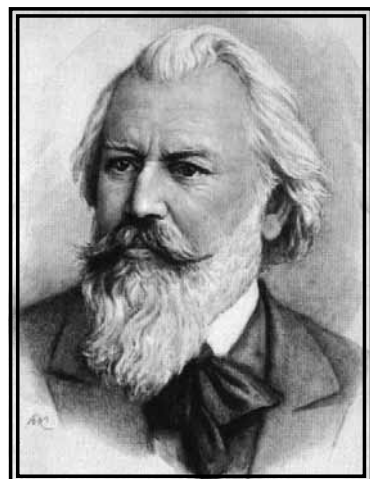
Ну а если цепь невероятных жизненных событий вдруг будет временно складываться явно не в вашу пользу, вспомните слова одного из героев лесковской повести «Очарованный странник»: «Русский человек со всем справится». И все у вас вскоре непременно сложится самым чудесным образом. □

Алла Зубкова

ЕДИНСТВЕННЫЙ И НЕПОВТОРИМЫЙ

Ему было всего двадцать, когда великий Роберт Шуман назвал его гением. И не ошибся. Вот уже полтора столетия мощь и жизненная энергия творчества Иоганнеса Брамса потрясает всех истинных любителей музыки. И сегодня в исполнении симфоний Брамса соревнуются лучшие оркестры мира, а глубина музыкальности пианистов-виртуозов проверяется на его фортепианных произведениях. Немалый интерес представляет и неординарная личность мастера. Суровая жизнь, богатая разочарованиями, закалила характер Брамса, но, к сожалению, порядком испортила его. Однако едкий сарказм и резкость причудливо сочетались у великого композитора с истинной добротой и готовностью прийти на помощь нуждавшимся в участии и совете. Ну а загадочность поведения Брамса в его отношениях с женщинами до сих пор интригует его почитателей.

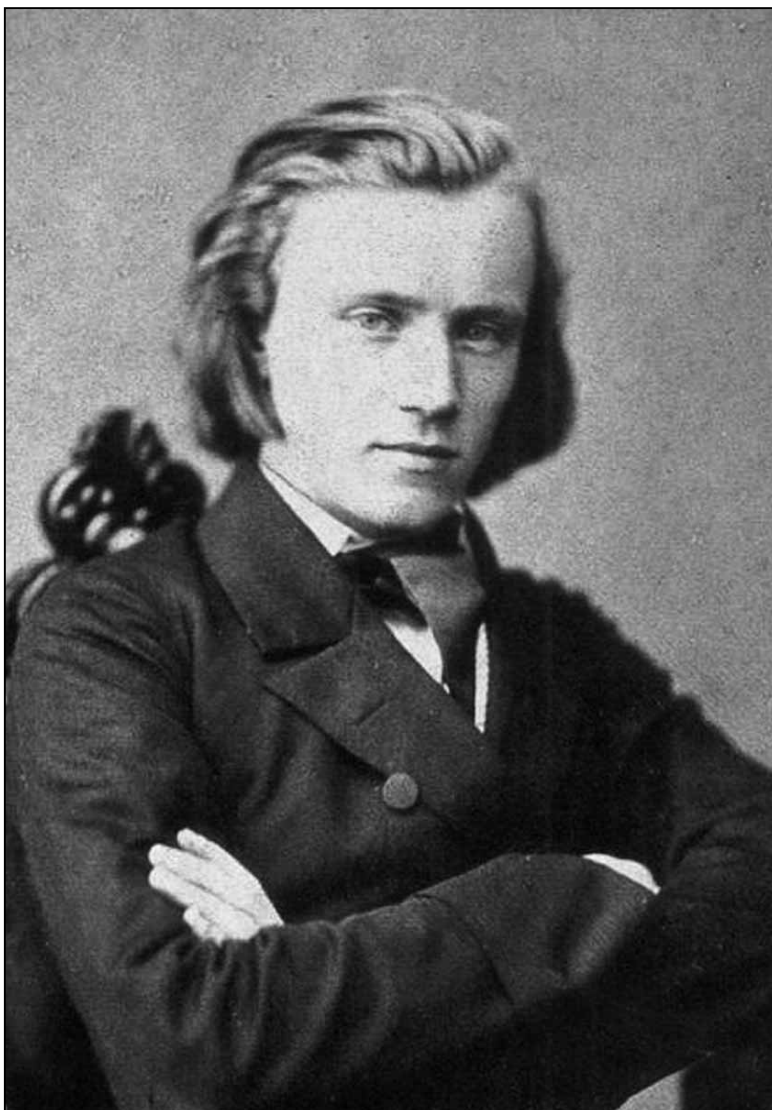

Johannes Brahms

Иоганнес Брамс появился на свет 7 мая 1833 года на севере Германии, в Гамбурге. Его отец, Иоганн Якоб Брамс, прошел тяжелый путь скитаний от бродячего музыканта, игравшего на улицах и в матросских кабаках, до артиста городского филармонического оркестра. В 1830 году он женился на швее (по другим сведениям, владелице галантерейного магазина) Иоганне Хенрике Христиане Ниссен. Она была на семнадцать лет старше своего мужа и особой красотой не отличалась. Зато женщиной

была на редкость доброй и отзывчивой, к тому же обладала поразительным чувством прекрасного, искренне восхищаясь и красотой явлений природы, и поэзией, и музыкой.

В семье воспитывались трое детей, Иоганнес был средним. Его музыкальная одаренность обнаружилась еще в раннем детстве, и у отца не было никаких сомнений, что сын пойдет по его стопам. Он обучал мальчика игре на струнных и духовых инструментах. Однако Иоганнеса больше привлекало фортепиано, и отец стал

подумывать о карьере пианиста для сына. С семи лет мальчик занимался с известным педагогом и исполнителем Отто Фридрихом Косселем. Удачное выступление десятилетнего Иоганнеса на концерте, где исполнялись произведения Бетховена и Моцарта, привлекло внимание одного импресарио, который предложил «вундеркинду» турне по Америке, суля ему золотые горы. Отец сначала серьезно подумывал воспользоваться шансом для переселения в Новый Свет, и только вмешательство Косселя удержало старшего Брамса от опрометчивого решения.

В четырнадцать лет Иоганнес окончил местное реальное училище и продолжал свое музыкальное образование. Концерты из произведе-

ний Бетховена, Шуберта, Вебера и Мендельсона, которые он давал в Гамбурге в конце 1848-начале 1849 года, удостоивались хвалебных отзывов в прессе. К этому же времени относятся и его первые серьезные композиторские опыты. К двадцати годам Брамс уже являлся автором ряда сонат, трио, квартетов. Особенно хороши были его песни. «Сочинял я все время, — вспоминал он. — Самые лучшие песни приходили мне в голову, когда я по утрам чистил свои ботинки».

В сентябре 1853 года в жизни Брамса произошло событие, которое в небольшой степени определило его дальнейшую судьбу. В Дюссельдорфе он познакомился с великим Шуманом. Маститый маэстро высоко оценил композиторский дар молодого коллеги. На следующий день после встречи Роберт Шуман записал в дневнике: «Был Брамс. Гений! Это тот, кто должен был явиться!» Не меньшее впечатление Иоганнес произвел на жену Шумана Клару, известную пианистку, женщину красивую и утонченную. Вскоре в «Новом

музыкальном журнале» появилась восторженная статья Шумана, посвященная юному гению. Все предпосылки для скорой блестящей карьеры казалось, были налицо, и ничто не предвещало беды. Однако в феврале 1854 года у Шумана обострилась душевная болезнь, тень которой уже давно нависала над ним. В припадке умопомрачения композитор, решив свести счеты с жизнью, бросился в

сти, но после замужества сошедшую на «нет». И то, что ей удалось в кратчайший срок вернуть себе положение, некогда уже завоеванное в музыкальном мире, свидетельствует об ее исключительном таланте и энергии.

Брамс, находившийся практически рядом с нею, целиком посвятил себя задаче стать опорой ей и детям. То не многое, что требовалось ему для себя, он зарабатывал уроками. Это были

К

огда скончалась от инсульта мать, Иоганн очень тяжело переживал потерю. Преодолеть скорбь помогало творчество. В это время у него начал созревать план «Немецкого реквиема». Можно сказать, что «Немецкий реквием» вышел из печати, окруженный «песенным венком». Это крупный цикл вокальной лирики. Нежное изящество гетевских песен, просветленная грациозность любовной лирики известных поэтов того времени делают этот цикл поистине неповторимым

Рейн. Его спасли, но он был помещен в лечебницу близ Бонна, где провел два года, вплоть до своей смерти. Супруга маэстро, ожидавшая ребенка, была в отчаянии. Брамс, находившийся в Гамбурге, поспешил в Дюссельдорф, чтобы помочь женщине, которую глубоко уважал. Клару не пускали к мужу, чтобы не волновать его, и Иоганнес регулярно навещал друга. Из-за болезни Шумана материальное положение семьи оказалось угрожающим. Перед Klarой встала необходимость возобновить концертную деятельность пианистки, столь успешно начавшуюся для нее в детстве и юно-

для него годы жестокой внутренней борьбы. Клара, на четырнадцать лет старше его, была красивой обаятельной женщиной, и в душе Брамса разгорался трагический конфликт между зарождающейся любовью к Кларе и твердым намерением сохранить верность своему другу и благодетелю, Роберту Шуману. И если его чувства к Кларе были сначала сдержанными и выражались просто нежными признаниями романтически настроенного юноши, то постоянное общение с обольстительной зрелой женщиной все больше изменяли их отношения. Уже незадолго до смерти Шумана

в письмах Брамса прорывался поток ничем не сдерживаемых чувств, и он признавался: «Любимая Клара, хочу написать, как нежно я люблю тебя, как страстно желаю!»

Были ли они любовниками? На этот вопрос нет однозначного ответа, поскольку большая часть их писем была уничтожена ими самими. Некоторые биографы полагают, что их роман был чисто платоническим, другие считают, что физическая близость все-таки имела место.

Роберт Шуман скончался в конце июля 1856 года в лечебнице Эндених. И тут случилось то, во что трудно поверить: Иоганнес и Клара расстались. Расстались после двух лет, проведенных практически рядом друг с другом, после всех клятв и уверений в любви со стороны Иоганнеса. О причинах и обстоятельствах этого разрыва не сохранилось никаких документальных свидетельств, однако, скорее всего, его инициатором был Иоганнес. По крайней мере, так считала дочь Клары, Евгения, которая писала об этом в своих воспоминаниях.

Клара переехала в Берлин, Брамс вернулся в Гамбург. Внешне их отношения не потеряли прежней сердечности. Они часто виделись, переписывались. Иоганнес навсегда оставался для Клары самым дорогим человеком на свете. Он постоянно опекал ее, полный любви и нежной заботливости.

Благодаря рекомендации Клары Брамс получил место в Детмолде при дворе курфюрста. В его обязанности входило обучение игре на фортепиа-

но одной из принцесс, руководство хором, почти целиком состоявшего из титулованных особ, и музицирование на придворных вечерах. Работа в Детмолде не доставляла ему удовольствия. Брамс не годился в придворные. Впрочем, он проводил там лишь три зимних месяца в течение двух лет, а остальное время жил в Гамбурге, работая с неистовой энергией. В дюссельдорфский период во время болезни Шумана он смог закончить немного. Теперь же из-под его пера выходили одна вещь за другой — камерные, фортепианные, вокальные сочинения, первые оркестровые опыты и, наконец, главное произведение этого периода — монументальный фортепианный концерт ре минор. Увы, его первое исполнение в Лейпциге в начале 1859 года успеха молодому композитору не принесло, и это надолго оставило след в его душе.

Брамс надеялся, что известность, которой его имя пользовалось в музыкальных кругах, поможет ему получить постоянное место в родном Гамбурге. Однако городские власти так и не предложили ему пост руководителя филармонического оркестра, о котором он так мечтал. Брамс был глубоко уязвлен. Эта незаживающая рана в душе и стала одной из причин, заставивших его покинуть родину и переехать в Вену.

Брамс давно не жил с родителями, но относился к ним с большой нежностью и заботой. Он уже неплохо зарабатывал и перед отъездом в Вену сказал отцу: «Если дела идут плохо, лучшее утешение — это музыка.

Полистай ноты в моей старой папке, и ты найдешь то, что тебе нужно». Предварительно Иоганнес вложил между листами нотной бумаги довольно много крупных купюр. Единственное, что тревожило его, это ухудшение отношений между родителями, вызванное, возможно, большой разницей в возрасте между ними.

Когда Брамс в сентябре 1862 года впервые ступил на землю Вены, его восторгу не было предела. Привезенные им произведения вызвали восхищение у местных музыкантов. Он был очарован Веной, красотой города и его окрестностей, дружеской неприужденностью, дешевизной ресторанов и кафе, врожденной музыкальностью народа, всегда готового слушать и воспринимать музыку, ставшую для него в силу вековых традиций естественной потребностью. Иоганнеса очень привлекали народные песни, духовая музыка на Пратере, а также славянские и венгерские мотивы, которые он потом использовал в своих «Венгерских танцах» и вальсах.

Летом 1864 года он поехал в Гамбург, чтобы навестить родителей. Отношения между ними становились все хуже, и вскоре дело дошло до окончательного разрыва. Иоганнес подыскал для матери и сестры квартиру, помогал им материально и всячески поддерживал. В начале февраля 1865 года мать скончалась от инсульта. Композитор очень тяжело переживал потерю. Преодолеть скорбь помогало творчество. В это время у него начал созревать план «Немецкого реквиема». Это произведение скорее даже

не реквием, а траурная музыка самого волнующего свойства. Отобранные и скомпонованные им самим тексты из Ветхого и Нового Завета напоминают о смертности человека и призывают к утешению и возвышению. Брамс закончил последнюю часть реквиема только в 1868 году и написал на титульном листе: «В память матери». Первое исполнение этого сочинения состоялось в соборе Бремена 10 апреля 1868 года в страстную пятницу и потрясло слушателей.

Можно сказать, что «Немецкий реквием» вышел из печати, окруженный «песенным венком». Это крупный цикл вокальной лирики, достигшей поры полной зрелости. Нежное изящество гетевских песен — «Утешение в слезах», «Любящая пишет», просветленная грациозность любовной лирики известных поэтов того периода делают этот цикл поистине неповторимым.

В марте 1867 года состоялась свадьба отца с Каролиной Шнак, с которой Иоганнес до самой смерти подерживал добрые отношения. Уже в июле он пригласил отца в Вену, и они

минать, как однажды в Баден-Бадене 32-летнего Иоганнеса не пустили в казино, приняв за несовершеннолетнего. Однако уже к середине семидесятых внешность композитора весь-

Б

рамс умел дружить. Среди его друзей было немало замечательных композиторов и музыкантов. Очень теплые отношения сложились у него с Иоганном Штраусом. Брамс искренне восхищался музыкой «короля вальсов». Когда падчерица Штрауса попросила Брамса сделать надпись на ее веере, он написал первые такты знаменитого вальса Штрауса «На прекрасном голубом Дунае», сопроводив их словами: «К сожалению, не Иоганна Брамса»

вместе любовались красотами города и совершали удивительно приятные загородные прогулки.

Брамс обожал природу. Произведения свои он охотнее всего сочинял во время прогулок, мысленно, не делая даже набросков. О том, как он вел себя в момент творческих озарений, свидетельствовал один из его друзей. Однажды, подойдя к дверям квартиры композитора, он услышал фортепианную игру, но к музыке примешивались посторонние звуки, напоминавшие собачий вой. Друг удивился — у Брамса не было пса. Приоткрыв дверь, он отпрянул — взлохмаченный Брамс импровизировал на рояле, оглашая комнату душераздирающими воплями, слезы орошали его лицо.

После переезда в Вену тридцатилетний Брамс выглядел гораздо моложе своих лет. Друзья любили вспо-

ма сильно изменилась. Фигура приобрела осанистость, густая окладистая борода придавала ему вид внушительный и импозантный, а великолепный цвет лица свидетельствовал о цветущем здоровье, которым он очень гордился.

К этому времени в образе жизни композитора уже определился довольно устойчивый распорядок. Первые месяцы года, обычно с января по апрель, он проводил в концертных поездках, выступая как пианист и дирижер — в основном, со своими сочинениями. Путь его в таких турне лежал, прежде всего, в Германию, но нередко еще в Голландию и Швейцарию. Доходов от этой деятельности было более чем достаточно, чтобы покрыть все расходы на себя и оказывать весьма существенную поддержку родне в Гамбурге. Его круто

возросшие издательские гонорары, к которым он почти не прикасался, сложились в солидный капитал. Лето, которое он в течение многих лет проводил в Баден-Бадене, а затем предпочтительно в австрийских или швейцарских Альпах, было полностью отдано композиторской работе. Иногда весной он предпринимал поездки в Италию — страну, бывшую для него предметом романтической любви. Осень и первая половина зимы посвящались технической доработке и наблюдению за прохождением в печати произведений, принесенных «летним урожаем».

В Вене Брамс жил в скромной, но уютной трехкомнатной квартире, порядок в которой поддерживался надежным попечением его домохозяйки, почтенной фрау Трукса. Он питал слабость к Пратеру, причем не только к его роскошным лужайкам и полянам, но и к простонародному «Вурстельпратеру» — «колбасному Пратеру», с его балаганами, тирами, каруселями. Он был также завсегдатаем расположенных в Пратере кафе, а также «Чарды», где играл цыганский оркестр. День Брамса начинался с утреннего кофе, который он варил сам. Обедал, если не получал приглашение, всегда в одном и том же кабачке «У красного ежа».

Брамс умел дружить. Среди его друзей было немало замечательных композиторов и музыкантов. Очень теплые отношения сложились у него с Иоганном Штраусом. Брамс искренне восхищался музыкой «Короля вальсов». Когда падчерица Штрауса, Алиса фон Мейснер, попросила его

Клара Шуман

сделать надпись на ее веере, пестрящем автографами, он написал первые такты знаменитого вальса Штрауса «На прекрасном голубом Дунае», сопроводив их словами: «К сожалению, не Иоганнеса Брамса».

Женщины... Брамс отнюдь не был женоненавистником и охотно поддавался очарованию прелестных дам. В то же время его поведение по отношению к представительницам прекрасного пола окутано завесой загадочности. Он мог ухаживать за женщиной, испытывать к ней страстное и искреннее, как ему казалось, чувство, но брак неизменно страшил его, и в самый последний момент автоматически срабатывал «синдром бегства». Всего через два года после разрыва с Кларой Шуман возникла ситуация,

когда он оказался чуть ли не у самого алтаря. Дочь геттингенского профессора, красавица и умница Агата фон Зибольд, сумела довести дело до помолвки и обмена кольцами. Как раз в это время оказавшаяся в Геттингене Клара, узнав о помолвке, горько обиделась и поспешно покинула город. Этот роман молодого композитора вызвал массу пересудов в местном обществе, которые многократно усилились после того, как стало известно, что Брамс расторг помолвку. В последнем письме возлюбленной он писал: «Я люблю тебя! Я должен увидеть тебя! Но... я не могу носить оковы!»

Год спустя успокоившаяся Клара даже упрекнула Иоганнеса в «легкомысленном отношении к чувствам бедной девочки». Впрочем, позднее Агата счастливо вышла замуж. Брамс больше никогда не виделся с ней.

Вскоре после истории с Агатой он вновь пустился в любовную авантюру. На этот раз ему вскружила голову девушка из Вены, некая Берта Порубашки. Познакомились они еще в Гамбурге, где Берта пела в хоре, которым руководил Иоганнес. Неизвестно, при каких обстоятельствах они расстались, но позднее девушка вышла замуж за богатого молодого фабриканта Артура Фабера, одного из наиболее преданных друзей Брамса в Вене. В доме Фаберов к Иоганнесу всегда относились с большой теплотой, а когда он смертельно заболел, супруги окружили его самой нежной заботой.

И тут произошло неожиданное — еще молодой композитор влюбился в

прелестную дочь Клары Шуман — Жюли. Он открыто не выказывал свои чувства к девушке, но, когда она вышла замуж за итальянского графа, оказался сломленным. Через несколько дней после венчания Иоганнес подарил новобрачной свою великолепную «Рапсодию для альта».

В январе 1874 года Брамс выступал с концертом в Лейпциге, где встретил свою бывшую ученицу, баронессу Элизабет фон Штокхаузен. Десять лет назад он внезапно перестал заниматься с ней из боязни «наделать глупостей» и без ума влюбиться в эту очень привлекательную и даровитую девушку, красота которой с годами не исчезла. Элизабет уже давно была замужем за композитором Генрихом фон Герцогенбергом, которого Брамс искренне уважал и ценил. Теперь Иоганнес, без боязни за свою свободу и независимость, снова влюбился в нее, но эта любовь носила скорее платонический характер. Элизабет, необычайно тонко понимавшая музыку Брамса, стала преданным другом композитора и его советчицей в делах творчества.

Брамсу исполнилось пятьдесят, когда в Германии в Висбадене на берегах Рейна он увлекся певицей Гермией Шпис. «Рейнская дева», как называли певицу, обладала теплым, глубоким альтом, звучание которого завораживало Брамса. Без сомнения, 26-летняя красавица произвела на него глубокое впечатление, однако весьма сомнительно, что у него были в отношении нее серьезные matrimониальные планы — как всегда, он боялся

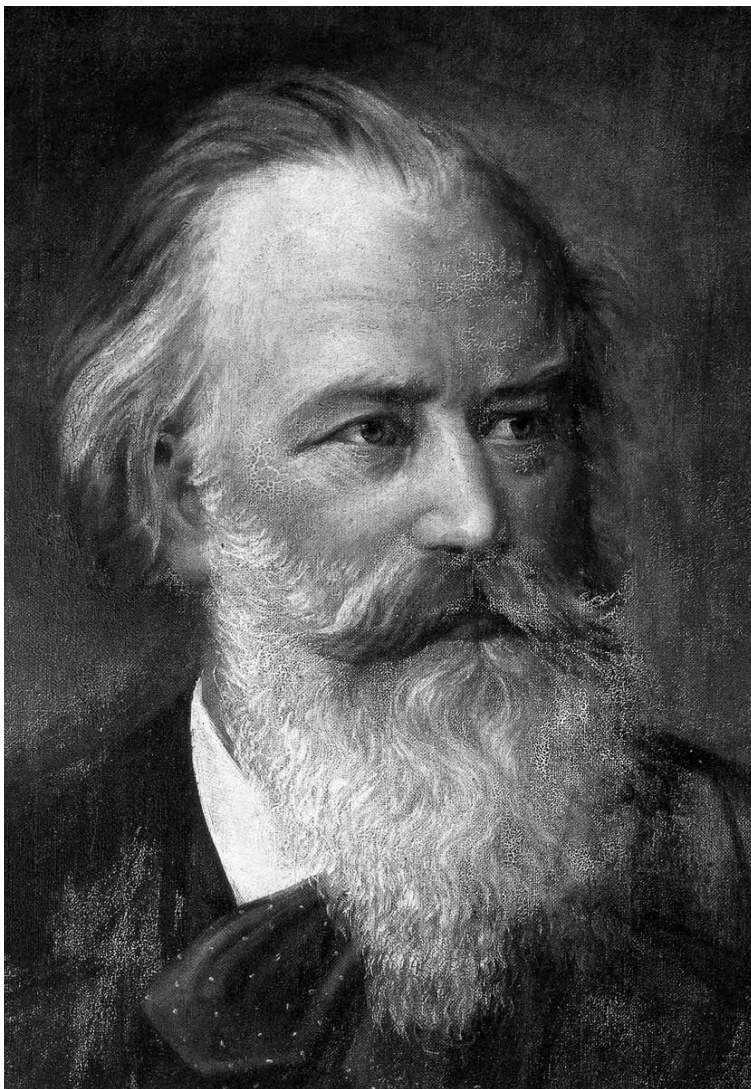
«натворить глупостей». Его безбрачие тревожило даже Клару Шуман: «Создай поскорее собственную семью. Женись в Вене на какой-нибудь состоятельной девушке, и, глядишь, ты и сам повеселеешь, познаешь такие радости, каких до сих пор не знал, и полюбишь жизнь новой любовью», — писала она ему, но Иоганнес не собирался внять дружескому совету. По этому вопросу у него были собственные твердые убеждения. Он любил повторять: «Я, к сожалению, никогда не был женат и, слава богу, до сих пор не женат».

Брамс, прежде всего, был большим художником, поэтому, рассуждая о своем безбрачии, он часто сравнивал его со своим единственным разочарованием в творчестве. Ему были подвластны все жанры классической музыки, кроме одного: он так и не создал оперы, хотя очень хотел этого. История взаимоотношений Брамса и оперы — один из главных «тайных недугов» композитора. В зрелые годы он постоянно возвращался к этой идее. Много было предложений, планов, замыслов. В поисках сюжета Брамс обращался к известным писателям, в том числе и к И.С. Тургеневу. В гостеприимном баден-баденском доме Полины Виардо часто устраивались вечера импровизированных рассказов. Здесь всегда первенствовал Тургенев. На сюжет одного из таких рассказов Виардо сочинила «оперу», разыгранную гостями. Брамс иногда аккомпанировал во время таких спектаклей. Однако предложенная Тургеневым история про «американскую дуэль»

не пришлась ему по вкусу. В конце концов Брамс объявил друзьям — «об опере и женитьбе больше ни слова».

Не опере суждено было стать главным делом жизни композитора. Именно инструментальная музыка — оркестровая и камерная, обеспечила Брамсу место среди самых выдающихся композиторов последних десятилетий XIX века. После феноменального успеха «Немецкого реквиема» в 1868 году Брамс в следующем году создал свои знаменитые «Венгерские танцы». Они были написаны для фортепиано в четыре руки и в бесчисленных переложениях для всех мыслимых и немыслимых инструментов заполнили мировой рынок.

То было время жестокой борьбы между представителями так называемой «веймарской школы», возглавляемой Ф. Листом и Р. Вагнером, и «лейпцигской школой», созданной Р. Шуманом и Ф. Мендельсоном. Брамс решительно выступал на стороне своего старшего друга Шумана. После этого его отношения с Листом и Вагнером, прежде весьма дружеские, резко ухудшились. Правда, Лист, со свойственным ему душевным благородством, не позволял себе выпадов против Брамса. Зато Вагнер преследовал его устно и в печати ядовитыми насмешками, злыми сарказмами, а в интимном кругу приходил в ярость при одном упоминании имени Брамса. Нападки вагнерианцев немало отравляли существование Брамса. Композитор замыкался в себе, характер его ожесточался.

Период примерно от сорока трех до шестидесяти лет был для Брамса самым плодотворным. Музыка изливалась широким потоком. В 1876 году в Ганновере была исполнена его Первая симфония. Выдающийся дирижер Ганс фон Бюлов дал ей название «Десятой», объявляя ее тем самым произведением, достойным стать законным наследником девяти бетховенских симфоний. В следующем году была написана Вторая симфония ре мажор, за ней последовал скрипичный концерт, последняя, Четвертая симфония и многочисленные произведения для скрипки и фортепиано. Брамс был в зените славы. Помимо друзей и почитателей специальные «Брамсовские центры» за-

ботились о том, чтобы лучше познакомить публику с его сочинениями. Его симфонические, камерные, инструментальные и вокальные сочинения исполнялись повсеместно, но особенно почитали его в Вене.

С приближением старости характер маэстро делался все более тяжелым. Рассказывают, что, покидая одно общество, в котором он был впервые, Брамс отклонялся со следующими словами: «Если я забыл обидеть кого-нибудь из присутствующих, прошу меня за это извинить». Разящая острота его слов порой ранила даже друзей. Однако они знали, что в случае необходимости Брамс всегда готов прийти им на помощь. Тратя минимальные средства на собственные нужды, оставшиеся деньги он по возможности раздавал.

Шло время, но казалось, что оно было не властно над композитором. Он гордился своим отменным здоровьем. В январе 1896 года на восторженное замечание приятельницы по поводу его цветущего вида, Брамс гордо заметил: «А чего вы хотите? Я еще ни разу в жизни не пропустил обед и не принял ни капли микстуры». Ему казалось, что он бессмертен.

Однако «сумерки» стремительно наступали. В конце марта у Клары Шуман, которой исполнилось 76 лет, случился удар, и Брамс понял, что смерть горячо любимого человека близка. Клара скончалась 20 мая 1896 года. Из Бад Ишля, где он отдыхал, Иоганнес поехал на похороны Клары. Мрачная тень, окутавшая его душу после возвращения с похорон,

впрочем, судя по симптомам, некоторые исследователи полагают, что у Брамса был рак панкреатической железы. Болезнь быстро прогрессировала. Композитор подозревал о серьезности положения, хотя и не знал диагноза.

3 марта 1897 года, собрав последние силы, Брамс посетил концерт, на котором исполнялась его Четвертая

С

приближением старости характер маэстро делался все более тяжелым. Рассказывают, что, покидая одно общество, в котором он был впервые, Брамс отклонялся со словами: «Если я забыл обидеть кого-нибудь из присутствующих, прошу меня за это извинить». Разящая острота его слов ранила даже друзей. Однако они знали, что в случае необходимости Брамс всегда готов прийти на помощь. Тратя минимальные средства на себя, оставшиеся деньги он обычно раздавал нуждающимся

нашла выражение в «Хоралах». Рукопись последнего хорала этого цикла — «О мир, тебя я покидаю» — датирована июнем 1896 года и является последним произведением Брамса, его «лебединой песней».

Друзья и знакомые Иоганнеса были поражены переменами, происшедшими в его внешности всего за несколько месяцев. Сам он считал это следствием желтухи, признаки которой у него стали проявляться. По настоянию друзей Брамс, в конце концов, обратился к врачам для консультации. Диагноз, увы, был неутешительным — неизлечимый рак пе-

симфония. Таких оваций зал филармонии еще не слышал. Венцы знали, что видят маэстро в последний раз. И он это знал. Беззвучные рыдания сотрясали его неузнаваемо исхудавшее тело...

Скончался Брамс 3 апреля. Похоронен он был рядом с могилами Бетховена и Шуберта. В его родном Гамбурге в час погребения на всех находившихся в порту судах были приспущены флаги.

В сентябре 2000 года бюст великого композитора был установлен в немецком пантеоне Славы — мемориале Валгалла. □

Он — рекордсмен по количеству киноролей, их у Ивана Агапова более двухсот! Например, кто не знает криминалиста Брумеля из сериала «Балабол»? Кстати, сейчас снимается очередной сезон... Но главным в своей творческой судьбе народный артист России называет все-таки не кино, а театр. Конкретно — Ленком. В его труппу сразу после окончания театрального института, в котором он учился у двух выдающихся мастеров — Марка Захарова и Андрея Гончарова, Иван Валерьевич пришел ровно четверть века назад.

Иван Агапов

«Когда тревожно за окном,
люди чаще приходят в театр»

Фото из архива Московского Государственного театра «Ленком Марка Захарова»

— Выходит, 2023 год у вас юбилейный! Кстати, правду говорят, что Захаров и Гончаров чуть ли не ссорились из-за вас, потому что каждый хотел видеть Агапова в своем театре?

— Спасибо, что про юбилей напомнили, я, честно говоря, как-то и не считал... А про то, что из-за меня ссорились мэтры — громко сказано. Но однажды я действительно перед выпуском случайно услышал, как Андрей Александрович говорил Марку Анатольевичу, что не подпишет Агапову диплом, если он, то

есть я, выберет не Театр имени Маяковского, в котором Гончаров был худруком, а Ленком. Я не хвастаюсь, но так было — меня брали и туда, и туда. Сравнив двух действительно великих руководителей, я все взвесил и понял, что в Ленкоме мне будет как-то... уютнее, комфортнее. Потому что Андрей Александрович все время кричал — такая у него была манера работать со студентами, с актерами. А я, когда на меня кричат, сразу зажимаюсь и «застегиваюсь на все пуговицы». Я такой: все сделаю, только не надо на меня по-

вышать голос! А на кого-то наоборот — надо, кого-то крик мобилизует, помогает собраться. Мы ведь, актеры, тоже разные. Например, некоторые из моих сокурсников выбрали Театр имени Владимира Маяковского и до сих пор прекрасно в нем работают. А диплом мне Андрей Александрович, конечно, подписал.

— Вы ведь даже какой-то шустрый трактат написали — про режиссеров?

— Это тогда же, когда учился в ГИТИСе. У меня ведь была актерская группа режиссерского факультета, поэтому кроме режиссеров-педагогов мы тесно общались и с режиссерами-студентами, которые с нашей помощью воплощали в жизнь свои «гениальные идеи». Мы, актерская группа, были у них как подопытные кролики. Вот тогда-то я и понял, что режиссеры абсолютно разные, у каждого свои принципы работы, и главное для актера — понять, соответствуешь ты этим принципам или нет. И в трактате я написал, чем режиссеры отличаются друг от друга, классифицировал их: одни мешают актерам играть, другие — не мешают, но и не помогают, и самая редкая «разновидность» — которые помогают играть. Делились режиссеры в моем опусе и по методу воздействия на актеров — при помощи крика, оскорблений, умения залезть в душу и так далее. Студенты очень веселились, когда читали.

— Вы теперь тоже Мастер, руководитель факультета актерского мастерства в Институте современного искусства. Каков ваш метод работы со студентами? Как проводите отбор?

— Работаю с ребятами без помощи крика, это точно. А при отборе доверяю своей, так сказать, «чуйке». Я люблю поговорить с абитуриентом, узнать, что его заставило выбрать эту сомнительную профессию, что он о ней вообще знает. Мне через разговор проще понять, есть у парня или девушки способности или нет, проще, чем, если бы он или она читали мне в стотысячный раз «вороне где-то бог послал кусочек сыра...» Басню тоже, конечно, послушаю, но так — для проформы. Тем более у нынешних абитуриентов выбор институтов большой. Это в наше время театральных вузов было мало, и конкурс — огромный. Сейчас все иначе. Вот, помню, когда я набирал курс в пандемию, абитуриенты просто присылали видеооткрытки, и по ним мы с другими педагогами решали, кого пропускаем на следующий тур, а кого нет. Одна девушка вообще прислала видео, на котором она идет с авоськой по деревне в магазин, а вокруг куры бегают...

— При этом актерская профессия все равно остается жутко привлекательной...

— Она привлекательна для тех, кто ее не знает. Да, вечерами в общезнании каждый второкурсник меч-

тает — ну, когда же меня начнут снимать?! А потом мечта сбывается. И вот — ночная смена, съемка задерживается, на часах 6 утра, а в кино на площадке всегда либо чудовищная жара, либо чудовищный холод, по-другому почему-то не бывает. Все актеры, особенно молодые, стонут: Господи, когда же все это закончится?! Я в такой ситуации люблю пошутить — что, говорю, не об этом ли ты мечтал, мой дорогой молодой коллега? Вот и начали тебя снимать — получай по полной! (Смеется.)

— Обижаете молодых!

— Да нет, готовлю их к непростой жизни. Вот студенты, когда слышат от меня, что большинство из них окажутся безработными, тоже обижаются. Но ведь это чистая правда! Они: «Иван Валерьевич, ну почему вы так говорите?» — «Потому что количество выпускников театральных вузов гораздо больше количества «рабочих мест». И ведь так было всегда. Например, лишь половина тех, с кем я начинал учиться в ГИТИСе, в итоге институт окончили, а потом лишь половина от числа тех, кто получил дипломы, нашли достойную работу в театре или в кино. Вот такая коварная она, наша профессия.

— Но у вас-то все сложилось прекрасно. Сейчас много работы?

— Не жалею. Летом одновременно снимался в трех-четыре проекта, причем в разных городах.

А еще институт и, конечно, театр. Он всегда на первом месте. Скажем, в новом спектакле «ЛюБоль» Андрей Алексеевич Соколов (это его режиссерский дебют в родном Ленкоме) доверил мне большую роль, причем неожиданную для меня — героя-любownika (смеется). Вообще, когда много работы, это хорошо, поэтому я ни от каких предложений не отказываюсь. Считаю, если уж пошел в эту профессию, ты должен ею заниматься. Не очень понимаю актеров, которые говорят: «Нет, я не хочу в этом фильме сниматься, в этой антрепризе играть — для меня это слишком мелко!» Но ты же актер, ты просто должен любую роль сыграть так, чтобы было интересно тебе, а значит, и зрителю! Нам Марк Анатольевич всегда говорил: «Если вы будете получать удовольствие от своей игры, то и зритель будет получать удовольствие». Так оно и есть.

— Неужели не было ни одного случая, чтобы вы от какого-то проекта отказались?

— Есть такой старый анекдот. Звонят актеру из Голливуда: «Вас приглашает Стивен Спилберг на главную роль. Съемки начинаются в декабре». — «Не, не могу, у меня елки». Вот что-то подобное случилось и со мной. Меня утвердил на роль Питер Гринуэй, правда, это был не фильм, а какое-то киноэссе. Но мне пришлось отказаться — не из-за елок, а потому что у меня был выпуск в театре. И помню еще случай.

*«Королевские
игры».*
*Марк Смитон —
народный
артист РФ*
Иван Агапов

Позвали в какой-то фильм, названия не помню, но роль предлагали интересную. Месяц репетировали на Мосфильме. Но съемки задержали, и так сошлось, что они должны были начаться одновременно с выпуском спектакля. Я подошел к Захарову: отпустите? Не отпустил. Так я в том фильме и не сыграл, хотя режиссер очень хотел, чтобы снимался именно я. Но разве мог я ослушаться своего художественного руководителя?

— Не хватает театру Марка Анатольевича?

— Конечно. Но «Ленком Марка Захарова» живет, недавно отметил 95-летний юбилей. Зал каждый вечер полон. Вообще, когда тревожно за окном, люди чаще приходят в театр. Слава богу, Марк Анатольевич

оставил нам свои спектакли, которые до сих пор идут и пользуются бешеным успехом. «Юнону и Авось» мы почти сорок лет играем! Он оставил труппу, которую сам собирал, и оставил особый дух театра «Ленком». Понимаете, у нас нет звезд... Вернее, звезды у нас, конечно, есть, но нет разделения внутри коллектива. Мы все — актеры, постановочная часть, работники пожарно-сторожевой службы — одна большая семья. И нас объединяет не только общее дело, но и общие праздники, и какие-то горестные даты, в которые мы тоже собираемся все вместе.

— Ваша первая роль в Ленкоме — студент Перчик в «Поминальной молитве». Выходили

*«Женитьба».
Кочкарев
и Подколесин —
народные
артисты РФ
Иван Агапов
и Виктор Раков*

на сцену еще с Татьяной Ивановной Пельтцер?

— Да, она в этом спектакле играла Бертю, маму Менахема, персонажа Александра Гавриловича Абдулова. Мне вообще посчастливилось выходить на сцену со всеми легендарными ленкомовцами — с Леоновым, Янковским, Абдуловым, Караченцевым... Я их всех застал. И Пельтцер тоже. Татьяна Ивановна была уже очень старенькой, помню, она всегда приходила часа за полтора до спектакля, хотя ее выход был в самом конце трехчасовой «Поминальной молитвы» — тогда Александр Гаврилович брал ее под локоток и вел на сцену. И она в силу возраста не всегда говорила тот текст, который надо

было говорить. Был такой случай. Татьяна Ивановна по роли должна спросить сына, указывая на одного из персонажей: «Это кто?» Менахем ей отвечает: «Мама, это Степан». Дальше по тексту ее слова: «Редкое имя...» — «Здесь в деревне это не редкое имя». Так вот однажды Татьяна Ивановна разнервничалась и сказала вместо «редкое имя» — «редкая фамилия», и Марк Анатольевич Захаров оставил это в спектакле, потому что получилась такая дополнительная... красочка.

— Знаю, что вы писали сценарии и снимали сериалы как режиссер, но перестали этим заниматься. Почему?

«ЛюБоль».
Он — народный артист РФ Иван Агапов, она — заслуженная артистка РФ Екатерина Гусева

— Мне часто задают этот вопрос. Да никогда в жизни я больше не буду снимать кино! Понимаете, когда над тобой стоят сорок продюсеров, и каждый учит — вот так надо!.. Раз знаете, как надо, сами и снимайте. А у нас продюсерами нередко становятся бывшие бухгалтеры и шоферы. На одном большом проекте, называть не буду, продюсером был человек, чья карьера складывалась так: водитель начальника, затем его помощник, заместитель и, наконец, генеральный продюсер. И когда такие люди учат тебя снимать, как можно относиться ответственно к своему делу? Я вообще не понимаю, почему многие рвутся во власть. При этом руководить хотят, но чтобы по-

том не нести никакой ответственности. Лично я совсем не хочу руководить. Поэтому не хочу быть режиссером.

— А актерская профессия — ответственная? Наверное, не очень, раз сами актеры признают, что она — зависимая.

— Да, актер — зависимая профессия. Дадут тебе роль — не дадут роль, режиссер диктует свою волю. Но вот выходишь ты на сцену — и тебе уже никто ничего не может сказать. Ты тут сам за себя отвечаешь, и единственный твой судья — зритель, который оценивает, хорошо ты играешь или плохо. У меня есть любимый актерский анекдот.

*«Поминальная молитва».
Голда —
заслуженная
артистка РФ
Олеся Железняк,
Менахем-Мендл —
народный артист
РФ Иван Агапов*

Молодой режиссер приезжает в провинцию, ставить, условно, «Гамлета», и главный режиссер ему говорит: «Вот этого актера не берите». — «Почему? Хороший же актер». — «Хороший. Но не берите». Не послушался — взял. Репетирует с этим «хорошим», доволен его игрой. Потом — премьера, и этот актер играет чудовищно! Режиссер говорит ему за кулисами: «Ну, что вы играете?! Ведь так хорошо репетировали!» А тот отвечает: «Слушай, когда ты работал, я тебе мешал? Вот теперь я работаю — и ты не мешай мне!» Это абсолютно про нашу профессию.

— Вы говорили о продюсерах-непрофессионалах. Что же это за беда такая, которая, по моему, проникла во все сферы нашей жизни?

— Согласен — беда. Вот кто-то пошутил, что нашу эстраду убило караоке — потому что, взяв микрофон, все решили, что могут петь. А литературу, мне кажется, убивает Интернет — потому что все решили, что могут писать. Всю помойку, которая в голове, — туда! Но самые замечательные в этом ряду — блогеры. Ну, просто потрясающий вид деятельности! Человек не умеет ничего, кроме одного — вываливать на публику всю свою глупость, всю свою пошлую жизнь. И на этом очень неплохо зарабатывает. У потребителей их «продукта» тоже повышается самооценка: мол, вон как хреново этот блогер пишет, так и я могу, вон у него сколько подписчиков, значит, и у меня получится! И у многих действительно получается, потому что сегодня чем хуже — тем лучше. Приведу пример

на эту тему. Был такой огромный сериал «Кровинушка». Мы с женой Светланой (у нее дипломы Литинститута и ВГИКа) снимали его как режиссеры. Я отвечал за работу с актерами, особенно в сложных сценах — с массовой, с трюками, а жена отвечала за композицию кадра и драматургию. Мы отлично дополняли друг друга. Но в итоге ушли из проекта, потому что разошлись во мнениях с продюсерами. Они считали, что когда снимается уже 150-я серия, качество не важно, надо лишь быстро-быстро снимать и на всем экономить. А мы со Светой — перфекционисты, мы так работать не умеем. Пришлось расстаться.

— Работа, работа... А как вы отдыхаете? В одном интервью вы говорили, что терпеть не можете пляжный отдых. Может, любите дачный?

— У меня, можно сказать, две дачи: одна по линии жены, другая по линии себя (смеется). Причем находятся они в разных концах Подмосковья. Бываю я одинаково редко что на одной, что на другой. Мама злится: «Продавай эту дачу! Все равно лишь два раза в году там бываешь!» — «Пусть два раза, но бываю!» И как продать, когда я посадил там это дерево, и оно вон какое выросло. И вообще, сколько та дача может стоить? Продашь — и за два дня все деньги проешь. Поэтому пусть стоит. Иногда я друзей туда приглашаю, потому что одному там все-таки скучновато.

Я считаю: важно — не где отдыхаешь, а с кем. И на такой маленькой дачке без особых удобств, до которой добираться и добираться, можно получить удовольствие куда большее, чем в пятизвездочном отеле — от компании, от атмосферы... Поэтому — да, можно сказать, что я — любитель дачного отдыха.

— А что вы, например, не любите кроме лежания на пляже?

— Для меня мука посещать какие-то присутственные места. Мне говорят: «Иван Валерьевич, надо сходить в банк и там открыть счет, чтобы на него мы могли перечислять вам деньги за съемку». Я тяну с этим, сколько могу. В результате меня просто берут за шиворот и силком ведут в банк. Говорят: «Вам ничего не надо делать, просто сидите, улыбайтесь и кивайте». Или надо какую-то справку получить, что-то оформить! Бр-р-р... Если честно, легко и комфортно я себя чувствую только в театре. Он для меня — второй дом, куда я прихожу рано утром и ухожу поздно вечером, где мне все знакомо, и вокруг — родные люди, с которыми пережито столько радостей и горестей. Я ведь в «Ленкоме Марка Захарова» с 1988 года, четверть века! Еще раз спасибо, что напомнили об этой круглой дате. Теперь буду думать, как отметить свой славный профессиональный юбилей (улыбается). □

Беседовала **Марина Бойкова**

«В человеке все должно быть прекрасно: и лицо, и одежда, и душа, и мысли». Великий русский писатель Антон Павлович Чехов, вкладывая эту фразу в уста своего героя доктора Михаила Львовича Астрова в пьесе с простодушным названием «Дядя Ваня», скорее всего, не подозревал, что она не только станет одним из самых популярных афоризмов советских учителей, но разбежится по всему миру. По той простой причине, что пьеса давно в репертуаре огромного количества театров, а про количество экранизаций и вовсе говорить не приходится. Напоминаю об этом только потому, что Сергей Сальников как никто другой являлся ее олицетворением. Красивый, элегантный, мужественный человек, с идеальным пробором и правильной речью, он производил неотразимое впечатление. Очень много читал и знал, получил высшее образование (факультет журналистики МГУ имени М.В. Ломоносова), на уровне профессионализма разбирал-

Истинный мастер футбольных баталий

*Сергей
Сальников*

Сергей Сергеевич Сальников родился 13 сентября 1925 года в городе Краснодаре. И впервые «засветился» в молодежной команде «Спартак» в 1941 году, а в составе главной команды оказался в августе 1942 года в шестнадцатилетнем возрасте. Но в августе 1943-го, работая слесарем-лекальщиком, стал посещать тренировки возрождающейся

в Подлипках ленинградской команды «Зенит», и возрождал ее знаменитый игрок и тренер «Спартак» Константин Павлович Квашнин. В первые месяцы войны зенитовцы были эвакуированы в Казань, откуда большинство из них он и вызвал. Но усилил и уже известными спартаковцами — Николаем Гуляевым, Алексеем Соколовым, Константином Рязанце-

ся в музыке и кинематографии, мог блеснуть знанием поэзии, обладал обширным словарным запасом. Красиво, со вкусом жил...

А про футбол и Сергея Сальникова в нем лучше всего написал Лев Иванович Филатов — один из самых выдающихся спортивных журналистов, болельщик «Спартака» (кстати, его самая первая заметка в «Комсомольской правде» была опубликована в 1949 году о матче «Спартак» — ВВС) — в своей книге «Форварды»: «Высоко поднятая голова, плечи развернуты, грудь вперед, весь уклончивый, чуткий, легконогий, прыгучий, готовый моментально изменить направление своего движения или движения мяча. Всегда оставалось впечатление, что ему все дается легко, само собой, как бы между прочим. А он еще и убеждал нас в этом впечатлении, выбирая приемы посложнее, поинтереснее, избегая простеньких, стандартных, заранее угадываемых. Любя мяч, он, как истинный мастер, знал меру этой любви».

Лев Иванович Филатов просто так комплиментами не разбрасывался.

вым и... Сергеем Сальниковым. Команда принимала участие в розыгрышах Кубка Москвы и товарищеских матчах. В 1944 году, уже играя в основном составе «Зенита», Сальников стал заметной фигурой в команде, более того, забил гол московскому «Спартаку» в полуфинале Кубка СССР 1944 года, который «Зенит», в конечном счете, выиграл. Видимо, его появление в этой команде было не случайным, а ради того, чтобы он многому научился у самого известного ленинградского футболиста Петра Дементьева — легендарного Пеки (старшего брата спартаковской легенды Николая Дементьева). 23 мая 2002 года ему был установлен памятник у главного входа на стадион «Петровский» с надписью на постаменте «Гений футбола Петр Дементьев». Правда, менее чем че-

рез год строители ковшом экскаватора случайно разрушили памятник, а потом, от греха и от глаз начальства подальше, и вовсе снесли. А жаль, поскольку Петр Тимофеевич — самый выдающийся футболист города на Неве.

Естественно, подающий надежды Сальников многому у него научился. Петр Дементьев, в свою очередь, увидев в Сергее талант, однажды сказал: «Вот что, Сергей, у тебя способности. Но толк выйдет, если не будешь пить, курить и наляжешь на тренировки». И это пожелание Сальников воспринял как наказ на всю футбольную и не только футбольную жизнь.

В 1946 году он вернулся в «Спартак», успешно играл до 1949 года, а потом неожиданно, что называется, «с бухты-барахты», оказался в

московском «Динамо» (1950–1954). Футболисты, болельщики и околофутбольная общественность обиделись — предал «Спартак». Много позже все узнали про «бухты-барахты» — в 1949 году был арестован отчим Сергея, и, чтобы хоть как-то облегчить ему условия в заключении, он перешел в «Динамо», поскольку эта команда принадлежала Министерству внутренних дел. Отчим вышел на свободу в 1955-м, и в этом же году Сальников снова оказался в «Спартаке». Правда, после длительных баталий и боданий: «Динамо» не хотело его отпускать, но руководство «Спартака» победило, и Президиум секции футбола СССР¹ разрешил Сальникову переход в «Спартак», где он и оставался до самого окончания своей блистательной карьеры.

На футбольном поле Сергей блестяще умел все. И одиннадцатиметровые удары, которых многие корифеи-нападающие побаивались, исполнял точно и легко (по крайней мере, внешне), а еще вколачивал пенальти самому Льву Яшину.

Несколько лет назад в сетях замелькал ролик, как Криштиану Роналду из-за лицевой линии у углового флажка показательно закручивает мяч в сетку ворот. Но за много-много лет до него с этим изящно справлялся Сергей Сальников.

8 сентября 1954 года он первый раз вышел на поле в составе сборной СССР. Этот матч вошел в историю тем, что шведы были разбиты со счетом 7:0, и два забитых мяча принадлежали новобранцу сборной Сергею Сальникову. Конечно, апогеем его славы в сборной является участие в «золотой» для сборной СССР по футболу Олимпиаде в Мельбурне.

Всего за сборную Сальников сыграл в 14 официальных матчах и забил 9 голов, из них — 6 матчей в составе олимпийской сборной и два забитых гола. Результативность для сборной редкая.

За все годы в большом футболе он трижды становился чемпионом СССР (1954, 1956, 1958), пять раз выигрывал Кубок СССР (1944, 1946, 1947, 1953, 1958), девять раз включался в список лучших футболистов сезона в СССР: №1 (1949, 1953, 1955, 1956); №2 (1948, 1951); №3 (1950, 1957, 1958). Является членом клуба Григория Федотова (138 мячей). После завершения карьеры в 1960 году работал тренером в различных клубах: «Шахтер» (Шахты), «Труд» (Воронеж), «Спартак» (1966–1970), в том числе и главным тренером (январь–июнь 1967). После этого два года тренировал команду «Маареф» (Кабул, Афганистан), в 1975 году работал тренером юношеской сборной

¹ Секция футбола СССР основана 27 декабря 1934 года Постановлением Всесоюзного совета физической культуры СССР как высшая общественная организация по управлению футболом. С 6 мая 1959 года — Федерация футбола СССР и с 8 февраля 1992 года — Российский футбольный союз.

СССР, а в 1976-м тренировал сборную Афганистана.

Кавалер ордена «Знак Почета».

В 1978 году по инициативе Н.П. Старостина был создан, или, точнее, возрожден клуб «Красная Пресня», и Сергей Сальников стал его главным тренером. Тренировал так, что на всю жизнь запомнился юным футболистам, поскольку в свои 53 года вместе с ними на утренней зарядке потрясал их своим здоровьем и «чудесами» с мячом.

Весь его жизненный и спортивный опыт очень ему пригодился, когда он стал одним из лучших комментаторов спортивной редакции Гостелерадио СССР и спортивным журналистом, автором многих

газет и журналов. Был бы успешен и востребован дальше, но...

9 мая 1984 года, в один из главных праздников — день Победы, состоялся товарищеский матч ветеранов «Спартака» в Зеленограде. После игры, радостные и возбужденные, зашли в раздевалку. И, как позже рассказал Алексей Парамонов: «Сережа пришел после матча в раздевалку, сел. Майку снял, задорно говорит кому-то: "Ох! Как я тебе пасик дал, а?" — откинулся и... готов. Сердце отказало».

Врачи не смогли ничем помочь. Похоронен Сальников на Кунцевском кладбище в Москве. Николай Петрович Старостин на похоронах сказал: «Еще многие из нас будут мечтать умереть на футбольном поле...»

Неповторимые удары блестящего нападающего

*Николай
Осянин*

Николай Викторович Осянин родился 12 декабря 1941 года в селе Соболевское (Татарская АССР).

Его профессиональная футбольная карьера нападающего началась в 1959 году в казанской «Искре»

(нынче — «Рубин»), выступавшей в чемпионате РСФСР. В 1961 году он оказался в составе команды «Крылья Советов» (Куйбышев), выступавшей в классе «Б», но уже в следующем году команда играла в классе «А». Естественно, на талантливого нападающего обратили внимание столичные клубы, и в 1966 году он был приглашен в «Спартак», в котором к нему пришла настоящая большая слава. Болельщики его обожали и «ходили на него». В историю отечественного футбола Николай вошел и своими неповторимыми ударами с дальних дистанций. Ударами с обеих ног, которые он отрабатывал, оставаясь после тренировок на поле. Ударами, о которых через десятки лет очевидцы рассказывают с восторгом и придыханием в голосе. Ударами, после которых болельщики готовы были носить его на руках. Казалось бы, радуйся и используй эту любовь и внимание, как многие его коллеги. Но Николай Викторович, и в молодости и сегодня, — воплощение скромности и порядочности, как нынче говорят, не публичный человек. При этом великий труженик и знаток футбольной стратегии.

ДВА ПРИМЕРА ИЗ ОДНОГО ЧЕМПИОНАТА

13 августа 1969 года. Матч с «Динамо» (Москва) на их стадионе в присутствии 54 000 зрителей.

Упорнейшая борьба. Первый тайм закончился безрезультатно. Далее, как написал в «Советском спорте» (14.08.1969 г.) Валерий Винокуров:

«Было ясно, что в этой напряженной, обоюдодовнимательной, обоюдособранной игре победу сумеет вырвать тот, кто первым пойдет на решительное обострение. И после перерыва это сделали спартаковцы...»

Одна из таких атак заканчивается пасом на выход в штрафную площадь Киселеву. Он получает мяч, чуть продвигается вперед и бьет. Яшин парирует, но рядом Рожков — 1:0...

...Комбинационная вязь в середине поля неожиданно закончилась тем, что Осянин метров с двадцати пяти неотразимо пробил в верхний угол».

В верхний угол ворот, которые защищал Лев Яшин. Статистики позже уточнили — метров с тридцати. «Спартак» выиграл (2:0).

30 октября 1969 года. Киев. Центральный стадион. Дождь со снегом (+5), 100 000 зрителей.

20-я минута матча. Николай Осянин вспоминал: *«Я получил мяч метрах в тридцати пяти от ворот киевлян. Смотрю, на меня идет Сабо. Делаю финт корпусом вправо, и Сабо на него попадает, а сам я ухожу влево. Грунт был мокрый, скользкий, и киевлянин не успел изменить направление движения. Передо мной*

встает Мунтян. Я носком проталкиваю мимо него мяч и легко проскакиваю вперед. Теперь против меня сразу двое: Круликовский и Соснихин. Имитирую замах, вроде бы собираюсь бить. Что оставалось делать Круликовскому? Попытаться отобрать мяч в подкате. Это он и сделал, но до мяча не дотянулся, потому что я чуть убрал его в сторону. Соснихин же, очевидно, надеялся, что подкат Круликовскому удастся, и не был готов к тому, что положение может сложиться по-иному. В результате я оказался наедине с Рудаковым. Естественно, что он начал выдвигаться из ворот мне навстречу, и я, опять-таки на противоходе, "щечкой" отправил мяч в правый от него угол».

На следующий день в том же «Советском спорте» (31 октября 1969 года) было опубликовано: «Произошло это так. Начав, как обычно, на правом фланге движение с мячом в сторону ворот киевлян, Осянин обыграл сначала Сабо, а вслед за ним еще... четырех защитников, которые в одиночку, без подстраховки пытались отобрать у него мяч. В результате — выход на открытую позицию и точный удар мимо выбежавшего Рудакова...»

Диего Марадона смог совершить нечто такое через 17 лет на чемпионате мира.

«Спартак» в том сезоне стал чемпионом страны, а Николай Осянин лучшим бомбардиром чемпионата.

Всего в составе «Спартака» (1966–1971; 1974–1976) сыграл в 185 матчах, в которых отметился 50 голами. За эти годы стал чемпионом СССР (1969), серебряным призером чемпионата СССР (1968, 1974) и обладателем Кубка СССР (1971). Дважды включался в состав 33-х лучших футболистов сезона: 1966 (№ 3) и 1969 (№ 2).

После окончания карьеры футболиста работал тренером в спартаковской Детско-юношеской школе олимпийского резерва (1977–1989). Активно играл за ветеранов «Спартака». И был одним из тех, кто до конца своих дней получал персональную пенсию от футбольного клуба «Спартак-Москва».

Николай Викторович Осянин скончался 21 марта 2022 года в возрасте 80-ти лет, не дожив месяца до 100-летнего юбилея «Спартака». □

Екатерина Маркова

АКТРИСА

*Кулисы, темный зал, театр...
Нежное чудовище...*

Александр Блок

Алена подолгу слушала музыку, которую включал ей Глеб. Если в отделении реанимации ей приходилось надевать наушники, чтобы не беспокоить других тяжелых больных, то теперь, в отдельной палате, Глеб устроил ей маленький концертный зал. Он принес музыкальный центр и умело установил колонки так, чтобы Аленина кровать находилась в эпицентре звуков. Больше всего она любила Шопена и могла слушать его бесконечно. Однажды, после того как Алена с упоением и огромным волнением слушала баллады Шопена, Глеб с тревогой заметил в ее глазах слезы. Он нагнулся к ней, чтобы губами промокнуть их, и услышал, как она тихо прошептала:

— Как подробно он рассказывает о себе...

Алена притянула к себе голову Глеба и нежно расцеловала его глаза.

— Мне иногда кажется, что я знаю тебя столько же, сколько знаю себя. Поэтому и просила тебя принести детские фотографии. Вдруг я узнаю на них мальчишку из моего детства.

Окончание. Начало в №3 и №4, 2023.

— У тебя было питерское детство, а у меня самое, что ни на есть, московское — замоскворецкое. Я рос там, где было когда-то сорок сороков церквей, — улыбнулся Глеб.

— География не имеет значения... Как себя чувствует Люся?

Сердце Глеба резво скакнуло и ткнулось в грудную клетку. Это был первый вопрос о ком-либо, который задала Алена. Он попытался придать лицу самое нейтральное выражение и не спеша ответил:

— Люська в порядке. Пришлось чуть-чуть отодвинуть по срокам операцию, но теперь ее уже прооперировали, и она сейчас дома.

— Из-за меня... перенесли операцию?

— И да, и нет. Конечно, она понимала, что я все время должен быть с тобой. А потом тот хирург, который делал операцию, был в отъезде.

— А теперь как она?

— Лицо заживает. Операция прошла без всяких осложнений. Только всем — и, в первую очередь, ей самой — непросто привыкнуть к своему новому облику. Для этого нужно время.

Алена задумалась ненадолго и спросила:

— И что же, она стала совсем другая?

— Абсолютно. Но это естественно. Восстановить прежние черты оказалось невозможно...

— Мне бы хотелось поговорить с ней по телефону. Я соскучилась по ее голосу. Она такая славная.

— Солнышко, я же принес тебе мобильник, а он так и валяется без работы уже неделю. Хочешь, хоть сию минуту поговори с Люсей. Она будет счастлива.

— Не сейчас... — Голос Алены прозвучал слабо, и Глеб встревожено отметил, что она побледнела.

— Давай-ка отдохнуть. — Он поправил подушку, подоткнул одеяло, взял руки Алены и нежно поцеловал ее маленькие, как у ребенка, ладошки. — Постарайся поспать, а я пока смоताюсь по делам и часа через два вернусь. Чего-нибудь вкусенького привезти?

Алена уже с закрытыми глазами еле заметно кивнула и тихо попросила:

— Если можно, очищенных кедровых орешков. В детстве мама их разгрызала и ядрышки складывала мне в ладошку. А теперь орешки уже очищенные продаются...

Она заснула на полуслове, и Глеб, отключив музыкальный центр, на цыпочках вышел из палаты.

В театре кричали «горько» Маше Кравчук и Шкафендре. В репетиционном зале были накрыты столы для фуршета, все расслабились, и каждый

втайне радовался тому, что на сей раз судьба свела всех по случаю отнюдь не скорбному.

Роман пятидесятилетнего Глебыча с тридцатипятилетней актрисой продолжался два года. До этого Маша уже успела дважды побывать замужем, и у нее подрастали шестилетние дочери — близняшки. Пожарский никогда женат не был, до последнего времени он жил со стареньким больным отцом, который не выходил из больниц и доставлял Глебычу много страданий. Когда он похоронил отца, на него было жалко смотреть. Всегда импозантный, громкий, вальяжный, он вдруг превратился в растерянного ребенка. Директора в театре любили, несмотря на деловую суровость, тщательно упрятанную в благодушие и демократичную манеру общения, и соперничали его одиночеству.

Самым удивительным было то, что, проработав в театре бок о бок почти пятнадцать лет, Маша и Глебыч лишь два года назад словно увидели друг друга впервые. Это прозрение произошло на гастролях в Сочи, куда Маша взяла своих близняшек. Девчонки на пляже почему-то присмотрели себе в «кореша» добродушного, смешливого, толстого Шкафендру. Заходясь от восторга от его театрального прозвища, но будучи девицами воспитанными и благопристойными, они вежливо осведомились у Глебыча, можно ли им попросту называть его «дядя Шкаф». Тот благосклонно согласился, и началась нежная дружба. Глебыч катал девчонок на лодке и на катере, втихаря от строгой мамы подкармливал мороженым и водил в тир и в игровые автоматы. В середине гастролей близняшки свалились с гнойной ангиной, и Глебыч оказался опытной сиделкой и грамотным врачом. Маша, очень плотно занятая в гастрольных спектаклях, дышала спокойно, только если знала, что в ее отсутствие с дочками сидит Пожарский. Наверное, тогда они и увидели друг друга по-новому. Дети оказались первопричиной возникшего между ними чувства, и стали очень прочным замесом в их отношениях. Близняшки обожали Глебыча и вскоре начали обижаться на него всерьез, когда он проводил с ними выходные и, пожелав спокойной ночи, не оставался ночевать.

Маша понимала, что за Пожарским она как за каменной стеной, но оттягивала момент бракосочетания. Будучи по природе очень честным человеком, она пыталась не обмануться и не ввести в заблуждение Глебыча. Ей хотелось до конца разобраться в себе. И тогда пришла на помощь проницательная Нина Евгеньевна, для которой шеф был одной из тех персон, к которым она относилась крайне пристрастно. Организовав на лето путевки для близняшек в детский лагерь, Ковалева «вытурила» Машу с Глебычем на Кипр. Две недели они пробыли вдвоем среди немыслимой красоты моря, солнца, эротической атмосферы языческих легенд и преданий,

и там, на острове Афродиты, точь-в-точь возле того места, где богиня, рожденная морской стихией, явила себя белому свету, они объяснились и назначили день свадьбы. Но потом горькие события, терзавшие театр с начала сезона, все откладывали и откладывали этот день. И вот теперь, наконец, все состоялось, и счастливый, сияющий Глебыч не мог отвести влюбленных глаз от своей подруги, уже два часа как ставшей его женой. От Маши и впрямь трудно было оторвать взгляд, так к лицу ей был элегантный, знаменитым модельером придуманный свадебный костюм из белого муара с длинным шлейфом, глубоким декольте, открывающим красивую полную грудь, и неровными, ниспадающими по бедрам фалдами длинного жакета. Голова с чуть приподнятыми над шеей густыми вьющимися волосами была украшена белой розой, с удивительной стойкостью сохраняющей первозданную свежесть уже несколько часов.

Слегка подуставших близняшек отправили в Аленин кабинет, располагающийся прямо напротив репетиционного зала. Там им выдали фломастеры, бумагу и усадили за журнальный столик, чтобы они пришли в себя и воспроизвели художественно приведшее их в восхищение венчание в храме.

Когда в очередной раз закричали «горько», в дверях зала остановился, смущенно улыбаясь, Глеб Сергеев с огромной корзиной белых лилий и подарочно упакованной коробкой. Его заметили только после того, как молодожены оторвались друг от друга, завершив долгий, подогреваемый аплодисментами поцелуй. И почему-то всем вдруг стало неловко, точно он явился напоминанием о том, что траур еще не кончился, что не во власти самих людей отменять его, а надо, стиснув зубы, мужественно пережить его, отдать свою скорбь, свободу выбора, свою волю...

Но Глеб утихомирил все нравственные терзания:

— Я очень рад видеть в этом доме радость. Она совсем не отменяет то болезненное чувство утраты людей, которые сегодня по праву могли бы быть с нами... Но мы бессильны вернуть их обратно в жизнь. Нам дано только помнить о них и любить так же, как мы любим живых. Все они — и Елена Николаевна, и Энекен, и Катя — каким-то неведомым образом все равно с нами... Что касается Алены, она бы радовалась этому бракосочетанию, если бы болезнь не отняла у нее — временно! — способность помнить... Но это пройдет. И тогда она лично поздравит вас. А сейчас мне хочется пожелать Машеньке и Валентину Глебовичу долгой-долгой счастливой, радостной совместной жизни и от себя и Алены подарить то, что олицетворяет жизнь. — Глеб улыбнулся и, вручая молодоженам коробку, проговорил: — Здесь все очень хрупко и поэтому тщательно упаковано. Чтобы не вскрывать сейчас, рассказываю: это «Весна» работы итальянского скульптора Армани. Буду рад, если она понравится и украсит ваш дом.

Глебу налили шампанское, он чокнулся с молодоженами и вдруг встретился взглядом с грустными глазами Инги Ковалевой. Обойдя стол, она встала рядом.

— Глеб Александрович, простите, что мешаю вам расслабиться... Я знаю, — вы все время в больнице, вам необходимо переключаться...

— Да что вы, Инга, — прервал ее Глеб. — Я, наоборот, совсем не хотел бы переключаться, но жизнь заставляет... Что вы хотели сказать?

У Инги от волнения скривился рот, и глаза подозрительно заблестели:

— Глеб Александрович, возможно, Алене Владимировне нужен какой-нибудь другой врач... специалист по амнезиям... У нас много знакомых врачей. Извините меня, — низко наклонила голову Инга, чтобы Глеб не видел ее пылающего лица. — Мне так важно, чтобы к Алене Владимировне как можно скорей вернулась память.

— Это всем крайне важно, Инга. — Глеб почувствовал, что его слова прозвучали с легким упреком, и мысленно отругал себя. Все думают о себе — это так по-человечески понятно. Каждый в любой ситуации в первую очередь пытается обезопасить себя и любимого. — Если возникнет такая необходимость, я сразу дам знать, хотя не думаю — в этой больнице первоклассные специалисты.

Маша принесла Глебу огромную тарелку с закусками. Только завела с ним разговор об Алене, как из коридора раздался взрыв смеха и какой-то грохот.

— Это девчонки мои в Аленином кабинете «передыхают». Пойду, гляну, что они там учудили.

— Я посмотрю, Маша, — остановил ее Глеб. — Невесте положено пребывать возле своего суженого. А я хоть проведу заодно Аленин кабинет и при случае ей доложу.

Взбудораженные близняшки встретили Глеба радостным криком.

— Ура! Здравствуйтесь! Поиграете с нами в кошки-мышки?

— Здравствуйтесь, барышни! — поклонился Глеб и обежал глазами комнату.

По ней словно пронесся тайфун. Журнальный столик и кресла были перевернуты. Настольная лампа почему-то стояла на полу. Шкаф, в одно отделение которого вешалась одежда, а в другой половине на полках хранились Аленины бумаги, рукописи, пьесы, книги, был распахнут, и полки вместе со всем содержимым вывалились на пол.

— А это что за шурум-бурум? — поинтересовался Глеб. — Как вам это удалось?

— Случайно. Дашка спряталась в шкаф, а я с завязанными глазами открыла не ту створку, налегла на полку, и они грохнулись. Я нечаянно, — предупредила на всякий случай Наташа.

— Понятно, что не нарочно. Теперь давайте наводить порядок.

— Уу-у, — разочарованно протянули хором девочки, — а в «кошки-мышки»?

— Да какие «кошки-мышки», когда здесь передвигаться невозможно. В кошки-мышки пойдем играть в коридор, а то вы здесь себе фингалов насажаете. Только сначала восстановим порядок.

Девочки уселись на пол и стали складывать стопками бумаги и папки, а Глеб начал возвращать на место полки.

— Ух, ты, смотрите, что я нашла. — Довольная Наташа размахивала плюшевым слоненком с розовым хоботом, большими ушами и длинным ворсистым хвостом. — Дашка, это же Катин брелок, помнишь?

— Чей брелок? — Глеб оставил полки и повернулся к Наташе.

— Это брелок из машины Кати Воробьевой. Она когда нас с мамой подвозила, мы всегда смотрели, как он смешно раскачивается возле руля. Катя сказала нам, что это ее талисман. Наверное, она подарила его тете Алене. Вы ей отвезите его в больницу — она обрадуется.

Глеб принял слоненка из рук девочки и, задумчиво разглядывая его, спросил:

— Где он лежал, Наташ?

— А вот здесь, между этих папок, рядом со шкатулкой.

Он присел на корточки, поднял изящную перламутровую шкатулку, с трудом открыл тугую крышку. Поверх различных маленьких коробочек и полиэтиленовых пакетиков лежала тонкая ученическая тетрадка.

Глеб прочел первые строчки.

«Дорогая Алена Владимировна! Когда вы обнаружите эту шкатулку, я буду далеко. По крайней мере, повидаться нам вряд ли позволят...» Потом быстро пролистал тетрадь, исписанную убористым почерком, взглянул на последнюю страницу и похолодел. Крупными буквами была выведена подпись: «Всегда ваш, Севка».

Спустя несколько часов Глеб вернулся в больницу. Алена спала. Пытаясь не потревожить ее, он пересыпал на блюде очищенные от скорлупок ядрышки кедровых орехов, достал из пакетов фрукты и вышел в коридор. Присел возле пустующего стола сестринского поста и вскоре увидел Свету, выходящую из палаты.

— Ну, как дежурство? Тяжелых много? — поинтересовался Глеб.

— Нормально. Как всегда. — Света взяла журнал и что-то записала. — У больного температура никак не падает. Прямо беда. Алена спит?

— Спит. Уж очень долго. Я уходил — она засыпала. Прошло больше трех часов.

— Да ничего подобного, — оторвалась от записей Света. — У нее был посетитель. Совсем, конечно, недолго, всего десять минут. Потом я его выпроводила.

— Кто же? — удивился Глеб.

— Да я практически его не рассмотрела. Впускал его к Алене Борис Иванович — я делала перевязку. Он мне сказал, что у Алены знакомый хирург из Штатов, и чтобы через пять минут я его, что называется, попросила... Ну, я убедилась, что он прощается, и сразу ушла. Видела, как шел по коридору к Борису Ивановичу, видимо, поговорить об Алене. Высокий такой, спортивный, до визита к ней он беседовал с палатным врачом. Так что не беспокойтесь, его, конечно же, предупредили и об амнезии, и обо всем остальном.

Глеб с минуту наблюдал за тем, как Светины пальцы проворно сворачивали из кусочков ваты твердые продолговатые валики, а потом спросил:

— Помните тот день, когда Алена впервые открыла глаза?

— Ну, конечно, — улыбнулась Света. — Фрезии, а потом музыка... Как в сказке.

— Так вот, когда я поехал за магнитофоном, в отделение приходил молодой человек — симпатичный такой, вихрастый, с блестящими глазами...

— Помню. Это был тот самый Севка. Я уже позже догадалась, когда вы рассказали про него и про Катю... И что?

— Я давно хочу спросить вас и все время забываю. Вы не ощутили тогда этого вашего сигнала опасности? Не почувствовали запаха?

— Хороший вопрос, как говорит в институте наш патологоанатом... С вашим Севкой произошла какая-то тонкая штука... Он умолял пустить его к Алене, а я категорически отказала. Сева так расстроился, что мне стало жаль его, и я ему пообещала, что завтра его обязательно ненадолго пустят к ней. И тогда он спросил очень странным голосом: «Значит, она теперь уже точно выздоровеет?» Я заверила, что, конечно, теперь ей с каждым днем будет лучше.

— А почему вам показалось, что он «странно» спросил?

— Потому что в этих словах не было облегчения, радости от того, что она пришла в себя и станет поправляться. Наоборот, он был этим обстоятельством — как бы точнее выразиться — подавлен, что ли... видимо, приехал потому, что ему лично, своими глазами, надо было в этом убедиться... Так вот, возвращаюсь к вашему вопросу. Пока мы разговаривали с ним, я не чувствовала никакого запаха, зато к вечеру покрылась сыпью.

Глеб с восхищением глядел на Свету.

— Да что же это за природа у вас такая! — с восхищением посмотрел на Свету Глеб.

— Какая?

— Умная. Точно сигналил вам.

— В смысле?

Глеб вздохнул и медленно произнес:

— Севка — такой же убийца, как мы с вами.

— Но ведь убил же?

— Вы прямо как Сонечка Мармеладова... «Но ведь убил же!» — усмехнулся Глеб и поднялся со словами: — Посмотрю, как там Алена... Если еще спит, приду к вам жгутики крутить.

— Это называется турундочки, — поправила его Света. — Милости просим.

...В палате было совсем темно, только фонарь под окном освещал комнату неровным зыбким светом. Глеб сел в кресло напротив Алены, чтобы видеть ее лицо. Глаза были закрыты, дышала она ровно и спокойно. Несколько минут он просидел, улыбаясь в темноте собственному счастью. Потом решил отправиться на помощь Свете и, уже поднимаясь, услышал:

— Сядь, пожалуйста, Глеб, и очень внимательно меня слушай.

— Ты не спала? — удивился он, усаживаясь обратно.

— Нет. Я думала. — В низком голосе Алены Глебу почудилось яростное напряжение.

— Только учти, тебе нельзя волноваться, — поспешно предупредил он.

— Слушай меня и не перебивай. — Алена оставила без внимания предупреждение и приподнялась в постели на локтях. — Теперь мне угрожает серьезная опасность... Даже в темноте вижу, что ты еще плохо соображаешь. Соберись, у нас очень мало времени. Повторяю. Моей жизни угрожает серьезная опасность. Но я пока здесь ...и со мной — ты. Гораздо хуже обстоят дела с Севкой. У человека, который сейчас попытается его убрать, нет проблем с деньгами, а на сегодняшний день деньги стали могущественным «сезамом», открывающим любые двери, с ними с циничной обыденностью можно купить любую жизнь. Севка в следственном изоляторе, и там он абсолютно беззащитен.

Потрясенный Глеб понимал только одно: Малышка всех обвела вокруг пальца и владеет ситуацией, как истинная «железная леди».

— Ты в курсе всего? — растерянным голосом спросил он.

— Безусловно. Это ты наивно полагал, что твой мобильник бездействует на тумбочке. На самом деле ему было очень горячо, я нанесла приличный ущерб твоему бюджету. У нас действительно мало времени. Симулируя потерю памяти, я выиграла две недели, но это не может продолжаться бесконечно. Я знала, что о моем состоянии справляются регулярно. Скоро я буду представлять кое для кого смертельную опасность...

Алена устала и задыхалась прерывисто и часто. Глеб сел рядом на кровать, взял ее руку и заботливо спросил:

— Может, позвать Свету?

— Ни в коем случае! Это потом. Сейчас главное — Севка. Слушай внимательно, Глеб. Когда произошло убийство Оболенской, пожар, и над театром повисло что-то зловещее, я уже тогда догадалась кое о чем и связалась с маминым бывшим коллегой. Этот старый, прожженный Пинкертон теперь на пенсии и берется за сыскные дела исключительно редко. Живет на даче под Москвой и выращивает розы. Меня знает с детства, поэтому относится как к родной дочери. Я все эти дни была с ним на связи. Сегодня, как назло, телефон молчит. Видимо, что-то на линии, даже гудков нет. Ты должен немедленно к нему ехать. Включи лампу, я продиктую тебе адрес. Это сороковой километр Каширского шоссе.

— Почему тебя не устроил тот следователь, который занимается убийством Оболенской? — спросил Глеб, непослушными руками извлекая из папки блокнот и ручку.

— Наверное, потому, что это дело никогда не удалось бы распутать человеку, далекому от мира театра. А Егорычев... дядя Миша Егорычев в Питере блестяще справился с одним театральным преступлением. Я училась тогда на первом курсе и советовала из Москвы по телефону, что ему надо прочесть о мастерстве режиссера и актера, о психофизическом методе Станиславского и Немировича-Данченко, Михаила Чехова, Вахтангова, Мейерхольда. Он всех их проштудировал досконально и сумел кожей почувствовать особенности и психологическую непохожесть мира театра... От меня передашь ему эту записку, накарябала, как смогла. И пусть срочно мне звонит... — Алена продиктовала адрес Егорычева, благословила Глеба в дорогу и тихо попросила:

— А теперь позови Свету, наверное, мне нужен укол.

Уже в машине Глеб вспомнил, что забыл отдать найденную в шкафу шкатулку и плюшевого слоника. Ничего в этом удивительного не было: в душе и голове царил полнейший хаос, и он никак не мог собраться, как того требовала Алена. Он вновь подрулил к крыльцу и поднялся в отделение.

Когда со второго захода Глебу удалось покинуть двор больницы, ему посигналила въезжающая машина. Он не сразу понял, кто это, но притормозил. Из старенького спортивного автомобиля вылез Максим Нечаев.

— К Алене вас не пустят. Ей поставили капельницу, там сейчас медсестра, — сказал Глеб.

— Понятно, — разочарованно протянул Максим и, нагнувшись к окну Глеба, попросил: — Можно я с вами поеду... Сейчас совсем не могу быть один.

Глеб согласно кивнул, и Максим, припарковав свою машину, уселся на сиденье рядом с ним.

— Я еду на Каширку — через всю Москву, — предупредил Глеб. — Хотите выйти — скажите.

Максим кивнул, и какое-то время они ехали молча.

— Извините, что навязал вам свое общество, — наконец снова заговорил Максим. — Мне было необходимо повидаться с Аленой Владимировной. Даже если бы она не вспомнила меня...

— Думаю, что вас бы она вспомнила, — осторожно заметил Глеб. — Конечно, ее память сейчас непредсказуемо выборочна, но многих она узнает сразу, только связи нарушены. Она, предположим, может помнить, как вас зовут, но не знать, что вас связывает... что вы — актер, а она — режиссер.

— Это должно пройти, — уверенно заявил Максим. — У нас в команде был подобный случай, тоже после травмы...

— Будем надеяться, — уклончиво ответил Глеб. — Это может длиться долго.

Легкая, едва уловимая улыбка скользнула по лицу актера, но Глеб не заметил ее. Он выполнял требование Алены собраться и усилием воли пытался сконцентрировать внимание на дороге, забитой в этот час огромным количеством транспорта.

Возле светофора Глеб впервые повернул голову к своему попутчику и с изумлением увидел белые, как снег, виски на черноволосой голове Максима. Нечаев, проследив за его взглядом, горько усмехнулся:

— Вот так вот... Удивляюсь, как вообще жив остался. Знаете, у японцев есть такая пословица: «Когда стреляешь из лука в цель, твоя стрела не пробьет центра мишени, если одновременно не пробьет твоего сердца». Мне кажется, та пуля, которая убила Катю, разворошила и мое сердце... Чертовски жестоко обошелся со мной Севка....

— А как случилось, что на сцене фигурировал настоящий пистолет? Насколько я знаю, это запрещено, — осторожно спросил Глеб.

— Это моя вина. Я коллекционирую старинное оружие и перед самой премьерой «Бесприданницы» принес на репетицию этот пистолет. Все зашлись от восторга, особенно Алена Владимировна. Было решено премьеру сыграть с настоящим — уж очень выгодно отличался он от бутафорского, — а потом воспроизвести в бутафорском цехе такой же. Я это дело замаял, потому что даже вес пистолета дает руке ощущение реальности, не то, что игрушечное папье-маше. Потом как-то Алена Владимировна сказала, что, если я продолжаю выходить на сцену с подлинным оружием, надо дуло залить свинцом. Так, мол, полагается по правилам безопасности.

И опять этот вопрос растворился в груди других, более злободневных. Ведь жизнь в театре — всегда аврал, вы уже сами в этом убедились.

— Да уж... Высадить вас у метро? Дальше уже начнется шоссе.

Максим в растерянности поерзал по сиденью, а потом умоляющим голосом произнес:

— А дальше мне с вами никак нельзя? Там ведь везде электрички, я могу сесть на любой станции.

Глеб удивленно взглянул на него. Хотя чему здесь удивляться, когда в жизни парня произошла такая трагедия. Может, ему, в самом деле, не к кому пойти, а одному самим с собой оставаться тошно.

— Понимаете, Максим, я еду навестить давнего знакомого Алениной матери. Вы, конечно, можете поехать вместе со мной. Подождете в машине или свежим воздухом подышите.

— Отлично! — обрадовался Нечаев. — Спасибо. А то, как остаюсь наедине со своими мыслями, хоть в петлю лезь...

Машина, преодолев последние препятствия у забитых светофоров, вырвалась на шоссе. Было уже совсем темно. Шел мелкий противный дождь, и слякоть от колес проезжающих автомобилей залепляла лобовое стекло. Глеб притормозил, подрулил к кювету.

— Жидкость в стеклоочистителе кончилась. Сейчас долью.

— Помочь? — с готовностью отозвался Максим.

— Да что вы, это же одна минута. Сидите. Музыка вот послушайте, — улыбнулся Глеб и протолкнул диск в музыкальном центре.

Залив в бачок жидкость, он снова сел за руль и, тронувшись с места, несколько раз с беспокойством посмотрел в зеркало. От актера не укрылось это движение, и он спросил:

— Какие-нибудь проблемы?

— Боюсь, что да. Этот джип сел к нам на хвост практически около больницы. Мне это не нравится!

— Кому же это может нравиться! — Максим развернулся и стал напряженно всматриваться в заднее окно. — Осторожней, Глеб! Он на скорости и сокращает дистанцию... Ну, Алена! Это-то она и предвидела.

Глеб от изумления чуть не выпустил из рук руль.

— Как? Значит, вы ...не случайный пассажир?

— Нет, запланированный. Алена Владимировна и это умудрилась срежиссировать. Так что я в курсе. И, кстати, знаю, что в этой машине люди, которыми манипулирует очень хитроумный и расчетливый мерзавец. Сомневаюсь, чтобы он сам был в джипе... хотя...чем черт не шутит.

С угрожающей быстротой джип сокращал дистанцию, и если бы в последний момент Глеб не вырвался крутым виражом в левую полосу — ле-

жать бы им в кювете. Дальше все развивалось с головокружительной быстротой. Максим буквально перелетел на заднее сиденье и, опустив боковое стекло, высадил по колесам серию выстрелов. Затем стремительно перекинулся к другому окну, проворчал злобно:

— Туман чертов! Первый раз в жизни промазал!

Раздался страшный треск, и заднее стекло разнесло ответной очередью из джипа. Глеб почувствовал, как щеку обожгло чем-то горячим, видимо, пуля прошла по касательной, повредив кожу.

— Из автомата жарят, гады!.. Оторвись чуть-чуть, начнем все же с колес, — попросил Максим.

Глеб переметнулся в правый ряд, нажал на газ, и вывалившийся буквально по пояс в окно Максим несколько раз выстрелил.

— Вот так, голубчик! Запетлял... — И, истошно заорав: — Пригни голову! — сам сложился вдвое на заднем сиденье.

Следующая автоматная очередь пробила лобовое стекло, ворвавшаяся струя воздуха охладила горящее лицо Глеба.

— Ну, держитесь! Сами себе приговор подписали, сволочи! — пробормотал Максим и, припав к разбитому заднему стеклу, несколько раз выстрелил в упор по джипу.

— Впереди пост, я сворачиваю! — выкрикнул Глеб.

Но сворачивать не пришлось. Услышав звуки пальбы, на середину дороги вылетел гаишник, изо всех сил размахивая светящимся в темноте жезлом. От здания поста выруливала машина с крутящейся «мигалкой» и завывающей сиреной.

В последний момент лихорадочно бьющееся сознание Глеба успело приказать ему повернуть руль резко влево и промчаться на бешеной скорости мимо поста. Джип на проседающих простреленных колесах заелозил зигзагами по шоссе, и постовые кинулись к нему.

— Молодец, отличная реакция! — одобрительно хлопнул Глеба по плечу запыхавшийся Максим. — А эти попались... Удивительно, что они не обезопасили себя бронированным лобовым стеклом... Привыкли, видимо, иметь дело с хилой безоружной интеллигенцией. Боюсь, пришел я там какого-то. Но Алена Владимировна никаких указаний насчет сохранения их драгоценных жизней не давала... — Он обеспокоенно поглядел на молчащего Глеба и покачал головой: — Здорово вас царапнуло, кровь не останавливается... Есть в машине аптечка?

— Не надо... Мы уже почти приехали. — Глеб промокнул носовым платком щеку. — Осталось несколько километров. А там уж как-нибудь справимся с этой ссадиной.

Примерно через полтора часа по Каширскому шоссе в направлении Москвы ехал на небольшой скорости старенький «жигуленок». На тридцатом километре возле поста ДПС, где стояли две полицейские машины и «скорая» с включенным «маячком», машина остановилась на противоположной стороне шоссе, и из нее вышли три человека. Они не спеша пересекли дорогу — впереди грузный пожилой мужчина в брезентовой куртке с капюшоном и резиновых сапогах, а поодаль — два молодых человека весьма интеллигентного вида.

Полицейский замахал им, запрещая приближаться к месту аварии. Молодые люди в нерешительности остановились, но мужчина в брезентовой куртке полез в нагрудный карман, извлек какой-то документ и, пренебрегая запретом подходить ближе, предъявил «корочку» старшине. Тот козырнул, заговорил о чем-то, и молодые люди снова нерешительно двинулись в их сторону.

— Эти с вами, что ли? — спросил старшина, с подозрением вглядываясь в лицо одного из них, залепленное возле уха широким пластырем.

— Племянники мои. Вместе рыбачили. Так видите, тоже без травмы не обошлось, на куст напоролся. Слава богу, еще глаз не выколол... Городские! Как в лес попадают, так вечно что-нибудь случается.

— Это точно. Интеллигенты на природе — явление опасное и для природы, и для самих... — с агрессивным недоброжелательством поддержал «дядю» злополучных «племянников» старшина, бывший, видимо, сам из деревенских, судя по его приволжскому выговору и веснушчатому круглому лицу с белесыми ресницами и бровями.

— А всего-то сколько их в машине было? — поинтересовался «дядя».

— Так всего двое и было. Этот иностранец на месте скончался, а второй вон в «скорой» корчится.

— А что же за «фольксваген» не погнались?

— Какое там! — махнул рукой старшина. — Нас всего-то на посту трое, одна машина. Надо было хотя бы этих задержать, а то ведь, хоть и на спущенных колесах, а удрать пытались. Мы по рации всем постам передали, но дальше по Каширке машина не появлялась: видать, в стороне где-то затаились...

— Ну что ж! Удачи, старшина!

— Спасибо, товарищ полковник! В следующий раз рыбачьте в одиночестве. Рыба, она компании не выносит, это точно.

Старшина еще раз неодобрительно глянул на «племянников» и вернулся к исполнению своих обязанностей.

— Не опасно было машину у вас оставлять, Михаил Михайлович? — спросил Глеб, когда отъехали от поста.

— Не думаю, чтобы ко мне в гараж полезли, — усмехнулся Егорычев, закуривая и выпуская дым в приспущенное боковое стекло. — Стало быть, обоих «уконтрапупил»... То, что твою жизнь Максим сберег — это факт, — обратился он к Глебу. — Но больше всего меня Егоза поражает. Мозги работают у девчонки точь-в-точь, как у покойной матери.

— А Егоза — это детское прозвище Алены Владимировны? — спросил Нечаев.

— Да я-то и по сей день только так ее и величаю. А прозвище, конечно, с детства приклеенное... Ох уж, и непоседлива была! Двести дыр на месте провертит. И не терпела никакого сюсюканья, никакого снисхождения к своему возрасту, никогда не ныла, не жаловалась, что устала. Мать ее в моем отделе работала, замечательный была криминалист и первоклассный аналитик. Дочь с собой часто в командировки брала: дедушек-бабушек в наличии не имелось, с няньками Алена не уживалась... Одним словом, Егоза росла на наших глазах. И характерец, надо сказать, каков был заложен в детстве, так с возрастом мягче не стал. Хотя девчонка добрейшая. Бывало, мать ей обновку какую-нибудь купит, а та втихаря соседской сверстнице передаривает. Родителей той девочки, тоже сотрудников органов, убили в перестрелке бандиты, вот она и осталась с престарелой бабкой...

— Алена сказала, что ее жизнь находится в опасности, — прервал Глеб погрузившегося в воспоминания Егорычева. — Что мы имеем на данный момент?

— На данный момент... — Михаил Михайлович затушил сигарету и откинулся за рулем на спинку кресла. — На данный момент мы имеем убитого в целях самозащиты американца — им давно с моей, верней, с Лениной подачи, занимается Интерпол... Что касается Алены, то бдительность тут не повредит. Но, думаю, что о реальной угрозе вопрос больше не стоит.

— А Сева Киреев? — взволнованно спросил Максим.

— С Севой дело обстоит сложнее. Он проходит по статье: «преднамеренное убийство», и хотя в ходе следствия возникнет множество смягчающих обстоятельств, в любом случае парня ожидает жесткое наказание... — Егорычев внезапно оборвал эту тему и обратился к Глебу: — Что же теперь с вашей злополучной премьерой будет?

— Это уже Алене решать! Надеюсь, в ближайшие дни ей снимут гипс, а когда она начнет самостоятельно передвигаться, процесс выздоровления пойдет еще быстрее. Врачи и так диву даются той стремительности, с которой на ней все заживает.

— Сознание — мощнейший фактор в болезни, — заметил полковник, — а ей как можно скорее надо выйти из больницы... Ну что же, молодые люди, будем прощаться. В больницу к Егозе нас так и так уже не пустят. Ночь на дворе.

— Меня пустят, я — «блатной», — возразил Глеб. — Она, я уверен, все равно не спит.

— Тогда поцелуйте ее от Михайлы Потапыча. Спасибо за мобильник, Глеб. По крайней мере, теперь мы с Аленой на связи.— И, пожимая ему на прощание руку, Егорычев добавил теплым, мягким голосом: — Я рад, что именно вы оказались с ней в этой ситуации. Завтра ее навещу.

Уже исчезли огоньки подфарников удаляющейся машины полковника, а Глеб и Максим еще долго стояли возле больничных ворот. Стояли и молчали, молчали о том, что вместе пережили за эти несколько часов, понимая, что эта ночь их, совсем чужих, отдаленно знакомых людей, сделала близкими и дорогими друзьями. То, что порой складывается между людьми годами, судьбой дано было осуществить в те мгновенья, которые за просто могли оказаться последними в их жизнях.

Потом Максим быстрой походкой направился к своей одиноко припаркованной в больничном дворе машине и, открыв дверь, махнул на прощание рукой.

Глеб, пошатываясь, медленно побрел к крыльцу, но сил подняться на ступеньки не хватило, и он уселся на том самом месте, где совсем недавно его посетила «главная женщина» и серебряными звуками складывающейся мелодии сообщила о том, что отныне жизнь ее соперницы вне опасности...

В последний день уходящего года природа смилостивилась над жаждущими снега горожанами, и он повалил густыми пушистыми хлопьями, мгновенно преобразив все вокруг и вселив веру, что Новый год не отменяется.

— Андерсен, это ты наколдовал?! — встретила Глеба радостным возгласом Алена.

— Красотища какая! — Он обнял ее за плечи и зарылся лицом в сильно отросшие за время болезни пушистые волосы. — Нам сегодня прогулка полагается? Или как?

— Я думаю, «или как», — засмеялась Алена. — Борис Иванович оказался весьма злопамятной личностью. Я ему объясняю, что вчера даже не упала, а просто поскользнулась и плавно приземлилась на землю. А он мне в ответ: «А откуда тогда синяк на попе, многоуважаемая сударыня? Отныне до выписки никаких прогулок!» Я ему: «А как же свежий воздух, Борис

Иванович? Я же ослабленная». А он: «К вашим услугам чистейший кислород, но только в условиях палаты». И самолично притащил мне эту красавицу, — кивнула Алена на огромную кислородную подушку, водруженную возле кровати.

— Вот сейчас и будем дышать! А ну, марш в постель! — грозно распорядился Глеб и, подхватив Малышку на руки, бережно уложил ее.

Но подышать кислородом Алене не удалось. В дверь постучали, и на пороге явили себя Дед Мороз с огромным красным мешком в руках и Снегурочка.

— Здравствуй, Дедушка Мороз-борода из ваты! — вежливо поздоровалась Алена.

— Обижаете, деточка, — огорчился Дед Мороз голосом Шкафендры. — Вату на елках давно отменили, она относится к разряду огнеопасных материалов... Тьфу, сбита с толку! Давай, внучечка, запевай!

Рослая Снегурочка затянула голосом Маши Кравчук предновогоднее поздравление на музыку «В лесу родилась елочка», но со словами, сочиненными специально для Алены. Дед Мороз пытался подтягивать изящным тенорком, но получалось все время невпопад, за что он каждый раз получал локтем в живот от вдохновленной пением Снегурки.

— А теперь Дедушка Мороз будет вручать подарки, — торжественно сообщил Шкафендра.

— Это целый мешок мне? — взвизгнула Алена и в радостном предвкушении потеряла ладошки. — Обожаю подарки!

Из мешка приснуло, хихикнуло и захрюкало от сдерживаемого смеха.

— Вот это подарочек! — изумленно воскликнула Алена, а из развязанного мешка вывалилась Дашка в костюме бравого Нового года, но, обнаружив на голове отсутствие парика, снова утонула в недрах мешка.

Уже через несколько секунд парик был водружен на свое законное место, правда, слегка задом наперед, и хорошенький кудрявенький херувимчик предстал перед Аленой, которая восхищенно зааплодировала. Даша торжественно прочла стихотворение, раскланялась и кинулась ее обнимать. На этом торжественная часть закончилась.

— А где же ты Наташу потеряла? — поинтересовалась Алена, прижимая к себе девочку. — Вы же такие неразлучники.

— У Наташки насморк, а у вас сейчас иммунитет ослаблен, поэтому контакты с больными запрещены, — серьезно доложила Даша. — Но вы не расстраивайтесь, тетя Алена, она вас навестит на Рождество.

— На Рождество я надеюсь уже быть дома, — с надеждой в голосе произнесла Алена, — и тогда милости прошу ко мне в гости.

— Ой, а подарки-то! — всплеснула руками Даша.— Вы думаете, таким подарочком, как я, все и закончилось? Нетушки! А ну-ка, Дедушка Мороз, лезь в мешок!

Валентин Глебович и Маша извлекли огромного розового плюшевого поросенка с нахальным взглядом круглых пуговиц в белесых ресничках и смешным коричневым пятачком.

— Дарить свинтусов — к счастью! — объявил Дед Мороз.— Пусть себе лежит, похрюкивает и никакого другого свинства даже близко к порогу не подпускает.

Даша передала игрушку улыбающейся Алене и провозгласила:

— Подарок номер два! Теперь твоя очередь, Снегурочка, ныряй в мешок!

Маша вытащила упакованный в прозрачный пакет мягкий голубой плед с длинным ворсом.

— Какая прелесть! Спасибо! — воскликнула Алена. — Очень кстати. Я ведь жуткая мерзлячка, буду теперь в него кутаться и вас вспоминать.

— Кутаться не придется... — Маша достала такого же небесного цвета махровый халат. — А вот это — чтобы ноги были в тепле, — и присоединила к халату теплые банные шлепанцы.

Глеб, стоя у окна, с улыбкой наблюдал, как радовалась подаркам Алена. Вчера он принес маленькую пушистую елку и целую коробку елочных игрушек, и они весь вечер украшали палату. Алена была очень возбуждена, на ее бледном лице наконец-то проступил румянец, она смеялась, шутила, но вдруг в какой-то момент, словно опомнившись, опустилась в кресло и закрыла ладонями лицо. Глеб подумал, что она плачет, встал перед ней на колени и тихо попросил:

— Только, пожалуйста, не преодолевай ничего. Если плохо или болит — я позову врача...

Алена отняла от лица руки. Ее сухие отстраненные глаза, устремленные сквозь Глеба, смотрели жестко и конкретно, словно перед ее мысленным взором вновь прокручивались события последних месяцев...

— Севка...— горестно прошептали ее губы.

— Михал Михалычу разрешили свидание с ним, ты же знаешь, — попытался успокоить ее Глеб, но Алена так же горестно покачала головой:

— Мне необходимо добиться свидания с ним. Он успокоится, только если я приду к нему. Ах, как все жестоко...

Глеб осторожно дотронулся до ее руки, Алена вздрогнула и прерывисто вздохнула:

— Все! Решили же ничего не обсуждать, пока не соберемся все вместе в театре!

...Следом за Дедом Морозом и Снегурочкой в палату вошли Нина Евгеньевна Ковалева и Валерий Гладышев. Опять начались поздравления, вручение подарков, пожелания скорейшей выписки из больницы и, главное, возвращения в театр.

— Алена Владимировна, в качестве еще одного новогоднего подарка и в знак моей нежной к вам привязанности я совершил невероятное. — Гладышев самодовольно усмехнулся. — Сегодня с утра я посетил Женьку Трембич — она же после воспаления легких все еще на бюллетене. Подарил ей обалденный бальзам для волос. Она уверяла, что я ей полхвоста выдрал, вот пусть восстанавливает, — ну и заключил мировую. Она, правда, поначалу хотела спустить меня с лестницы, но дело кончилось тем, что мы с ней даже выпили за ваше здоровье по рюмочке ликера. У нее, конечно, с нервами сильно не в порядке. Все время говорит об Энекен, о Кате... Начинает плакать... А действительно, почему никто из нас не имеет права узнать обо всем? Какими-то урывками доходят слухи... Следовательно не больно-то разговорчив. Задает странные вопросы типа: «В каких отношениях, на ваш взгляд, находилась ваш режиссер Алена Позднякова с Екатериной Воробьевой? А с реквизитором Всеволодом Киреевым?»

— Ну, все, Валера, мы же пришли поздравлять с Новым годом! — прервала Гладышева Нина Евгеньевна. — Вообще-то вас сегодня намерена посетить вся труппа, но врач предупредил, что визиты будут ограничены. Так что нам повезло.

— Какой спектакль поставлен на вечер? — поинтересовалась Алена.

— «Сирано». А завтра вечером — «Сон в летнюю ночь».

— А что же теперь с «Двенадцатой ночью», Алена Владимировна? — подал голос Гладышев.

Все молча переглянулись, словно он опять вторгся в запретную область. Но Алена отнеслась к его вопросу неожиданно эмоционально:

— Безусловно, как только смогу работать — начнем репетировать. Уж сколько я, лежа на этой кровати, прокрутила возможностей использования всех доступных театру приемов. Это должен быть спектакль-фейерверк, спектакль-праздник...

Гладышев снова открыл, было, рот, но все присутствующие, предвидя назревший в нем вопрос, одновременно заговорили о разном, чтобы снять тему Кати Воробьевой. Врач настоятельно просил не поднимать до выписки никаких «больных» вопросов.

От Алены, конечно же, не укрылась эта игра, но она сделала вид, что ничего не заметила. Пусть до поры до времени коллеги пребывают в заблуждении...

Правда, неделю назад Ковалева все-таки нарушила правила игры. Не зная, куда девать руки, запинаясь и от волнения путая слова, она объяснила ситуацию с Сиволаповым, пребывающим из-за запонки на нелегальном положении. Алена неопределенно хмыкнула, прослушав историю с запонкой, найденной на колосниках, сообщила, что следователь, дважды посетивший ее, к сожалению, уходил ни с чем... ей становилось плохо, как только он пытался вернуть ее память к происшедшему в театре... Но она постарается хоть чем-то облегчить участь Сиволапова. Потом Алена вдруг развеселилась и, озорно глядя на Ковалеву, сказала:

— Ничего трагического в таком положении не вижу. Он действительно не виноват... а своей изоляции от мира должен радоваться — пусть сидит в тиши и творит... Для писателя уединение — высшее благо. А через недельку-другую меня выпишут, я дам следствию необходимые показания, и Петр будет свободен.

Нина Евгеньевна не удержалась тогда и спросила:

— Но ведь, насколько я знаю, он пока единственный подозреваемый, только эти улики свидетельствуют о том, что он покушался на вашу жизнь. Нужна другая версия...

— Будет вам другая версия, Нина Евгеньевна, — жестко закончила разговор Алена.

Тактично выпроводив всех посетителей, Алена и Глеб остались вдвоем. Уже смеркалось, и Глеб зажег на елке разноцветные фонарики. За окном по-прежнему огромными хлопьями валил снег. Своей пушистой густой метелью он изолировал палату от внешнего мира, словно опустил белый занавес и скрыл жизнь этих двоих от любопытствующих глаз зрителей.

— Как ты доберешься под таким снегопадом? — тихо спросила Алена, теребя за уши розового плюшевого поросенка.

— Я бы хотел встретить Новый год с тобой.

— А Люся?

— Люся сегодня не одна.

Алена изумленно посмотрела на него, и он тут же ответил на ее немой вопрос:

— Сегодня утром из Парижа прилетела ее дочь... Ольга... Я не мог не сообщить им, что состоялась операция, хотя Люся этому очень сопротивлялась... Короче, Ольга будет встречать с Люськой Новый год, и самое интересное, мне показалось, что она вообще не хочет возвращаться в Париж.

— Господи! Глеб, Он услышал твои молитвы! — воскликнула Малышка, и ее низкий взволнованный голос прозвучал трагически-надломлено. На глазах показались слезы, и она, сдернув очки, беспомощным близоруким

взглядом окинула тумбочку в поисках платка. — Извини... Когда мне хорошо, всегда становится ужасно нервно...

Глеб сел рядом с ней на кровать и сказал:

— Это один сюрприз. Есть еще второй...

— Закрывать глаза и открыть рот? — серьезно спросила Алена.

— Наоборот. Рот закрыть, а глаза открыть как можно шире.

Она поспешно водрузила на нос очки и вопросительно уставилась на Глеба.

Он полез в нагрудный карман пиджака и, вытащив оттуда продолговатый плотный конверт, положил его на колени Алене.

— Что это?

— Посмотри.

Алена подошла с конвертом к елке, чтобы при свете фонариков разглядеть содержимое конверта.

— Разобралась? — поинтересовался через некоторое время Глеб, потому что Алена подозрительно молчала.

— Да, — ответила она дрогнувшим голосом и, не поворачиваясь, совсем тихо спросила: — Андерсен, ты приглашаешь меня в кругосветное путешествие?

— Я бы не хотел, чтобы ты отказала мне в этом.

— Мне кажется, ты неправильно выбрал героиню для своей новой удивительной сказки. Она, наверное, должна быть Гретхен или Аннунциатой, а не русской занудной Аленушкой. Я же не смогу сдвинуться с места, пока за решеткой Севка... пока Петр мечется от свалившегося на него подозрения... пока дядя Миша «крутит роман» с Интерполом, наконец, пока в репертуар театра не вернутся «Бесприданница», «Укрощение строптивой» и «Столичная штучка»...

В палате повисла долгая пауза, нарушаемая лишь тиканьем будильника и посвистыванием за окном расходившегося ветра.

— Тебе все равно пока нельзя работать, — неуверенно произнес Глеб. — Так говорят врачи.

— Они просто еще не поняли, что я заболею снова, если не начну работать немедленно. Они же сами считают, что я не втискиваюсь в рамки «среднестатистического больного»...

— И что мне прикажешь делать?

— Терпеть... — глухо посоветовала Алена. — Мой дорогой Андерсен, меня можно только терпеть — до тех пор, пока не иссякнут запасы...

— Если любить и терпеть — синонимы, я согласен. А не получившийся сюрприз... я переработаю в симфонию для фортепиано с оркестром. Так мне подсказывает моя творческая интуиция. Ты не против?

— Я настаиваю на ведущем голосе виолончели — в ней больше надрыва для больного самолюбия сказочника, — слабым голосом возразила Алена.

— Ошибаешься, любовь моя, у сказочников напрочь отсутствует самолюбие. Это пережитки устного фольклора, я бы даже сказал — шаманства. Когда у сказочника не складывается история, он сразу же начинает сочинять другую. В нашем деле самое главное — непрерывность...

В палату без стука ворвалась Света с бутылкой шампанского.

— Ура! Борис Иванович благословил всех на фужер шампанского... включая и Алену.

— Отлично! Значит, я уже совсем здорова! — обрадовалась Малышка.

Глеб разлил шампанское по бокалам:

— За уходящий год! И за то единственное, что бессмертно. За любовь, которая, даже нечаянно сбившись с пути и обессилев, творит чудеса...

Спустя две недели молодежный театр вновь обрел главного режиссера. Слегка похудевшая, но по-прежнему уверенная, энергичная, Алена своим появлением мощно изменила атмосферу уныния и разброда, царившую в коллективе. В первый же день она представила труппе очень известного, талантливого режиссера Дениса Троицкого, который был уже во всеоружии, чтобы с завтрашнего дня начать репетировать новый спектакль. Троицкий прочел труппе пьесу, вывесил распределение ролей и, попрощавшись, убежал к художнику работать над макетом. А Алена попросила собраться в зал всех, кто находился в данный момент в театре.

— Ну что ж, давайте поговорим, — задумчиво обвела она взглядом сидящих в зале и, прислонившись спиной к авансцене, встала в центральном проходе.

— Может, стульчик поставить, Алена Владимировна? — предложил Митя Травкин.

— Пока не надо. Я столько належалась и насиделась, что теперь хочется занимать только вертикальное положение, — улыбнулась Алена и, продолжая всматриваться в зал, спросила: — Если я не ошибаюсь, из актеров нет Трембич, Ковалевой и Гладышева. Женя все еще больна, я в курсе.

— А Гладышев здесь...

Появившийся в зале Валерий в свойственной ему беспардонной манере сразу привлекать внимание к себе, с ходу врубился в разговор.

— Алена Владимировна, давайте поставим точки над «i». В конце концов я на спор могу сейчас выиграть ящик коньяка. В машине, которая преследовала Глеба Сергеева, кроме убитого американца был Адам?

В зале повисла гробовая тишина. Так тихо бывало в этом пространстве, именуемом зрительным залом, только в самые напряженные и захватывающие моменты спектаклей...

Алена выдержала паузу, словно собираясь с мыслями, потом прогудела: — Должна тебя огорчить, Валера. Это был не Адам. Более того, никакого Адама... вообще не существовало.

Она замолчала, предвидя реакцию коллег. Все заговорили разом. Перебивали друг друга, изумлялись, что их считают за таких идиотов, которым можно все что угодно вешать на уши, кто-то смеялся, напоминая, что Оболенская лично представляла своего внука... Но, главное, произошло то, чего больше всего опасалась Алена — на нее смотрели, как на сумасшедшую.

Петр Сиволапов с огорчением и испугом прошептал что-то на ухо Валентину Глебовичу.

Алена достала из сумочки банку с колой и, вскрыв ее, медленно начала пить. Потом под неумолкающий гул голосов, не торопясь, поднялась на сцену и рычагом на пульте опустила экран. Обыкновенный, небольшого размера экран, который использовали не так уж часто в спектаклях и при просмотре киноматериалов. Вернувшись на свое место в зал, она запрокинула голову и вопросительно посмотрела в сторону будки, где сидел электрик Сережа. Поймав ее взгляд, он кивнул.

Алена подняла руку, и через какое-то время воцарилась тишина.

— Я хочу вернуть вас на месяц назад. Художница Ольга Белова принесла в театр макет и эскизы костюмов для «Двенадцатой ночи». Все помнят?

— Еще бы! Вы тогда были не в настроении и завернули ее с костюмами, — воскликнула Аленина секретарша Милочка. — И не велели никому показывать...

— А Ольга все равно показала эскизы Кате Воробьевой. Это было в моей машине, — грустно добавил водитель Миша.

Алена утвердительно качнула головой и продолжила:

— Вот теперь я хочу, чтобы вы посмотрели эскизы костюмов Виолы и Себастьяна.

По залу вновь пронесся легкий гул недоумения.

Стал медленно гаснуть свет, и на экране высветился цветной слайд. Белокурая грациозная Виола с чертами лица Кати Воробьевой, с такими же глазами цвета кофе, с ее знакомой легкой полуулыбкой, всегда приоткрывающей лишь верхний ряд мелких ровных зубов, держала за руку своего брата-близнеца Себастьяна...

Зал ахнул.

Чуть склонив набок длинноволосую пушистую голову в грациозном аристократическом полупоклоне, застенчивым взглядом сквозь стекла толстых очков смотрел Адам — Себастьян.

С фотографической точностью художница выписала их переплетенные нервные длинные пальцы с гибкими ломкими кистями, передала легко возбудимую одухотворенность в пластике двух одинаковых, от природы изящно сложенных тел.

— Боже мой! Невероятно! — раздался похожий на всхлип голос Валентина Глебовича. — Кошмар продолжается...

Люди в зале задвигались, зашептались, пытаюсь отсечь малейшее подозрение по поводу собственного безумия, только что, казалось, повеявшего от Алены. Они снова и снова вглядывались в отличимые лишь полком и цветом глаз лица и изо всех сил противились тому, что становилось очевидным...

— Глаза... у него были огромные голубые глаза ... — потрясенно выдохнула Мальвина.

В темноте раздался спокойный ровный голос Алены:

— Вспомним еще один день. Мы сидели вот так же, в этом зале, и горевали из-за попавшей в аварию Кати. Решали, как быть с премьерой, с текущим репертуаром. Все находились в зале... лишь один человек выполнял массу ненужных дел в выгородке на сцене. Это был Севка. Мое сознание автоматически зафиксировало какое-то его странное движение. Он что-то нашел на полу, рассмотрел под светом настольной лампы, налил воды из графина и бросил туда свою находку. Профессиональные привычки иногда работают на подсознательном уровне: собираясь навещать Катю, я, уже одетая, вернулась на сцену и выловила из стакана... голубую линзу — ту, что вставляют в глаза близорукие или дальнозоркие люди. Или те, кто хочет поменять цвет глаз. Тогда я не придавала этому значения — слишком много проблем свалилось на голову.

Когда Елена Николаевна Оболенская познакомила меня на служебном входе со своим внуком, меня слегка удивили две вещи: во-первых, какая-то неловкость его передвижения в пространстве — он поспешно встал, когда нас знакомили, и сделал шаг в сторону, а во-вторых — неправдоподобно музыкальный, на тон завышенный голос. Мне хотелось, как в свое время говорил ученикам Станиславский, тоже сказать «не верю». Но... не верю чему? Субъективному ощущению, что он чересчур поспешно перекрыл собой окно, чтобы я, войдя с улицы, не смогла разглядеть его, стоящего против света? Не верю тому, что нервный молодой иностранец может так своеобразно и изощренно овладевать мелодикой чужого языка? В конце концов не верю тому, что у мадам Оболенской появился внук?

Все это тогда лишь промелькнуло в голове, не задержалось надолго. Но наше подсознание копит и складировает все, что может казаться лишь ненужным хламом, засоряющим мысль. Тогда, перед юбилеем, было легче легкого не обратить внимание на подобные ощущения...

— Ваш диагноз как режиссера? — спросила Ковалева. — Я пока не затрагиваю криминальную сторону, тут пока все непонятно...

— Ее актерский гений позволил себе роскошь самоизвращения, — задумчиво ответила Алена. — Я специально в гримерной завела разговор с Валею по поводу ее книги со статьей: «А если это не я...» Что потом, после моего ухода, говорила Катя?

Голос Валюши-«бубенчика» прозвенел надтреснуто и печально:

— Мне показалось, она была чрезвычайно воодушевлена этим разговором и несколько раз спросила: «Так что же получается, если в чужом костюме, с чужим лицом, то все дозволено?! Это вроде бы и не я?!»

— Абсурд! Полный абсурд! — громко со стоном произнесла Галя Бурьянова. — За что? Почему? Убить троих людей....Даже если, предположим, некая темная личность втравила ее в эту историю с перевоплощением, и в какие-то моменты присутствовал чисто актерский азарт, что было очень свойственно Кате... Разве такое возможно? Да нет, не то говорю. Она же сломала ногу, попала в аварию... Где доказательства, что Адам — это она?

Алена попросила дать свет в зал. Когда контуры фигур на слайде стали размытыми и далекими, а яркий свет позволил людям увидеть друг друга, то все, что только что говорила Малышка, стало казаться не более чем очередной фантазией главного режиссера.

— Мне вчера разрешили наконец-то повидаться с Севой. Он позволил прочесть вам письмо, которое было написано за день до убийства Кати. Письмо и еще кое-что он оставил в шкафу моего кабинета. Все это случайно обнаружили дочери Маши Кравчук, и таким образом я получила письмо раньше — еще в больнице.

Все снова затихли до звенящей тишины, и Алена начала читать:

«Дорогая Алена Владимировна!

Когда вы обнаружите эту шкатулку и письмо, я буду далеко. По крайней мере, повидаться нам вряд ли позволят.

Наверное, вы единственная, кто поймет меня.

Вам я доверяю рассказать обо всем следствию. Сам никогда не смогу давать против нее показаний, предъявлять улики, обвинять... Единственное, что могу для нее сделать — это лишить унижительной грязи, в которой ей придется жить дальше... Если это можно будет назвать жизнью...

Я всегда говорил вам правду, и вы всегда понимали меня. Постарайтесь понять — до самого дна — и на этот раз.

Я страшно виноват перед вами. Я... желал вам смерти. Потому что понимал, что только вы знаете про Катю все, и был уверен, что если вы не выживите, то вся вина в убийстве Оболенской, Энекен и вас самой будет повешена на внука Оболенской — мифического, несуществующего Адама. Когда вы пришли в сознание и врачи сказали, что самое страшное позади, я решился. Простите, я так грешен перед вами и Господом!

Первое. На юбилее я был слишком замотан, чтобы иметь возможность познакомиться с внуком Елены Николаевны, о котором она мне уже много всего успела понарасказать... Пробегая за петардами и хлопушками в подвал, я вдруг услышал Катин голос. Он доносился из курительной комнаты возле мужского туалета. Я аж вспотел от ужаса: подумал, что начались слуховые глюки. Она говорила нервно, взволнованно, торопливо, но слов я не разобрал. Я откинул портьеру курительной комнаты — там стоял спиной ко мне молодой человек и засовывал мобильник в задний карман брюк. Он резко повернулся ко мне — и я, вздрогнув, покрылся испариной. Получалось, что это он только что говорил Катиним голосом — этот парень с изнеженным девичьим лицом, огромными голубыми глазами, которые невнятно плескались за толстыми стеклами очков, чуть припухшими скулами и глубокой ямочкой на подбородке. Даже дикая паника в душе не помешала мне подробно разглядеть его. Я никогда не испытывал более смутного, непонятного чувства, как при виде этого человека. Странно, но в тот миг я испытал жуткую досаду, жгучую боль, даже обиду на Катю... В тот миг я ничего не понял, кроме того, что, возможно, у меня серьезные проблемы с нервами... Парень, казалось, слегка удивился моему ошарашенному виду, но учтиво кивнул, приоткрыв в улыбке белоснежные зубы с небольшой щербинкой. Потом я увидел этого незнакомца рядом с Еленой Николаевной и понял, кто он.

Позже, когда я обнаружил Оболенскую мертвой, в ее левой руке был зажат брелок от Катиной машины — тот знаменитый розовый слоненок. Не сомневаясь в правильности того, что делаю, я выдернул слоненка из руки Елены Николаевны, спрятал в карман и побежал звать вас... Было такое ощущение, что мой мозг превратился в компьютер... Если Елена Николаевна, понимая, что умирает, стиснула брелок в руке, значит, хотела обратить на него внимание тех, кто ее обнаружит. Как, каким образом слоненок оказался у нее, нашла ли она его случайно в вещах Адама, выронил ли он его невзначай — об этом никто никогда теперь не узнает. Так же как никому не дано знать, что могла она чувствовать в эти минуты страшного прозрения. Так я думаю сейчас. А тогда мысли бешено крутились в голове. Катя лежала дома со сломанной ногой. Возможно, это Стивен воспользо-

вался Катиной машиной? Но нет, я тут же вспомнил, как он пытался припарковать свой «форд» в переулке, забитом автомобилями, и ему разрешили заехать во двор театра... Когда я выронил нечаянно брелок на пол и ключи зазвенели, только вы своим пронизательным взглядом зафиксировали этот момент, все остальные были слишком потрясены, чтобы прореагировать на звякнувший предмет. Тем более что не я сам — мои руки почему-то предусмотрительно завернули яркого слоненка в носовой платок. Я говорю «не я сам», потому что иначе не умею выразить то, что со мной творилось. Я словно действовал не от себя, а по чужому заданию, подсознательно осуществляя чужую волю. Теперь я, конечно, понимаю, что так и было. Я всегда подменял свою волю Катиной, свои желания и интересы — ее интересами и желаниями. Она обратила меня в послушный придаток ее самой. Я всегда был счастлив, что хоть как-то могу сделать ее жизнь менее замотанной, разгрузить от огромного количества текущих дел и бытовых забот... Я и теперь перед лицом Бога могу признаться: в моей жизни исполнилось высшее, что Господь может по великой милости даровать смертному, — я любил, люблю и буду до конца дней любить ее, единственную для меня женщину, абсолютную во всей полноте этого слова.

Уже позже, когда страх начал вытеснять кураж вседозволенности и упоения актерским разнузданным, извращенным перевоплощением, она, конечно же, догадалась, что я все знаю, и подарила мне свою близость. Я понимал, что этой ночью она покупает мое молчание, но все равно, обладая ею, я был счастливейшим из смертных. Она спала, а я смотрел на ее раскиданное по постели обнаженное прекрасное тело и думал о том, что могу сейчас отнять у нее жизнь. Но не смог — не потому, что пожалел. О жалости, сочувствии, сострадании речь уже не шла. Как вы бы, наверное, сказали, сюжет вырuling на иррациональность жанра высокой трагедии. Катя должна умереть смертью, достойной ее блестящего актерского дара. Не ее вина, что этим даром цинично воспользовались. Но, как бы то ни было, она убила Оболенскую, Энекен и лишь чудом не убила вас...

Я опять сбился... Когда все стояли над телом Оболенской, я заметил, что в сжатой руке Елены Николаевны остался розовый ворс от Катиного брелка. Ковалева попросила всех покинуть помещение, вот-вот должны были появиться врачи и полиция. Я незаметно вернулся обратно и вытащил ворс из руки Оболенской. Через несколько дней исчез и сам брелок. (Я решил, что безопасней всего Катиному брелку — этой неоспоримой улике, находиться в ее вещах, тогда это перестает быть уликой.) Пробрался, пользуясь суматохой, в Катину гримерную и засунул слоненка в ящичек ее стола, в самую глубину. Буквально через несколько дней Катя попросила привезти ей шкатулку из гримировального столика. Выдвинув тот

самый ящичек, я с ужасом обнаружил, что брелка там нет... Зато в шкатулке, которую я позволил себе открыть, увидел стеклянную баночку с голубыми линзами для глаз. Вспомнил, как наутро после ночного Катиного посещения вы пристально разглядывали ту линзу, что я нашел на сцене и бросил в стакан с водой. Сопоставив все, я сообразил: вы наверняка вычислили, что, если я что-то прячу, это может касаться лишь одного человека на свете. Катин брелок был у вас. Теперь я знал то, что было известно и вам: в юбилейный вечер Катя приехала на своей машине, которую загнала в какой-нибудь близлежащий двор. Авария, сломанная нога, сотрясение мозга, черный джип, угрозы и предупреждения — все это было придумано, чтобы мог появиться Адам. Я видел, как он принес Елене Николаевне кофе. Но не мог предположить, что кроме меня это видел еще кто-то... Таким свидетелем оказался Глеб Сергеев...

Буквально за несколько часов до того, как я обнаружил вас без сознания под рухнувшим штанкетом, я решил на разговор с вами. Но Катя не дала мне этого сделать... Если бы я знал, что она замышляет! Если бы я только знал!... Она попросила меня передать посылку для родителей людям, улетающим в Штаты, и предупредила, что, если дверь не откроют, нужно будет подъехать по другому адресу. Понятно, что тянула время. Мы добрались на такси до ее дома, она ушла отдохнуть перед спектаклем, а я должен был отправиться с посылкой. Но я никуда не поехал. За углом отпустив такси, вернулся к ее дому и вошел в здание школы напротив. Минут через пятнадцать, кутая шею в пушистый шарф, из подъезда вышел Адам. В конце переулка его ждал черный джип. Мое сердце бешено заколотилось в предчувствии новой беды. Только будучи Адамом, она могла с легкостью совершать преступления, только от его имени решилась бы поднять руку на вас. Я почти уверен, что она была как бы закодирована на это.

Если бы я только мог знать, куда ее повез этот роковой джип! Все крепки задним умом... Я ведь видел, как Катя, якобы дожидаясь, пока я закончу свои дела, слонялась по реквизиторской, теребила штору на окне, открывала форточку. Именно тогда, вероятно, она сдвинула решетку, чтобы через несколько часов проникнуть в театр, и плотно задернула штору.

Дорогая Алена Владимировна! Если человеку дано в своей земной жизни познать, что такое ад, то я познал его.

Моя жизнь имела смысл, когда в ней были Катя и театр. Теперь передо мной черная пустота.

Я стою на коленях перед Максимом Нечаевым и молю, молю его о прощении, хотя понимаю, что такое простить невозможно.

Проклинаю того человека, который надругался над Катей, цинично превратив ее одновременно в палача и жертву. Я знаю, вы во всем разберетесь до конца. Иначе это были бы не вы.

С жизнью меня примиряет лишь возможность каяться и просить Господа о спасении Катиной души.

Вот видите, я, как последний мошенник, пробрался в ваш кабинет и, вскрыв шкаф, сразу нашел там Катин брелок. Значит, все сошлось. В шкапулке — коробочка с линзами и очки с сильными диоптриями.

Думаю, что при обыске Катиной квартиры вряд ли полиции удастся найти что-либо еще: там побывают раньше. Как побывали у вас дома, чтобы выкрасть запонки Петра Алексеевича.

Всегда ваш, Сева».

Алена опустила руку с тетрадкой и, глубоко вздохнув, обвела глазами встревоженные лица людей, болезненно переживающих за «Домового», который по праву был всеобщим любимцем. Уткнувшись в широкую спину Глебыча, тихо заплакала Маша Кравчук. Всхлипнула Валюша-«бубенчик» и, умоляюще глядя на Алену, попросила:

— Расскажите... все по порядку...

— Для этого мы сегодня и собрались здесь, — кивнула Алена. — Только сначала я бы хотела разъяснить еще одно. Адам... все же существует. Адам Ламберти, на имя которого написано завещание Елены Николаевны Оболенской.

— Господи! И кто же он? — воскликнула Ковалева, лихорадочно закуривая сигарету.

— Он — муж Воробьевой, американский пластический хирург с русско-итальянскими корнями. Это его Катя представила как друга своих родителей Стивена Страйда. — Алена переждала возбужденный гул в зале и продолжила: — Вернемся к Елене Николаевне Оболенской. Представителей этого старинного дворянского рода судьба раскидала по всему белому свету. Восстановить все в единую цепочку мне помогли родственники Глеба Сергеева. Его тетя, княжна Мещерская, замужем за мистером Робертом Холгейтом, который сейчас работает в американском посольстве в Москве, и он оказал неоценимую услугу в том, что касалось вопросов русских эмигрантов за рубежом.

Итак, Елена Николаевна Оболенская была убеждена, что во всем мире не осталось близких ей людей. Однако в Америке, в доме престарелых под Лос-Анджелесом, в таком же одиночестве и с такой же уверенностью в том, что все ее родные, и в том числе единственная младшая сестра Елена, погибли во время оккупации Франции, до последнего времени про-

живала Нина Николаевна Оболенская. Ее судьба может показаться фантастичной, если не знать, что творила жизнь с другими отпрысками этого рода... Последний раз сестры виделись в Париже в самом начале войны. Елене тогда было лет пятнадцать, Нина старше на пять лет. Их мать благословила тогда старшую дочь на брак с итальянцем Марио Шнайдером. Его отец был евреем, что и определило в дальнейшем трагическую участь сына. Нина и Марио уехали в Рим, во время оккупации стали участниками итальянского сопротивления. Оба попали в плен. Марио стал узником гетто для итальянских евреев и умер там, не дожив нескольких месяцев до освобождения. Нине удалось бежать, и друзья мужа переправили ее в Америку. Она была изумительно хороша собой, эта княжна Оболенская, я видела ее фотографию. Светловолосая, зеленоглазая русалка, нежная, женственная, с обворожительной застенчивой улыбкой. Елена Николаевна настаивала, что Адам — вылитая Нина. Каждому из нас он кого-то смутно напоминал, но невероятная наглость замысла уводила от соображения, что он мог, к примеру, быть похож на актрису Катю Воробьеву. Хотя и ямочка на подбородке, и припухлость скул, и щербинка на переднем зубе — все это, страстным взглядом замеченное Севой, отсутствовало в Катином лице... Но об этом позже...

Итак, Нина Оболенская, двадцатипятилетняя княжна, очутилась на американской земле, будучи нищей, как церковная мышь. Попытки связаться с матерью и сестрой не принесли успеха: в Париже их уже не было. В письме от бывшей соседки сообщалось, что они уехали и не оставили никакого адреса. Было от чего прийти в отчаянье! Но решающим фактором в дальнейшей судьбе оказалась невероятной красоты фигура княжны Оболенской. Кто-то заметил на улице длинноногую русоволосую красотку и посоветовал ей попробовать себя в рекламе. Нина нашла фотографа, имевшего свое дело, и не ошиблась. Журналы охотно стали помещать ее фотографии на своих страницах, разворотах, обложках. Один из известных модельеров предложил ей участвовать в демонстрации моделей одежды из его новой коллекции. И вот здесь, на подиуме, началась блестящая карьера Нины Оболенской.

Госпожа Сара Форд, одна из богатейших особ Америки, имеющая самый престижный Дом моделей, отметила неординарность и изюминку русской манекенщицы и пригласила ее к себе. Новая супермодель пришлась американцам по вкусу. Госпожа Форд зарабатывала на ней огромные деньги. Но судьба Нины Оболенской опять сделала неожиданный вираж. На приеме после демонстрации весенне-летней коллекции Дома моделей Сары Форд хозяйка салона подвела к Нине господина средних лет и с улыбкой представила их друг другу. Норис Баррент, нефтяной магнат и

друг госпожи Форд, уже был влюблен в очаровательную супермодель по уши. Завертелся головокружительный роман, и спустя несколько месяцев Нина рассталась с Домом моделей и вышла замуж за миллионера Нориса Баррента. Их счастливый брак продолжался больше тридцати лет, но у них не было детей. Нина неоднократно склоняла мужа к тому, чтобы взять ребенка из приюта, но, видимо, у Баррента были на этот счет твердые убеждения, и они прожили всю жизнь вдвоем. Норис Баррент умер в возрасте семидесяти лет и свое многомиллионное состояние оставил обожаемой жене.

Нина после смерти мужа большую часть времени жила под Голливудом, была продюсером нескольких фильмов, имевших успех и приумноживших ее и так огромный капитал.

В Голливуде судьба свела ее с очаровательной супружеской парой — Адамом и Джой Ламберти. Мать Адама была русской, и это еще более усилило симпатию миссис Баррент к новым друзьям. Адам работал на киностудии пластическим гримером и, несмотря на молодость, уже имел «Оскара» за грим в одном из голливудских боевиков. Джой была врачом-психоаналитиком, имела свою практику, писала статьи по психологии и об особенностях психики в момент актерского перевоплощения и работы над образом. Нина искренне восхищалась незаурядным цепким умом Джой и была одной из ее пациенток: она тяжело переносила потерю мужа и нуждалась в опытном психотерапевте.

Адам постепенно разочаровывался в своем деле и, одобряемый Джой, принял решение поменять профессию. Уже через несколько лет он получил диплом пластического хирурга. Многолетний опыт работы с лицами актеров дал замечательный эффект в его начинающейся хирургической карьере. Адам чувствовал материал, над которым трудился. Он привык творчески воспринимать человеческое лицо и лепить его по-новому и вскоре сделался знаменитостью. Голливудские актеры, жаждущие изменить внешность, предпочитали его руки другим...

Джой помогала ему. Она проводила психологические занятия с актерами, решившими обрести новый облик. Особенно ей удавались сеансы гипноза. Возможно, дело было не столько в способностях Джой, сколько в том, что ее пациенты оказывались податливыми к внушению, легко и творчески отзывались на почти режиссерское задание. Привыкшие на экране и сцене транслировать чужую волю — ведь над актером всегда довлеет замысел драматурга и режиссерское видение, — они охотно отдавали себя в руки чуткой, талантливой Джой.

Время шло. Нина Николаевна Оболенская старела, и в ее душе, генетически предрасположенной к богоискательству, стали происходить есте-

ственные для любой исконно русской души перемены. Она любила одиночество, перестала участвовать в бурной жизни Голливуда, возвела в парке своего загородного дома православную часовню и стала поговаривать о том, что мечтала бы провести остаток жизни в монастырской обители, пожертвовав Богу все свое громадное состояние.

Тогда же судьба свела Адама Ламберти с Катей Воробьевой. Мать Кати, страдающая многие годы депрессиями и бессонницей, по рекомендации знакомых приехала с дочерью к Джой, чтобы пройти курс лечения. Все лето Катя провела в обществе Джой и Адама. Джой всерьез прониклась проблемой Катиной актерской не востребо­ванности и за несколько сеансов добилась феноменальных результатов. Теперь Катя, поменяв под умелым руководством психолога стереотип восприятия себя как неудачницы, готовилась свернуть горы и заблестать на театральном небосклоне. Она даже внешне стала другой. Глаза приобрели уверенное выражение хорошо знающей себе цену женщины, смех стал громким и заразительным, голос глубоким и волнующим, а походка — легкой и притягивающей взгляды мужчин. Катя обожала Джой... и тайно была до полусмерти влюблена в Адама.

Как-то супруги собрались навестить Нину Баррент и взяли с собой Катю. Нина Николаевна была очарована русской актрисой и пообещала непременно поговорить с одним из режиссеров, как раз подыскивающим героиню для своего фильма. Сняться в голливудской картине, у замечательного режиссера — такое могло присниться Кате только во сне... Госпожа Баррент оказалась человеком слова, она тут же связалась с режиссером по телефону, и он назначил Кате время для встречи. Уже выйдя провожать гостей к машине, Нина Николаевна объявила им, что через месяц переезжает в так называемую богадельню, основанную при православном монастыре. Одиночество ей не грозит, так как вместе с ней в обитель перебирается ее верный друг и компаньонка Мария Кохановская, уже много лет жившая с ней. Решение это непоколебимо, поэтому не стоит попусту тратить время на попытки отговорить ее.

На обратном пути Джой рассказала Кате о судьбе княжны Оболенской. Катя была потрясена. Она, в свою очередь, поведала супругам Ламберти о Елене Николаевне и потребовала немедленно вернуться назад и сообщить госпоже Баррент о том, что ее сестра жива и тоже страшно одинока. Но, наверное, в это время в изощренном мозгу Джой уже зрел тот хитроумный замысел, который должен был принести ей миллионы.

Катю уговорили подождать с такой стрессовой для здоровья старой миссис Баррент новостью. Подобное сообщение требовало подготовки, и уж кто, как не Джой, сможет устроить все это в лучшем виде.

А Кате уже на следующий день было ни до чего. Начались пробы в голливудский фильм. Русская актриса очень понравилась режиссеру, ей подбирали грим, делали фотографии, она встречалась и репетировала с партнерами, но в результате серьезный языковой барьер помешал утвердить ее на роль. Английским Катя владела слабо и терялась, когда надо было эмоционально и темпераментно играть сцену на чужом языке.

Перед ее отъездом в Москву Адам пришел к ней в гостиницу и объяснился в любви. Голова у Кати шла кругом. Княжна Оболенская, пробы в Голливуде, внезапно вспыхнувшая страсть Адама, Джой... А как же Джой? Адам ответил, что имел с ней накануне разговор, признался, что давно влюблен, но не мог нанести ей такой удар... а теперь он раздавлен, сокрушен своим чувством и дальше скрывать это не в силах. Джой оказалась на высоте, и Адам сделал Кате предложение...

Вы понимаете, что все, что я вам рассказываю, собрано по крупицам из разных источников. Кое-что взято из Катиных записей, предоставленных родителями следствию. В ее дневнике нет ничего о том, почему, вернувшись в Москву, в театр, она ни словом не обмолвилась Елене Николаевне Оболенской о том, что совсем недавно встречалась с ее родной сестрой. Видимо, уже тогда Воробьева стала участницей дикого плана, который был запущен блистательно-изошренным мозгом Джой. Вполне вероятно, что Катя поняла, на каких условиях Джой уступает ей Адама. И деньги. Трудно отказаться от миллионов долларов, красивой будущей жизни. Но было кое-что еще...

В начале нашего разговора Валерий Гладышев спросил, кто был вторым в том самом джипе, кого ранил Максим. Это была Джой. Следовательно, она постоянно держала Катю под прицелом. Как она воздействовала на ее психику, использовала ли сеансы гипноза и медикаментозную терапию, пока сказать трудно. Она жива, поэтому, надеюсь, многое выяснится позже.

Алена задумалась, сняла очки, потерла кулачками глаза.

— И сколько же времени им понадобилось, чтобы подготовить осуществление своего плана?— подала голос с последнего ряда Сколопендра.

— Больше года. Миссис Баррент перебралась в монастырскую обитель. Визиты Джой и Адама были очень частыми, так как здоровье их подопечной ухудшалось с катастрофической быстротой. Естественно, не без их помощи. О других врачах княжна Оболенская не хотела даже слышать: супруги Ламберти наблюдают ее столько лет, кому, как не им, знать все об ее организме!

Единственно, кто настаивал на тщательном лечении в хорошей клинике, была Мария Кохановская. Может быть, она что-то подозревала. Но

миссис Баррент была слишком упряма, чтобы прислушаться к мудрому совету компаньонки.

Сердечные приступы стали повторяться с пугающей частотой. Когда после одного из них миссис Баррент попросила священника соборовать ее, явилась Джой с письмом от Кати, в котором сообщалось, что сестра Нины Николаевны жива, бедствует, получая гроши за работу вахтером, и не имеет возможности даже купить себе необходимые лекарства. Реакция Нины Николаевны была незамедлительной. Она продиктовала письмо своей сестре, выписала чек на приличную сумму и поручила Адаму срочно переправить все в Москву. Ночью ей стало хуже. Она распорядилась послать за своим юристом. Мистер Стоун, всю жизнь ведший дела супругов Баррент, оказался настолько любезен, что несколько недель назад даже прислал подробный рассказ о последнем свидании с госпожой Баррент. Так получилось, что дядя Глеба Сергеева, мистер Холгейт, связался с ним по телефону из посольства ровно через неделю после смерти Нины Николаевны Оболенской.

Вот письмо господина Стоуна. Перевода нет, поэтому, как смогу, сделаю это сама. Начало я пропускаю — тут поздравления мистера Холгейта с Рождеством и всякое такое, что не относится к делу. Он пишет:

«Госпожа Нина Баррент была очень плоха, когда ее друзья, замечательные врачи, опекающие ее после смерти господина Баррента, привезли меня к ней.

Как объяснили мне по дороге, у нее начался отек легких, и жить ей оставалось совсем мало.

Миссис Баррент пожелала немедленно составить завещание на имя ее родной сестры Елены Николаевны Оболенской. Мне, как юристу, требовалось время, чтобы уточнить наличие сестры, узнать адрес, по которому она проживает. Но за меня уже сделали эту работу Адам и Джой. У них на руках оказались все необходимые документы, удостоверяющие личность Елены Николаевны Оболенской: копия ее паспорта, заверенная московской нотариальной конторой, справка с места работы и даже фотографии. Их было несколько. Одна растрогала меня до слез. Две прекрасные молодые девушки — одна из них, собственно, совсем девочка — обнимали друг друга за плечи на фоне Эйфелевой башни, и их сияющие лица, казалось, кричали парижским прохожим и всему белому свету о неподвластности времени, о торжествующей непреходящести их вечной весны...»

Алена недовольно поморщилась своему неловкому переводу и, перевернув лист исписанной бумаги, продолжила:

«Госпожа Нина Баррент увидела эту фотографию впервые: чета Ламберти щадил ее сердце, но теперь ей все равно уже ничем нельзя было

помочь. Миссис Баррент долго всматривалась в другую фотографию, с которой смотрели грустные глаза худой старой женщины. «Боже мой, боже мой... Леночка, какие же мы с тобой стали...» Это были ее последние слова.

Двадцать миллионов долларов госпожа Баррент завещала своей сестре. Пятьдесят миллионов — монастырю, в котором она провела больше года. И огромную сумму оставила своей компаньонке Марии Кохановской, нежно заботившейся о ней до самого конца...»

Алена замолчала и пробежала глазами остаток текста.

— Ну вот, собственно, и все... Удача, как вы видите, сопутствовала задуманному... Но эта своевольная «госпожа» не всегда только воодушевляет...иногда она развращает. Катя перешла грань... она была в упоении от своей вседозволенности... Но тут подвернулась Энекен...

— Да уж, этот дикий сюжет ни в какие ворота не лезет! — Гладышев встал и, размахивая руками, заговорил, как всегда, громко и развязно: — Я лично никогда не поверю, чтобы дохлая Воробьева сумела выкинуть в окно Энку, в которой было килограммов восемьдесят, не меньше.

— А ты ее взвешивал? — взорвалась почему-то Маша Кравчук.

— Взвешивал — не взвешивал... а Воробьева бы точно с ней не справилась. И вообще, что эта дурища нашла в хлипком красавчике, близоручком, как последний крот?

— А ты что в нем нашел? — тут же среагировала Маша. — На юбилее глаз с него не сводил, смотреть было противно. И потом, Гладышев, где твоя хваленая пронизательность? Ты единственный, кто с Адамом...то есть Воробьевой, лицом к лицу беседовал. И где же была твоя интуиция?

Как ни странно, Гладышев не обиделся. Он тяжело вздохнул и, примиряюще глядя на Машу, честно признался:

— Моя пронизательность покоилась на дне литровой бутылки виски, которую я в честь праздника употребил единолично... А потом еще коньячком ее добил, мою интуицию...

Алена вдруг поймала себя на мысли, что была бы сейчас не прочь очутиться в опостылевшей палате, забраться под хрустящее от чистоты белье и уснуть крепко и надолго. Однако усилием воли заставила себя снова заговорить:

— Энекен Прайс была единственным человеком, никогда не видевшим Кати Воробьевой. Именно поэтому соображения «на кого-то похож...», «кого-то отдаленно, смутно напоминает» для нее отсутствовали напрочь. Она просто вошла в зал и остолбенела от того, что по сцене ходил... Адам. Надо признаться, на этом прогоне Катя действительно напоминала своего близнеца иного пола. Я попросила гримеров сделать ей поярче глаза,

и Валюша не поскупилась на голубые тени. Белые волосы в розоватом свете той сцены, которую видела Энекен, стали золотистыми, а кожаные брюки и куртка делала ее облик мальчишеским. Мне сразу это бросилось в глаза, и поэтому, увидев потрясенное лицо Энекен и взгляд Кати, зафиксировавшей ее реакцию и даже слегка запутавшейся от этого в тексте, я поняла, что быть беде.

Здесь я вынуждена сделать небольшое отступление. Зная от Кати, что Стивен Страйд улетел в Штаты и вернется только после Нового года, к нашему Рождеству, я ошибочно исключила его из участников этой гнусной истории...

— Извините, Алена Владимировна, а почему именно к этому моменту вы уже были уверены, что Адам — это Катя? Брелок и линзы? — перебил ее Гладышев. — Ведь эскизы костюмов Виолы и Себастьяна были позже.

— Святой великомученик Пантелеймон помог, — усмехнулась Алена. — Брелок к тому времени я в самом деле уже обнаружила в Катиной примерной. Но голубая линза пока никак не работала в цепочке Катя-Адам. Вечером накануне спектакля, на который пришла Энекен, судьбе было угодно так распорядиться, чтобы я очутилась в удивительной домашней часовне у иконы святого Пантелеймона — покровителя болящих и лечащих. Я напому вам эту икону. На ней — худенький кареглазый юноша с одухотворенным лицом держит ложечку в правой руке. Я стояла у этой иконы и молила Спасителя, Богородицу, всех святых помочь распутать тайну убийства Оболенской. И вдруг пламя свечи, стоящей перед ликом святого, качнулось, словно ветерок пронесся по часовне, и отсветом голубого оклада иконы затрепетало в глазах Христова лечащего мальчика небесно-голубым подрагивающим светом...

Кто ведает, какие невероятные контакты осуществляет Господь в такие минуты, какие знаки посылает нам Своей милостью. Или это душа Елены Николаевны Оболенской тихо откликнулась и прошептала имя своего убийцы. Так или иначе, но только тогда голубые линзы, призванные замаскировать истинный цвет глаз, сделались для меня неоспоримой уликой.

Не знаю, ответила ли я на твой вопрос, Валера, но на мой вопрос о том, кто помогает Кате, если Стивена нет в Москве, ответил тоже случай.

Я не очень уведу вас в сторону, если расскажу, что сестре Глеба Сергеева должны были делать операцию в Центре пластической хирургии. Она сильно обгорела во время пожара, и нужен был классный, опытный хирург. Люсиная тетя, супруга того самого мистера Холгейта из американского посольства, нашла такого хирурга опять же через своего мужа. Люся мне захлеб рассказывала об американском враче, консультирующем в московской клинике и изредка принимающем участие в наиболее слож-

ных операциях, и я спросила его имя. Внешность, которую описала Люся, один к одному совпадала с внешностью Стивена. Но имя было другим. Хирурга звали Адам Ламберти. Адам! Тут уже запахло мистикой.... Я попросила Глеба незаметно, чтобы хирург не узнал его, удостовериться в том, что это и есть Стивен Страйд. Он выполнил мою просьбу — и стало ясно, что Стивен не покидал Москвы. Он был здесь, рядом с Катей...

Мы остановились на Энекен. Ее всегда поражало все необычное. Почувствовав неординарность молодого человека, случайно встреченного во дворе театра, да еще нафантазив про его имя — первого человека на земле, она влюбилась и сообщила об этом своей подруге Жене Трембич.

Можно себе представить, какой восторг испытала Катя, породив абсурдную ситуацию своим уникальным даром выдавать себя за другого человека, к тому же противоположного пола. Теперь ее вел чистый азарт. Азарт игры, азарт риска... Она скрыла и от мужа, и от Джой, что встречалась с Энекен дважды и даже подарила ей на прощание букет белых лилий, чтобы красиво дополнить тот образ, который так гениально играла.

Алена вновь вспомнила маленькую нежную оспинку с застрявшей в ней ресничкой на мертвом лице Энекен и почувствовала, что ее знобит. Наверное, надо было подняться к себе в кабинет, выпить таблетку, прилечь на диван и отдохнуть. Но на нее смотрели с ожиданием и надеждой множество знакомых глаз...

— Катя опомнилась только тогда, когда услышала от Энекен по телефону, что та на следующий день будет в Москве, — продолжала Алена. — Пришлось признаваться Адаму и Джой в nepозволительном авантюризме. Кате категорически запретили видаться с эстонкой. Только сообщить в Таллин, что ей заказан номер в гостинице «Россия», где в разных крыльях жили Адам и Джой, и исчезнуть.

Но Энекен забежала в театр передать Нине Евгеньевне настойку для Инги и увидела на сцене Катю. Их глаза встретились. Теперь надо было что-то срочно предпринимать. Сева недалек от истины, называя Катю великой актрисой. Та вера в предлагаемые обстоятельства, которой учат актеров, в ее природе была врожденной. Лишь слегка запутавшись в тексте, она ни на секунду не переставала быть тем персонажем, которого играла в «Столичной штучке». Это был исключительный дар, близкий к патологии. Думаю, Джой в ее лице имела легкого пациента. Надо было лишь умело подтолкнуть ее в образ внука Оболенской. Севка утверждал, что Катя была закодирована. Возможно. Я не знаю тонкостей психотерапевтической практики. Но как режиссер, работавший с этой актрисой, могу сказать точно: чувство правды, предлагаемой для образа, было для нее органичнее и естественнее правды жизни. Правда игры, театра, высокого лицедейства

управляли ее актерским аппаратом, отсекая возможность малейшего сомнения в другой логике, в другом способе мышления, другом поведении для заданного персонажа, ставшего ее сутью, ее вторым «Я».

Вы не знаете еще одного обстоятельства, потрясшего меня до глубины души. В заключении патологоанатомов нет утверждения, что рана должна была повлечь смерть. Извини, Максим, я знаю, как больно тебе ворошить эту тему, но и не говорить об этом нельзя. Катя могла бы жить, если бы не приняла всей правдой своего уникального актерского дара неизбежность смерти бесприданницы Ларисы.

Я всегда говорю актерам на репетициях о том, что возможности и силы человеческой природы воистину безграничны, если тобой управляет безусловная вера. Вера в необходимость поступка, вера в другого человека, вера в себя... Примером тому служение апостолов Христу, других великих святых, верой исцеляющих плоть и поднимающих со смертного одра... Другое дело, когда такая вера направлена во зло, когда она извращена и направлена против человечности.

Валера усомнился в том, что худая, слабая Воробьева могла выбросить в окно сильную, рослую Энекен. Но даже медицина признает тот факт, что в состоянии аффекта человек может совершать противоестественное. Катя, безусловно, находилась в состоянии аффекта...

Моментально сообразив, какая опасность грозит их плану, поделись Энекен хоть с одной живой душой, как обвела ее вокруг пальца актриса Воробьева, во время паузы в спектакле Катя пишет Энекен записку от моего имени: «Эне, срочно возвращайся к себе в гостиницу. Я буду у тебя через час. Никому ни звука. Это крайне важно. Алена». Взбудораженной Энекен, ожидающей следующего появления на сцене своего «первого мужчины», передает записку прямо в зрительном зале Севка. Энекен, привыкшая доверять мне неукоснительно, послушно едет в гостиницу, думая, что, видимо, Ковалева уже успела сообщить мне о месте ее обитания...

— Подождите секундочку, Алена Владимировна! — вдруг взволнованно завопил Гладышев. — Я настолько ...я просто уничтожен тем, что вы сказали, я... даже не могу собраться и слушать дальше.

— А до тебя всегда, как до жирафа, на третьи сутки доходит, — не упустила возможности ввязаться в диалог извечный его оппонент Маша Кравчук. — Все давно все переварили — один ты пробуксовываешь... Тормоз...

— За «тормоз» ответишь, — охотно пообещал Гладышев. — Придется Трембич делиться с тобой бальзамом для волос.

— Трепещу от ужаса! — всплеснула руками Маша, но Глебыч зыркнул на нее неодобрительно, и она замолчала.

— Это что же получается, Алена Владимировна, — продолжил Гладышев, опасливо метнув быстрый взгляд на Машу. — Вот-вот, правильно, вы свою супругу-то попридержите, Валентин Глебыч, а то у нее реакции неадекватные.

— Причем исключительно на тебя, — немедленно отозвалась Маша.

— К чему бы это? Учти, так долго подавлять свою страсть — вредно для организма! Извини, но ответить взаимностью не могу, — с удовольствием парировал Гладышев.

— Бог ты мой! Навоображал-то! Нарцисс полуденный!

Шкафендра перекрыл широкой ладонью нижнюю половину Машиного лица, и все невольно заулыбались, даже слышались редкие смешки.

Гладышев подошел к Алене и спросил отчаянным голосом:

— Получается... Катя могла не умирать?

Алена вздохнула, нежно взлохматила волосы взволнованного Валеры и тихо ответила:

— Да.

— Возможно, каким-то уголком угасающего сознания она понимала, что несет наказание... заслуженное наказание за убийства людей, желавших ей только добра. И... не сопротивлялась смерти? — Гладышев вопросительно глядел на Алену, как глядят пятерочники-первоклашки на свою учительницу.

— Возможно... — Голос Алены прозвучал так тихо, что все вдруг поняли, как она устала.

— Давайте устроим небольшой перерыв, — предложил Валентин Глебович.

Все согласно загудели, но Алена отрицательно мотнула головой.

— Давайте потерпим еще совсем чуть-чуть. Через час у нас назначен худсовет, перед ним и передохнем. Вот только ...мне бы полстакана воды — запить таблетку. Нет-нет, не потому, что я себя плохо чувствую, просто по времени полагается ее принять...

Взяв из рук Мити стакан с водой и запив лекарство, Алена знобко передернула плечами и продолжила:

— Мы остановились на том, что Энекен послушно отправилась в гостиницу ждать моего прихода. Перепуганная Катя позвонила по мобильнику Стивену... верней, Адаму... короче, позвонила своему мужу и сообщила, что надо перехватить после прогона Женю Трембич: ей может быть известно, где остановилась Энекен, так как та ненадолго забежала в театр. Со всем остальным Воробьева предпочла справиться в одиночку. После спектакля Миша повез ее на служебной машине в поликлинику, по дороге их преследовал черный джип, которым мастерски управляла Джой, и это

нагнало на бедного Мишу такого страха, что он в тоннеле мысленно уже попрощался с жизнью.

— Да уж! Когда на тебя такой танк прет на скорости, а справа лишь бетонный парапет, тут вспотеешь... А почему вы решили, что этим джипом баба управляла? — обиделся вдруг Миша. — Там же мог быть этот... американец?!

Алена отрицательно покачала головой:

— Стивен в то время охмурял Женю Трембич, высадив ее из такси, в котором она мчалась на Юго-Запад к дальним родственникам Энекен в надежде на то, что она остановилась у них... По стечению обстоятельств я позже села в то же такси, и водитель мне поведал, как у светофора высокий мужчина в пальто с высоко поднятым воротником и темных очках вылез из машины и, сделав знак Жене открутить боковое стекло, о чем-то переговорил с ней, после чего пассажирка в радостном возбуждении от встречи извинилась перед таксистом и пересела в машину незнакомца.

— Так это тот человек, который искал вас, когда вы были в больнице?! — воскликнул Максим Нечаев. — Он приходил в театр... такой скуластый, с раскосыми глазами.

— Правильно, — подтвердила Алена. — Он хотел мне сообщить, что несколько дней спустя видел того же типа, поджидавшего на улице, как он выразился, «вертлявого паренька в очках и с длинными волосами».

— И кто же его расколол? — удивился Максим. — Нам он ничего не желал рассказывать.

— К любому человеку подход нужен, — усмехнулась Алена. — Вы же ему сразу стали угрожать, а он был не в курсе, кому что можно говорить, а для кого его информация будет иметь печальные последствия. Он все выложил Глебу Сергееву, который догнал его возле театра. По словам таксиста, тип довез паренька к задкам театра, куда выходят окна реквизиторского цеха и пошивочных мастерских, посадил его там, и парень повел себя странно — вместо того чтобы, как все люди, войти во двор с противоположной стороны, перелез через изгородь...

— Это было, когда на вас штанкет рухнул! — вскрикнула Мальвина. — Ужас какой! Севка тогда видел, как она вышла переодетая из дома.

— Да, именно так. — Алена задумчиво поплескала в стакане остатками воды. — Сегодня Сева сказал мне то, о чем забыл написать в письме... Когда Катя, увидев меня без сознания под штанкетом, лишилась чувств (насколько подлинным был ее обморок, сейчас уже никто не узнает), Севка заметил, что на переднем Катином зубе зияет та самая щербинка, которую в юбилейный вечер, тщательно изучая лицо молодого человека, вызвавшего в нем целую бурю ощущений, он разглядел во рту Адама. Види-

мо, она забыла или не успела снять искусно смоделированный Стивеном ряд искусственных зубов, который изменял визуально прикус и демонстрировал такую запоминающуюся деталь, как слегка надломленный передний зуб. Катя спохватилась, проследив за Севкиным взглядом, и тогда последовала та ночь любви, о которой писал в письме Сева.

— Но ведь это ...это уже не от лица Адама позволила себе Катя?! Это же гнусный, подлый, циничный расчет, — возмутилась Валюша-«бубенчик». — Он ведь боготворил ее!

— Не будем раскладывать на составные морально-этический облик Кати Воробьевой. Оставим это, — жестко прервала ее Алена.

— Да боже мой! Когда перед тобой маячат десятки миллионов долларов! Тут уж не до добродетели... в наше-то время, — глубокомысленно изрек Гладышев и покосился на Машу Кравчук, но та на сей раз великодушно промолчала.

Алена потерла виски и попыталась вернуть своему повествованию временную последовательность.

— Миша доставил Катю в поликлинику якобы на контрольный снимок ноги, но она сразу выбежала предупредить, что очередь не менее чем на два часа, и предложила ему съездить пока куда-нибудь. Ей совершенно не нужно было, чтобы он дежурил у входа в поликлинику.

— Не поехал я никуда... У меня тогда руки тряслись полдня. Но от входа я, правда, отъехал — просто чтобы не мешать другим машинам. Да если бы и остался на месте, честно говоря, никакого Адама все равно не заметил бы.

— Скажи, пожалуйста, Миша, а когда спустя два часа Катя вернулась и села рядом с тобой, ты ничего такого...необычного... в ней не заметил? — спросила Галя Бурьянова и дрожащим голосом добавила: — Ведь у нее уже руки были в крови убитого ею человека.

— Никакой крови там не было, — восприняв образ завлита буквально, возразила Нина Евгеньевна. — По заключению, обнаружены следы на шее — она пыталась задушить Энекен — и сильный удар по затылочной части головы тяжелым предметом.

— Вот тяжелый предмет в ее рюкзаке был — это точно, — возбужденно проговорил Миша. — Подозрительного в ней я ничего не углядел... разве только села она почему-то не рядом со мной, а сзади, и рюкзак свой в машине забыла, когда к театру подкатили. Я тогда схватил его, чтобы догнать Катю и отдать, и удивился его весу. Еще подумал: «Кирпичи, что ли, она с собой носит?»

Алена взглянула на часы и продолжила:

— Мы подошли к тому, что, когда убрали Энекен, главную опасность для этих троих людей стала представлять я.

В тот день, когда Ольга Белова принесла такое неоспоримое, внятное, наглядное доказательство тому, что Катя и Адам — это одно и то же лицо, я постаралась сделать так, чтобы никто не увидел этих эскизов. Тогда слишком многое было неясно. Единственный человек, который знал абсолютно все, был Михаил Михайлович Егорычев, и я сразу сообщила ему по телефону и эту новость. Он к тому времени уже вышел на Интерпол, и история княжны Нины Оболенской начинала обретать некоторую ясность. Я не успела ему сказать лишь одного, потому что, выпроводив художницу на «доработку» эскизов, забыв обо всем на свете, помчалась в «Россию» с одной лишь мыслью: только бы успеть... Хотела перезвонить дяде Мише позже — и оказалась на неделю вырубленной из жизни. Так вот, я не сказала ему, что Ольга Белова показала эскизы Кате и теперь на очереди моя жизнь...

Хотя мне всегда были чужды какие-либо иллюзии, этот раз оказался исключением. Я не могла поверить тому, что Катина рука может подняться на меня, что наша с ней совместная творческая жизнь, та воистину уникальная связь, которая так нечасто возникает между режиссером и актрисой, может взорваться таким уродством...

Следующий день был для меня настоящим кошмаром. Перед глазами неотступно стояла Энекен — то живая, красивая, наивная мечтательница, то всплывало ее мертвое лицо, которое смерть еще не успела обезобразить. Я понимала, что сообщать вам об этой трагедии перед спектаклем никак нельзя, надо было держать это в себе. С другой стороны, на протяжении двух часов я видела перед собой на сцене ее убийцу. А Воробьева еще никогда так блестяще не играла свою роль в «Столичной штучке»; я смотрела на нее из зала и вспоминала, как мы работали с ней над образом Яны, убивающей своего возлюбленного и его сестру. Я предлагала более мягкий рисунок для образа Катининой героини, даже преувеличенно мягкий, чтобы зрители испытали подлинный шок, узнав, что это милое, женственное создание — хладнокровный, безжалостный убийца. Катя не поддавалась мне до конца и находила в роли кусочки, где все же умудрялась насторожить и дать понять, что не так уж она проста. Но на том спектакле она целиком выполняла мои указания. Убойное обаяние, тихий, обволакивающий смех, никаких резких ходов — все в полутонах, в недосказанности, в мягкой грациозной пластике... На предыдущих прогонах после совершенного героиней убийства ее глаза буквально горели торжеством и безумием зла, в этот раз она подняла вверх полные слез глаза и беззвучно, беспомощно что-то шептала неповинующимися дрожащими губами. Выйдя на поклон, она встретилась со мной взглядом, и ее мокрые глаза благодарно улыбнулись...

Сообщая после спектакля всем вот в этом самом зале об убийстве Энекен — верней, о самоубийстве, — я боковым зрением все время видела Катю. Она сидела возле бокового прохода с опущенной вниз головой, и пряди распущенных волос скрывали ее лицо.

Когда все разошлись, меня покинули силы, и я даже заснула в кресле в своем кабинете. Разбудил звонок местного телефона. Звонил Митя Травкин...

— Кто? Я? — Митя вскочил с места и ошарашено посмотрел на Алёну вытаращенными глазами. — Да меня и в театре-то не было...

— Ну, правильно,— успокоила его Алёна. — Но я-то про это не знала. Я со сна, голос искажен помехами — все знают, что в реквизиторском телефон работает ужасно... Я спустилась на сцену, чтобы, по предложению якобы Мити, уточнить мизансцену с креслом-качалкой. Побродила в одиночестве по выгородке, крикнула, что я — на сцене, села в качалку и тут услышала на колосниках шаги. Подняла голову. Последнее, что зафиксировало мое сознание, — обезображенное ненавистью и злобой лицо внука Оболенской...

— Да-а... Нет слов. — Голос Валентина Глебовича прозвучал глухо и хрипло. — Но ведь...какой же опасности вы подвергались в больнице... Стивен — известный авторитетный врач, потом эта Джой могла проникнуть к вам, прикинувшись хоть родной матерью...

— Думаю, что это входило в их планы, — усмехнулась Алёна. — Но мой дядя Миша Егорычев персонально с каждой бригадой реанимации, где я лежала, говорил об этом. Меня берегли, как зеницу ока. Я, правда, об этом ничего не знала. Из клиники Стивена справлялись о моем состоянии по несколько раз в день. Отслеживали всех посетителей — поэтому и досталось Глебу и Максиму Нечаеву.

Когда я пришла в сознание, то сразу поняла, что надо тянуть время. Этим я облегчала работу Егорычева. Адам и Джой считали себя в полной безопасности, пока я была без сознания, а потом находилась в амнезии.

Визит доктора Ламберти, естественно, не застал меня врасплох, но я видела, что его что-то насторожило. Не знаю что... До сих пор не знаю. Каким-то своим обостренным чутьем он понял, что я симулирую отсутствие памяти. Не исключено, что Джой составила ему тест, и он, задавая вопросы, по моим ответам сумел докопаться до истинного положения вещей. Я почувствовала это, и вот тогда у меня началась паника. Как назло, вырубился телефон Егорычева. Пришлось отправлять к нему Глеба Сергеева под прикрытием вооруженного Максима... Дальше вы все знаете.

— А действительно ли этот Адам Ламберти — такой уж замечательный врач? Да и врач ли вообще? — спросила вдруг с подозрением Сколопендра.

— В самом деле — врач. Пластический хирург, и воистину имеет золотые руки, — утвердительно кивнула Алена. — Я вам рассказывала, что волею судеб сестра Глеба Сергеева попала в его руки. После пожара у нее вообще не было лица... обгоревший кусок мяса. Я видела ее вчера. То, что он сумел сделать, — это высший пилотаж. Люся теперь — прекраснейшая из женщин.

— Это что же получается... — задумчиво произнесла Маша Кравчук. — Все эти люди были наделены свыше потрясающими талантами. Они могли бы принести столько добра и пользы, а в результате объединились, чтобы совершить страшные преступления, причинить столько горя и боли... Невероятно... И что же их мозговой центр — эта Джой? Она ведь жива?

— Она жива. Пока в больнице. Естественно, под охраной органов.

Мне обещали свидание с ней. — Алена хотела еще что-то добавить, но почувствовала, что сейчас потеряет сознание. Перед глазами поплыли черные круги, во рту пересохло. Она резко откинулась на спинку стула... Максим Нечаев вовремя подхватил ее на руки и в сопровождении Ковалевой перенес на диван в актерскую комнату отдыха.

— Сейчас все пройдет, — слабо улыбнулась Алена. — Прожить весь этот кошмар еще раз оказалось не так-то просто...

...Был уже поздний вечер, когда Алена в сопровождении Максима, который никак не хотел оставлять ее одну, спустилась на служебный вход. Она уговаривала его заняться своими делами и в доказательство, что прекрасно себя чувствует, даже пробежалась вприпрыжку по коридору, но Максим оставался непреклонен.

— Я дал слово Глебу до его возвращения из Питера держать вас в поле зрения, — упрямо повторял Максим. — Я и ночевать у вас собираюсь, — добавил он безапелляционно. При этом у него был такой смешной и трогательный вид, что Алена громко, заразительно рассмеялась.

На ее смех в дверь заглянула Ковалева:

— Очень хорошо, что я не упустила вас, Алена Владимировна. Мне бы хотелось вас на пару минут.

— Можно? Всего на пять минут? — просительным голосом с улыбкой обратилась Алена к Максиму.

— На пять, но не больше, — великодушно позволил он. — Я пошел греть машину.

— Алена Владимировна, — озадаченно произнесла Ковалева. — Вы уж извините, что я вовлекаю вас в чисто кадровый вопрос, но... дело в том, что после гибели Оболенской место вахтера так и пустует. Это осложняет

жизнь остальных дежурных. И вот сегодня в отдел кадров явилась довольно милая пожилая дама. Хочет устроиться к нам вахтером.

— Ну, так и о чем речь? Прекрасно.

— Прекрасно-то прекрасно. Но опять... как будто из бывших князей. Фамилия ее Шаховская. Я сразу поинтересовалась, имеет ли она отношение к знаменитому роду. Оказалось, что имеет...

Алена покрутила головой и обняла за плечи Нину Евгеньевну.

— Ох уж, воистину у страха глаза велики. Значит, появится в коллективе интеллигентный человек... Дай бог, чтобы всеми качествами походила на Елену Николаевну.

— Значит, благословляете?

— Безусловно. — Алена направилась к двери и уже с порога спросила: — Я правильно поняла сегодняшнее отсутствие Инги? Ей ведь надо избегать любых стрессов...

— Именно так, — благодарно улыбнувшись, ответила Ковалева.

Максим уже выгнал разогретую машину из двора, и она урчала, выпуская в холодный воздух клубы сизого дыма.

Алена двинулась к воротам и вдруг вздрогнула и остановилась. От заметенных снегом кустов отделилась длинная фигура. Тусклый свет фонаря выхватил из темноты раскиданные по плечам пряди прямых белых волос. Губы Алены судорожно дернулись, чтобы назвать имя той, чей мучительный, зловещий образ, вызванный, как в спиритическом сеансе, из преисподней, весь день трагическим ореолом царил над театром. Но девушка сделала шаг вперед и откинула волосы с затаенного темнотой лица. Из-под прямой челки диковатым светом полыхнули зеленые глаза с яркими тенями на веках. Слегка передернув плечами — не то от холода, не то от досады, — она заговорила низким, хорошо поставленным голосом:

— Здравствуйте, Алена Владимировна. Извините за неожиданный визит... Меня зовут Ольга Соцкая. Я — племянница Глеба Сергеева.

— Господи! — Алена от неожиданности даже поперхнулась и закашлялась. Из машины тут же показался Максим и в бдительной-выжидающей позе встал в воротах.

Девушка обернулась в его сторону, потом вопросительно посмотрела на Алену.

— Не обращайтесь внимания, — глухо усмехнулась Алена. — У нас тут... небольшой дурдом. Все за всеми следят, все всех подозревают и, соответственно, охраняют. — Она пристальным взглядом обвела красивое, чуть надменное лицо Ольги. — Почему вы ждали на улице? Хотите, вернемся в театр?

— Именно потому, что у вас слегка дурдом, я решила подождать вас здесь. К тому же я бы не хотела, чтобы о моем появлении узнали мама и Глеб... Я вас не задержу надолго.

— Да ничего, мне как раз полезно продышаться... У вас фамилия польская...

— Да, папа же наполовину поляк. Мне это оказалось выгодно — без звука взяли в знаменитую киношколу в Лодзи... Эти поляки, они о русских и слышать не хотят.

— А Глеб говорил, что вы мечтали учиться в Сорбонне.

— Мечтам свойственно меняться, — неохотно ответила Ольга. — Я проучилась год в Лодзи, потом сбежала оттуда и занималась в Париже в частной актерской школе при «Комеди Франсэз». Теперь понимаете смысл моего появления?

Ольга подпрыгнула, ловким движением сбила с пушистой сосновой ветки шапку снега прямо себе на голову и довольно рассмеялась.

Алена, с улыбкой наблюдая за девушкой, ответила через паузу:

— Теперь понимаю. А почему об этом не должны знать мама и Глеб?

Ольга слизнула с кончиков пальцев снег и удивленно заметила:

— Ну как же? Если я вам не подойду — значит, этого эпизода и не было... Зачем родственникам зазря нервы трепать?

— Понятно. Вернемся к делу — что вы можете показать?

— Если дадите в партнеры... ну, хотя бы вот этого... — кивнула Ольга в сторону Максима, — могу сыграть сцену из «Трех сестер»: Маша — Вершинин. На французском могу прочесть монолог Антигоны — это моя школьная работа, ну и еще сыграть Чудище из «Аленького цветочка» — это мой любимый образ с детства, и я осваиваю его актерски всю жизнь.

— И сколько лет всей вашей жизни? — улыбнулась Алена.

— Да уж, не первой молодости. Двадцать, — искренне вздохнула Ольга.

— Хорошо. Сейчас поговорим с Максимом, и, как только сочтете возможным, — приходите... Как себя чувствует мама?

— Никак не может привыкнуть к своему новому лицу. Я, честно говоря, тоже. Мама же была абсолютно другая... У нее после операции изменилось даже выражение глаз. Ну, вы же видели?

— Да, я навещала ее. Но... я никогда не видела прежнего лица, поэтому мне трудно судить и легче воспринимать ее нынешнюю.

— Ах да! — воскликнула Ольга. — Ну, конечно же! Ее... прежнее лицо было намного мягче, менее определенным, что ли... Но он, конечно, блестящий хирург... хотя и оказался хорошей сволочью... Царствие ему небесное!

Алена подвела Ольгу к Максиму и, в двух словах объяснив ситуацию и обговорив день и час их встречи, предложила девушке сесть в машину.

— Мне здесь рядом, — отказалась Ольга. — Я лучше пройдуся.

Она махнула на прощание рукой и быстрым шагом направилась в противоположную сторону.

— Постарайся поскорей сделать с ней «Три сестры», Максим, — попросила Алена, провожая взглядом ее длинную тонкую фигуру с чуть подпрыгивающей выворотной балетной походкой. — Нам срочно нужна актриса. Чем черт не шутит...

— По-моему, в ней что-то есть... Забавная... — отозвался Максим.

— Ну, это посмотрим... — осторожно ответила Алена.

«Смотреть» пришлось совсем скоро. Уже на следующий день Максим доложил Алене, что, если она отнесется к нему со снисхождением в роли Вершинина, они с Ольгой могут завтра сыграть отрывок.

— Так быстро? — удивилась Алена.

— Больше не могу. Она меня замучила. Утверждает, что эта сцена настолько сексуальна, что надо отбросить всякие комплексы. Требует, чтобы я раздевал ее...

— Ну, правильно, они же оба — и Маша, и Вершинин — с первого мгновения оказались заложниками сумасшедшей страсти, и это чувство усугубляется полной обреченностью... а от этого остановится еще неотвратимей.

— Я понимаю, — уныло согласился Максим. — Но я же практически с ней незнаком. Как я могу раздевать ее, да еще как она того хочет — до гола! У нее школа другая, ей проще.

— Школа здесь ни при чем. Привыкли, что я вас раскочегариваю месяцами. Ты же киношный артист. Представь себе, что ты на съемочной площадке.

— С ней не могу. — Максим в отчаянии покрутил головой. — Она как устается своими зелеными «блюдами» — я сразу текст забываю... К тому же и умная чересчур. Но придира. Единственное, в чем я ей не уступаю — это в пластике. Она, оказывается, хореографическое училище при Большом закончила. А я Вагановское в Питере. Так что здесь она меня не обскочит.

Алена с изумлением смотрела на Максима. Всегда спокойный, уверенный в себе, он, казалось, никак не мог собраться. Может, влюбился — вот так, с первого взгляда, и уже несет этот крест, сам пока не догадываясь об этом...

На следующий день Ольга Соцкая была единогласным решением худсовета принята в труппу театра.

С утра они с Максимом сыграли для одной Алены отрывок из «Трех сестер», и она поразилась раскованному, почти бесстыдному существованию юной актрисы в этом сложном и для зрелых мастеров эпизоде. Ее Маша — порывистая, искренняя, страстная — так убедительно лидировала в любовном дуэте, что Алене даже стало жалко Максима, который никак не «догонял» свою партнершу. Впрочем, Вершинин вполне мог пасовать перед дорвавшейся до своего первого в жизни чувства Машей.

Темпераментно програссировав монолог Антигоны, в котором не владеющая французским Алена не поняла ни одного слова, Ольга перешла к Чудищу. Тут уж и Алена, и созданный ею двумя часами позже худсовет плакал и хохотал до слез. Используя густые низы своего сильного голоса, Ольга умудрилась сыграть одновременно и дикое животное, и нежного принца, живущего в его облике. Казалось, ей удалось воплотить всю свою детскую любовь и сострадание к заколдованному юноше. Она рычала, каталась в бешенстве по полу, нюхала и целовала бутафорский аленький цветочек, а потом, обратившись в принца, под «Песню Сольвейг» исполняла импровизированное адажио, протягивая тоненькие, гибкие руки к воображаемому объекту своей любви.

Одним словом, Ольга Соцкая удивительным сочетанием зрелого страстного темперамента и абсолютно детской наивной трогательности очаровала худсовет.

— Да-а... — задумчиво протянул Шкафендра после того, как было решено срочно вводить ее на роли Воробьевой. — И ведь как на голову свалилась... Весьма провиденциально.

— Должно же нам хоть в чем-то повезти! — подвела черту Галя Бурьянова.

— Ты уверена, что тебе необходима эта встреча? — еще раз встревоженно спросил Глеб, минуя ворота с бюро пропусков и притормаживая у небольшого больничного корпуса.

— Уверена, — утвердительно кивнула Алена и засмеялась: — Это же больница, Глеб, а не тюрьма. Джой находится в палате, которая охраняется нашими бдительными органами по поручению Интерпола. Знаешь, как дяде Мише было трудно выбить мне это посещение? Не волнуйся ради бога. Здесь не стреляют — здесь лечат... А ты расслабься, поброди по этим замечательным аллеям, помечтай, подумай о приятном. О том, что всего лишь через неделю твоя племянница будет царить на подмостках, запеленутая в твою музыку. Мог ли кто-нибудь предположить эдакое!

— Ты считаешь, что успокаиваешь меня подобным мурлыканьем, а на самом деле создаешь полную картину того, что, отправляясь в логово

врага, усыпляешь мою бдительность, — мягко усмехнулся Глеб. — Иди, малыш, я жду.

Алена поднялась по крыльцу в просторный вестибюль, разделась, еще раз предъявила пропуск, выданный в прокуратуре, и направилась в указанное отделение.

Около палаты немного помедлила и, оглянувшись по сторонам, перекрестилась.

Отворив дверь, она оказалась в просторной комнате, больше похожей на гостиничный номер, где в кресле у окна клевал носом над раскрытым журналом молодой белобрысый оперативник.

При появлении Алены он вскинул голову, уставился на нее покрасневшими, подпухшими глазами и поднялся:

— Слушаю вас. Капитан Пантелеев.

Алена доброжелательно улыбнулась капитану и, протягивая свой пропуск, сказала:

— Добрый день. А я так удивилась, обнаружив в палате вместо больной симпатичного молодого человека.

Капитан неопределенно хмыкнул.

— Это вы, стало быть, от Егорычева? Пожалуйста. Он уже звонил с утра. Проходите... Только она, по-моему, спит.

Пантелеев кивнул на неплотно прикрытую дверь в смежную комнату, и Алена, перешагнув порог, так же неплотно притворила ее за собой.

Изумленный возглас удалось сдержать лишь волевым усилием. Он застрял комком в горле, и от удущья на глаза выступили слезы.

На высокой хирургической кровати, упираясь спиной в большую взбитую подушку, сидела ... Люся.

Алена опустила на стул возле двери и какое-то время с волнением и досадой вглядывалась в знакомые черты этой женщины. Потом облизнула пересохшие губы и, стараясь говорить четко, спросила :

— Зачем... ему понадобилось повторить ваше лицо?

Американка внимательно рассмотрела Алену лучистыми ярко-синими глазами и ответила по-русски, с почти незаметным акцентом.

— Думаю, это была...его прихоть. Талантливый человек имеет иногда право на ...подобные вольности, не так ли?

— Не так! — Алена внутренне напряжилась, почувствовав едва уловимую издевательскую нотку, сквозившую и во взгляде, и в словах Джой. — На вольности имеет право человек свободной профессии — положим, художник или музыкант.

— Ну, хорошо... Возможно, ему были так дороги эти черты, что руки сами сотворили подобие — без участия сознания. Мне не совсем понятен

ваш пафос. Попробуйте отнестись к этому проще. Уверяю вас, никакого далеко идущего плана Адам не преследовал, когда случайно или умышленно, как вы сказали, «повторил мое лицо».

Алена подавленно молчала. Она смотрела на эту худенькую, яркоглазую женщину с правильными, точно талантливым скульптором вылепленными чертами лица и думала о том, сколько вседозволенности несет в себе жизнь. Это лицо, рожденное на свет сложным путем генетических процессов, скопировал для другого существа своими уникальными руками хирург Адам Ламберти.

— Вас это застигло врасплох, — негромко произнесла Джой. — Вы пришли ко мне уж, наверное, не для того, чтобы обсуждать мое лицо или декларировать несправедливость моего жизненного пути...

— Нет... Вам известно, что состоялась эксгумация тела госпожи Баррент? В Соединенных Штатах вас ждет обвинение в преднамеренном убийстве.

Черные густые ресницы Джой затрепетали, как крылья обессиленной осенней бабочки, и сомкнулись.

— Да... Мне это известно. — Ее глаза оставались закрытыми, и Алена поняла, что разговор отнимает у больной силы. — Ко мне никого не пускают, кроме адвоката и представителей американского посольства. Как вам это удалось?

— По благу. Мой родственник занимает крупный пост в Интерполе, — не задумываясь, соврала Алена.

По телу Джой пробежала судорога, она открыла глаза, бесшумно придвинула к себе лежащие на тумбочке блокнот и ручку и, покосившись на дверь, начала что-то быстро писать, шепотом попросив Алену:

— Пожалуйста, что-нибудь говорите пока...

— В одной из ваших книг вы пишете о бездонности женского сердца, о том, что женщина жаждет целиком отдать себя другому. В этой жажде, как вы утверждаете, таится опасность порабощения, ибо ни один человек не в состоянии принять подобный дар. Только Бог может принять его без ущерба для личности отдающего... Катя очень любила Адама, и вы позволили этой любви встать на тот путь, который Воробьева прошла. Вы подтолкнули ее, и ущерб личности «отдающего» оказался оценен несколькими человеческими жизнями... Адам же всегда любил только вас...

— Да. — Джой осторожно вырвала исписанный листок из блокнота и знаком попросила Алену взять его. — Да, Адам любил меня... Но больше всего на свете он любил деньги. Этому идолу он был готов принести на алтарь любую жертву...

— А вы умело, извращенно потакали его главной слабости! — насмешливо сказала Алена, с напряжением вчитываясь в неразборчивый почерк Джой.

Наконец она подняла голову, их глаза встретились, и Алена отрицательно помотала головой.

Джой бессильно откинулась на подушку и вновь закрыла глаза.

Алена тем временем достала ручку и, подумав, написала несколько фраз на обратной стороне записки.

— Может, позвать врача? — Она подошла к кровати и вложила записку в руку Джой.

Та вздрогнула, подняла веки.

— Нет, нет, это просто от слабости, и буквально впилась взглядом в листок.

Алена приотворила дверь и с порога спросила оперативника:

— Можно от вас позвонить Михаилу Михайловичу?

Капитан молча сдвинул телефонный аппарат к краю стола.

— Алло, дядя Миша, это я. Да, еще в больнице. Джой себя неважно чувствует, мне бы не хотелось усугублять ее состояние. Сделаешь мне на завтра пропуск? Ну, пожалуйста... мне же ни о чем не удалось поговорить. Ну, конечно...

Алена с очаровательной улыбкой протянула трубку Пантелееву.

— Здравия желаю, товарищ полковник. Нет, завтра опять я. Он подменился на сутки. Так точно, товарищ полковник... Да я понимаю, искусство должно правдиво отражать жизнь... Тогда с вашей племянницы два билета на премьеру, — озорно глянул на Алену капитан. — Так точно, товарищ полковник.

Алена вернулась в палату, взяла из рук Джой новую записку. Прочла и, спрятав в карман, долго и напряженно смотрела на ее измученное, бледное, но от этого еще более красивое лицо. Джой так же не сводила немигающих глаз с Алены.

— В начале своей медицинской карьеры, — тихо заговорила она, — я работала с крысами...

«Вот и продолжала бы и дальше с ними работать, — чуть не вырвалось у Алены. — Хищник с хищником — тогда никого не жалко...»

— Интеллект крыс ближе всего человеческому интеллекту. Только законы существования жестче, — продолжала Джой. — Когда одно семейство воюет с другим и силы уже на исходе, а позиции равные, тогда выходят два лидера — с одной и с другой стороны. Они встают на задние лапы и со смертельной ненавистью смотрят друг на друга, пока один из них не выдерживает направленной на него энергии и не падает бездыханно...

— Милая история. — Голос Алены прогудел жестко и саркастически. — Сожалею, что вы лежачая. У нас в России есть правило: лежачих не бьют, а то можно было бы уподобиться братьям нашим меньшим, тем более я с детства питаю симпатию к этим интеллектуальным тварям...

Она приблизилась к тумбочке Джой, склонилась к блокноту, нацарапала пару фраз и, отойдя к окну, отодвинула штору.

— У вас душно... Я приоткрою форточку ... буквально пару глотков чистого воздуха.

Пока Джой читала, Алена скрылась за шторой и уже через минуту, заперев форточку на шпингалет, вернулась обратно, вынула из сумки какой-то предмет, предусмотрительно завернутый в мягкое полотенце, бесшумно положила его под подушку Джой. И вышла из палаты.

— В какое время мне лучше прийти завтра? — уточнила она у капитана.

— Да хоть так же. Уже уходите? Давайте свой пропуск — отмечу... Товарищу полковнику передайте, что нужен новый, по этому завтра уже не пустят, он разовый.

— Да, да, спасибо, — кивнула Алена и вдруг спохватилась: — Господи, сумку забыла!

Она быстро вернулась в палату, и капитан услышал, как посетительница пожелала американке поспать — это восстанавливает силы.

На следующий день точно в это же время Алена переступила порог комнаты, где, как и накануне, дежурил знакомый опер.

На этот раз капитан Пантелеев встретил ее без сдержанного неодобрения.

— Привет представителям искусства! — встал он ей навстречу и, взглянув на часы, заметил: — Ого! Точность — вежливость королей! Минута в минуту. — Затем кивнул в сторону плотно закрытой двери в палату и с сожалением произнес: — Хуже ей стало ночью. Так что вряд ли ваше свидание состоится. Хотя из посольства американцы у нее с утра были. Недолго, правда.

— Как же так... — Алена присела на краешек стула рядом с капитаном. — Она вчера вроде бы была очень даже ничего. Слабость — это же естественно после ранения и операции. По себе знаю...

— Я в курсе вашей истории, и мне понятен ваш интерес как творческого человека к этой американке... Пьесу будете сочинять?

— Ну да, попробуем, — неопределенно ответила Алена. — Значит, меня пускать не велено?

Капитан с сожалением развел руками:

— Без разрешения врача — никак... Да и потом, есть ли смысл в вашей встрече, если она в полубессознательном состоянии?

— Вы правы! — Алена поднялась и, достав из сумочки листок бумаги, попросила у опера ручку. — Это вот мои телефоны — театральный и домашний. На любой спектакль в любом количественном составе всегда милости просим.

Она попрощалась с капитаном, но через несколько минут снова просунула голову в дверь и спросила:

— Скажите, пожалуйста, а этот сегодняшний пропуск можно в следующий раз использовать, раз свидание не состоялось?

— Там указано число, поэтому вам его переписут... Вы только предварительно звоните, чтобы впустую не ездить, путь-то не близкий. Знаете номер ординаторской?

Алена кивнула и еще раз поблагодарила капитана. Спустившись в гардероб, оделась и вышла на улицу.

С высокого крыльца разглядев фигуру Глеба, вышагивающего по отдаленной заснеженной аллее, она попятилась обратно к входу, спрыгнула сбоку прямо в сугроб, прокралась вдоль здания больницы и торопливо повернула за угол...

Минут через десять, запыхавшаяся и довольная, Алена возникла перед Глебом, который стоял у машины.

— Ты что, по-пластунски по снегу ползала? — изумился Глеб, увидев, что она вся с головы до ног в снегу.

— Ага. Мы с опером Пантелеевым в партизанов играли. Он изображал армию Колчака — ему по духу как-то гражданская война ближе, а я — мирное население, ушедшее в леса и пускающее под откос вражьи поезда...

— Ну и как успехи? Много составов удалось вывести из строя?

— Восемь! — не задумываясь, ответила Алена и сделала поползновение влезть в машину.

Но Глеб вытащил ее за руку обратно.

— Ну-ка, ну-ка, партизанка, дай-ка взглянуть... Ух, ты, и что же это у тебя на ногах? А я-то думаю, с чего бы это ты вдруг изъявила желание на заднем сиденье прокатиться. И как же тебя в такой обуви в палату к больной пустили?

— А там сразу при входе в гардероб бахилы надевают. Для стерильности, — пояснила Алена, от растерянности нагло уставившись в глаза Глебу.

Она присела на заднее сиденье и, вытянув ноги в открытую дверь, постучала, сбивая снег, огромными, на вид чуть ли не горнолыжными, ботинками размера сорок пятого.

Глеб присел рядом на корточки и нарочито кротким голосом спросил:

— Малыш, долго еще врать будем?

Алена молчала, сосредоточенно околачивая с ботинок налипший снег.

— А ботинки у кого напрокат взяла?

— Ну, это-то не проблема. В мужской костюмерной, где же еще-то?!

— А возвращать собираемся? — Глеб осмотрел машину в поисках пакета с Алениной обувью.

— Это называется — наводящие вопросы, — уточнила она и изъяла из-под сиденья коротенькие меховые сапожки. — Возвращать — ни в коем случае. Раз уж ты так рвешься в соучастники, выкинешь этих уродов в лесу — километров, эдак, в десяти от этого места.

— А может, в уличный сортир спустить ... на даче?

— Не стоит рисковать. До весны еще далеко, и будет обледеневшая улика торчать в твоём частном хозяйстве.

— В нашем, — поправил ее Глеб. И, увидев непонимание на лице Алены, пояснил: — В нашем хозяйстве. Надеюсь, партизанский азарт и очарование опера Пантелеева в образе Колчака не отбили напрочь твою явно ослабевшую память... так же, как и совесть. Напомнить дату нашего венчания? Это будет ровно через две недели... А если еще точнее — через тринадцать дней и восемь часов. Так что предлагается слово «мое» поменять на «наше».

Глеб взглянул через Аленино плечо и, прошептал: «По горизонту противник», пропихнул ее в машину и захлопнул заднюю дверь.

Алена, склонившись, развязывала слипшиеся от снега шнурки. Когда она подняла голову, ее глаза уже не смеялись, они были серьезными и очень грустными.

— На самом деле все это и печально, и противно, и ... подло. Но у меня нет другого выхода, — тоскливо проговорила она, утыкаясь лбом в мокрый воротник куртки Глеба. — Я сейчас все расскажу тебе.... и, возможно, ты отменишь наше венчание и по-прежнему останешься единовластным собственником виллы ... с уличным сортиром...

Спустя ровно сутки Алена после репетиции поднялась к себе в кабинет и увидела в приемной Егорычева, мирно распивающего чай с секретаршей Милочкой.

Сразу попытавшись проверить по лицу хотя бы легкие приметы его внутреннего состояния и, конечно же, натолкнувшись на совершенно индифферентное выражение, Алена поцеловала дядю Мишу в щеку и по тому, как Егорычев крякнул в ответ, поняла, что сейчас ей будет «горячо».

— Пойдемте в кабинет? Или еще чайку? — неуверенно предложила она.

— А вы идите, беседуйте, а чай я сама в кабинет перенесу ... вот только заварю свеженький, — сказала Милочка.

— Мне кофе, пожалуйста, — попросила Алена и, пропустив Егорычева внутрь, плотно закрыла дверь.

Михаил Михайлович прошелся несколько раз по комнате, потом развалился на диване, закурил и отрывисто произнес:

— Давай, Егоза, рассказывай. Здорово, я чувствую, напозволялась. Все в подробностях.

Алена метнула на Егорычева быстрый испытующий взгляд исподлобья:

— Она... умерла?

— Сегодня ночью. Я так понимаю, ты помогла.

Алена побледнела и, закусив губу, несколько раз отрицательно мотнула головой:

— Так говорить неправильно... Я просто вычислила ее и, когда шла в больницу, была уверена в том, что она попросит помочь... Я понимала, что для Джой это единственный выход. И ей не к кому будет обратиться кроме меня. Но я не помогла ей умереть, это неверно, я поначалу, чисто эмоционально, даже отказалась, хотя в мой план это входило.

— А потом подумала и угробила американку? — резко продолжил Егорычев.

— Нет, — еще больше побледнев, ответила Алена. — Я обменяла ее жизнь... теперь уже не нужную и ей самой, на Севкину свободу.

— Ты понимаешь, что это не игра в «дочки-матери», и на тебя одну падает подозрение? Ты — единственная, кто мог принести ей лекарство, — зарычал Михаил Михайлович, пропустив мимо ушей слова Алены о Севкиной свободе.

— Ничего подобного. Если капитан Пантелеев — опытный сыщик, то обнаружит, что лекарство Джой получила через форточку. А под окном он найдет следы мужских ботинок с отчетливым рисунком — со вчерашнего дня осадков не было... Там же отыщется оброненная зажигалка — причем никакая не подделка, такие продаются только в Штатах... Ее посещала не одна я. Были сотрудники американского посольства — вот с ними пусть и разбираются. Тем более что вчера меня к ней не пустили, а сотрудников посольства пустили. Потому что в американское посольство был звонок, что Джой Ламберти умоляет навестить ее, в каком бы состоянии она ни находилась, она хочет, на всякий случай, оставить им свою предсмертную волю.

— В письменном виде? — осведомился Егорычев.

— Естественно. В трех экземплярах. Один уже должен быть обнаружен капитаном Пантелеевым, другой — в руках американских граждан, а третий — так сказать, страховочный вариант — у меня в сумке.

Егорычев закурил новую сигарету, озадаченно взглянул на Алену:

— Ты в связи с чем-то упомянула Севу Киреева...

— Ну, ты даешь, дядя Миша! — взвилась Алена. — Не «в связи с чем-то», а для чего я всю эту кашу заварила! Неделю назад театр обратился в следственный отдел с просьбой на несколько дней вернуть их вещдок — пистолет, из которого была застрелена Катя.

— Ну, знаю... Сам содействовал... И не такой уж я старый пень, как ты полагаешь. Не думай, будто я поверил, что это для того, чтобы бутафорский цех изготовил такой же, один к одному, для текущего репертуара...

— Но они же поверили!

— Поверили! Потому что не знают, с кем дело имеют! И не предполагают, что главный режиссер театра — Алена Позднякова — авантюристка и криминальный элемент.

В дверь без стука протиснулась Милочка с подносом и удивленно застыла, услышав последние слова полковника.

— Спасибо, Мила. Все в порядке. Это Михал Михалыч с меня стружку снимает. Но мне с детства не привыкать...

Мила пожала плечами, напряженно улыбнулась и, поставив поднос на журнальный столик, удалилась.

— Ну вот, — вздохнула Алена, — теперь всему театру будет доложено, что я — авантюристка и криминальный элемент.

— Так тебе и надо, — буркнул Егорычев, протягивая ей чашку с кофе. — Голодная, небось, с утра?

— Потом поем, — отмахнулась Алена. — Так вот, дядя Миша, вещдок уже возвращен с благодарностью и в том же целлофановом пакете. Теперь, после того как станет известно, что перед смертью Джой письменно призналась в том, что собственноручно осуществила убийство Кати Воробьевой, зарядив пистолет Максима Нечаева настоящими боевыми патронами, тебе надо будет только слегка подтолкнуть следователя, чтобы он заинтересовался наличием ее отпечатков пальцев. Уверена, что после ареста Севы им и в голову не пришло проверять отпечатки. Зачем? Чистосердечное признание в убийстве. Пистолет в целлофановый мешок — и дело с концом. Пускай себе лежит зафиксированным, как вещественное доказательство. Ну а если даже кому-то особенно ревностному пришло в голову проверить Севкины отпечатки и Максима, то ведь пистолет кто только не хватал. И сейчас среди множества отпечатков они найдут пальчики Джой. На всякий случай есть свидетель. Максим Нечаев недавно припомнил, что перед началом того рокового спектакля к нему в гримерную пришли американские студенты и педагоги какого-то театрального колледжа. Они интересовались, как обустроены гримерные в российских театрах, где находятся костюмерные — одним словом, хотели успеть до спектакля обсле-

довать закулисную часть. Реквизит для Карандышева лежал на соседнем с гримировальным столике, и эти иностранные граждане имели возможность потрогать все, в том числе и пистолет, который обычно Севка забирал в антракте. Если Максим очень постарается напрячь память, то наверняка вспомнит лица взрослых, сопровождавших студентов...

— А Севка?

— А он взял на себя вину, чтобы спасти лучшего друга Максима Нечаева, которому всегда было невыносимо видеть, как Катя измывается над Севкой. И, похоже, мог что-то знать о покушении на меня...

— Погоди, погоди, не лезь вперед батьки в пекло. Эту версию надо так филигранно обработать, чтобы комар носа не подточил. Упрямый он, твой Киреев. Для него только один авторитет — это ты... Устрою вам завтра свидание. — Егорычев встал, подошел к Алене, поднял ее за плечи и, долго любовно вглядываясь в ее бледное, осунувшееся лицо, тихо произнес: — Ах ты, Егоза, Егоза... Рано твои мать с отцом отправились в Царствие небесное. Жить бы им еще столько же, да радоваться... — Вернув голосу прежнюю строгость, он отдал приказание: — Марш в столовую обедать! Одни глаза торчат! Да, вот еще что... Не надо тебе предсмертное послание Джой у себя хранить. Давай-ка его сюда, у меня ему понадежней будет.

Алена передала Михаилу Михайловичу конверт с запиской от Джой и, уже стоя у дверей, спросила:

— Честно... не сердитесь, дядь Миш?

— Честно — сержусь, даже очень. Одно успокаивает: надеюсь, на этом поставлена точка.

— Ну да, конечно, — неуверенно проговорила Алена и тихо продолжила: — Дядь Миш, мне позарез нужны сведения о компаньонке госпожи Баррент. Их можно получить только через Интерпол... Ее имя — Мария Кохановская, о ней писал в своем письме мистеру Холгейту адвокат семьи Баррент.

Премьера «Столичной штучки» наконец-то состоялась.

Ольга Соцкая вошла в спектакль, по нецензурному выражению Гали Бурьяновой, «как свечка в попку». На репетициях она понимала Алenu с полуслова, приходила за час и, на удивление всей труппе, разминалась в репетиционном зале у станка. Текст запоминала легко, но дважды обращалась к Сиволапову с просьбой внести кое-какие изменения.

Алена, со своей стороны, не старалась втискивать совсем другую актерскую индивидуальность в тот рисунок роли, который строился для Кати. Она старалась уловить любой дискомфорт в сценическом существовании Ольги, и они вдвоем решали, что нужно поправить для того, чтобы ее

природной органике не было тесно или же, наоборот, чересчур вольготно в данных предлагаемых обстоятельствах.

С партнерами Ольга была предельно собранна и внимательна, не допускала по отношению к себе никакого панибратства, что особенно ущемляло разнузданное самолюбие Гладышева, не обижалась на замечания и претензии, но всегда пыталась до конца понять, чего от нее хотят.

Алена понимала, что Ольга, возможно, излишне рациональна, но судить о результате было еще рано. Молодая актриса пока только набирала, накапливала, и Алена не позволяла ей ничего «выдавать», пока накопленное, нажитое, осознанное не станет ею самой, Ольгой, носящей, правда, по пьесе другое имя и поставленной в другие обстоятельства жизни.

Естественно, Ольге было трудно. Какой бы змеей подкольной ни проявила себя в жизни Воробьева, актриса она была блестящая... На последнем перед премьерой прогоне Алена попросила прийти в зал побольше народу, чтобы актриса почувствовала наличие зрителей, реакции, проверила, везде ли ее хорошо слышно. Пришли все свои, лишь Люсю и Глеба Алена уговорила прийти на следующий день, уже на премьерный спектакль.

Прогон прошел нормально. И вот это самое «нормально» больше всего и тревожило Алену. Она с досадой отгоняла образ Кати Воробьевой, который, нет-нет, да и всплывал перед глазами, словно невидимой тенью следуя за новой исполнительницей своей роли. Все, что репетировалось, все, что обговаривалось, исполнялось Ольгой с поразительной четкостью. Катя же, идя на поводу у своей непостижимой природы, умудрялась, выполняя те же задачи, все делать «неправильно», как бы выворачивать наизнанку, нащупывать интуитивно самые парадоксальные проявления... Репетируя параллельно по вечерам «Бесприданницу», Алена признавалась себе в том, что, видимо, отсутствие человеческого женского опыта пока не позволяет Ольге ощутить ту глубину, то дно, по которому, извращенная жизнью, легко передвигалась Катя, то отталкиваясь от него из-за нехватки воздуха и всплывая на поверхность, то вновь позволяя мутным житейским омутам затянуть своих героинь в круговорот, чтобы барахтаться и выживать. Воробьева зачастую использовала запрещенные приемы — закатывала непредусмотренную истерику или вешала непозволительную по законам сценичности долгую паузу — и все по результату было «туда», в нужное русло сквозного действия спектакля — так драматичны и наполнены были ее выходы. «Самоволки», — называла их сама Катя. «Я опять сорвалась в «самоволку», — каялась она потом перед Аленой виноватым голосом, а глаза блестели восторгом одержанной победы.

Это было удивительно. Чем больше возвращалась Алена в материал, уже однажды проработанный, насквозь знакомый, тем неотвязней думалось ей о Кате. Человек, который покушался на ее жизнь, принес столько страданий, боли, смертей близких людей, маячил перед глазами с маниакальной навязчивостью. Она чувствовала, что обожает ее, уже несуществующую, что больна ею, этим наваждением, как болен им Севка. Но ее болезнь была острее и опасней, потому что выявилась вслед Кате — уже ушедшей.

На премьере Алена смотрела спектакль из осветительской ложи и с ужасом ощущала, как мощно присутствует в спектакле Катя, своим невидимым параллельным существованием следуя по рисунку роли и всегда завышенным градусом и состоянием, подчас близким к аффекту, сводя на «нет» все жалкие усилия преемницы сделать образ живым и ярким. Наверное, ее мог понять только Севка, принимающий как дар Божий свою неразделенную любовь и, как никто, чувствующий ее извращенную... «надмирность».

Впервые Алена лгала в своей профессии. После спектакля из нее выживали какие-то оценочные соображения по поводу новой героини, и она, избегая встречаться глазами с Глебом, отделялась ничего не значащими фразами: «еще предстоит много работы», «для молодой актрисы вестись на главную роль в такие сжатые сроки — героизм», «Ольга проделала невероятную работу»...

После короткого фуршета, когда Алена, сославшись на головную боль, отказалась поехать за город и попросила закинуть ее домой, Глеб тихо спросил:

— В чем дело, малыш?

Алена устало вздохнула и так же тихо призналась:

— Она сидит у меня в печенке... Катя Воробьева. Она болит, саднит... и никак не хочет заживать. Но я должна с этим справиться. Это входит в параметры моей профессии. Ни одна актриса, даже самая inferнальная, не имеет права так овладевать режиссерской волей. Просто у нас неравная расстановка сил. Оттуда — иная мощь... в этом единоборстве.

Глеб понял. Он все всегда понимал, этот удивительный сказочник.

Крещенские морозы так причудливо разрисовали окна московских домов, что хотелось выставить из рамы стекло, окантовать его и увековечить эту нерукотворную живопись.

На улицах под ногами бегущих прохожих снег скрипел на все лады, и эта животворящая музыка смягчала досаду на мороз за окоченевшие руки, покрасневшие носы. Застывшие в восторженном оцепенении от соб-

ственной красоты деревья тянули навстречу свои ломкие, серебристым инеем схваченные ветви, словно умоляя не проходить мимо и обратить внимание на их недолговечное хрупкое очарование.

Венчание Алены и Глеба было назначено в храме Малого Вознесения — небольшой уютной церкви прямо напротив консерватории. Этот храм выбрал Глеб. Сюда он приходил на службы, будучи студентом консерватории, сюда примчался на следующий день после знакомства с Аленой и, с сердечным трепетом стоя у иконы, попросил: «Господи, сделай так, чтобы она стала моей женой»...

Алена ни в какую не согласилась накинуть на подвенечное платье шубку и, хотя в храме было прохладно, заявила, что ей просто жарко. Все присутствующие втайне были удовлетворены отказом невесты утепляться и с восхищением, даже с некоторым удивлением взирали на словно выточенную из слоновой кости стройную, хрупкую фигуру Алены. Ее привыкли видеть в свитерах и джинсах, иногда в коротких юбках спортивного фасона, не дающих представления о том, что скрывается за этой свободного покроя одеждой. Теперь, туго обхваченная атласным платьем, с глубоким декольте, она продемонстрировала всему свету стройные высокие бедра, тонюсенькую талию и высокую нежную грудь.

— Ты — моя Барби, — восторженно шепнул ей взволнованный Глеб.

Губы Алены негодуя изогнулись:

— Еще не хватало! Терпеть их не могу, этих рафинированных красоток!

— Что поделаешь! Терпи! С простоволосыми героинями афанасьевских сказок ты никак не монтируешься. — И Глеб легонько прикусил Алене мочку уха.

— Господин жених! Прекратите незаконные сексуальные посягательства! — прошипела сзади посаженная мать Маша Кравчук. — И вообще — тихо! А вот и наш батюшка пожаловал!

Из алтаря появился черноглазый улыбающийся батюшка, все потянулись за свечками, стали перестраиваться в полагающемся для таинства порядке. Повернувшись за свечкой, Алена окинула взглядом гостей, и на мгновение ее глаза напряженно застыли ...

Во время венчания невеста вела себя неподобающим образом беспокойно. Всегда предельно собранная и дисциплинированная в ответственные моменты, она вертела головой, несколько раз делала глазами какие-то непонятные знаки посаженному отцу Михал Михалычу Егорычеву, и возмущенный Глеб вынужден был даже несколько раз ущипнуть ее за локоть.

— А где Люся? Я что-то ее не вижу, — прошептала она, когда Глеб, преисполненный сознания торжественности момента, нанизывал обручальное кольцо на тоненький Аленин палец.

Он недоумевающе и с легкой обидой взглянул на свою суженую и протянул руку, чтобы Алена возвела его в ранг супруга.

Малышка проворно пропихнула кольцо на палец Глеба, и ее голова снова развернулась в сторону гостей. Глеб недовольно проследил за ее взглядом и буркнул:

— Люська у свечного ящика.

Тут все внимание жениха и невесты забрал батюшка, проводив новобрачных к алтарю. Он поднял венцы над их головами и передал шаферам, одним из которых, к явному удовлетворению Алены, была Люся.

Батюшка начал читать в Евангелии от Иоанна рассказ о чуде, совершенном Христом на браке в Кане Галилейской, и Глеб опять слегка дернул за руку Алenu, повернувшую голову куда-то в сторону. Он не понимал странного поведения невесты, но видел, что ее что-то беспокоит, и это беспокойство невольно передалось и ему.

Священник поднес новобрачным чашу с вином, и в этот момент Алена, обнаружив, что за ее спиной нет Люси, резко развернулась назад и вдруг, чуть не сбив с ног близняшек Маши Кравчук и перевернув скамейку, стоящую у стены, рванулась к выходу.

В тот же миг от дверей храма отделилась темная фигура и опрометью вылетела на улицу.

После минутного шока все присутствующие на венчании бросились вслед за пулей пролетевшей мимо них на крыльцо церкви невестой.

То, что увидели случайные прохожие возле храма Малого Вознесения, не поддавалось никакому объяснению.

По Большой Никитской, скользя по тротуару и время от времени прыгивая на мостовую, бежало странное, замотанное в непонятную одежду существо неизвестно какого пола, а за ним, с развевающимся шлейфом подвенечного платья мчалась полуголая невеста, пугая оторопелых прохожих хриплыми выкриками: «Стойте! Вам нечего бояться! Остановитесь! Я вам все объясню! Это недоразумение! Вы погубите себя! Стойте! Задержите ее!»

На противоположной стороне Никитской высыпали из школьного двора дети и, визжа от радости: «Ура! Кинуху снимают!» — сгрудились вдоль тротуара. Пришедшие в чувство друзья и родственники во главе с батюшкой и алтарниками озирались по сторонам, не зная, что предпринимать, а Глеб и Максим Нечаев неслись за Аленой, подгоняемые не поспевающим за ними Егорычевым. Уже почти у самых Никитских ворот Максиму удалось, обогнав Алenu, ловко подставить подножку и свалить в наметенный к обочине сугроб убегающего человека. Подбежавший Глеб сдернул

на ходу пиджак, набросил его на голые плечи Алены и склонился над лежащей в снегу фигурой.

— Что... что все это значит? — спросил он, задыхаясь от бега.

— Осторожно, она вооружена! — так же запыхавшись, выкрикнула Алена.

Максим точным движением скрутил человеку в сугробе руки за спиной. Теперь можно было разглядеть лицо, замотанное до бровей толстым оренбургским платком. Это была женщина средних лет, с мелкими чертами лица, напоминающими какую-то птицу.

— Я же просила вас остановиться, госпожа Кохановская, — низким дрожащим голосом произнесла Алена. — Могли бы такой беды наделать... Помогите ей подняться, Максим, она замерзла.

Подоспевшие Люся и Ольга набросили на Алену дубленку, передали Глебу и Максиму их куртки.

Женщина с птичьим лицом подняла голову и, увидев Люсю, вздрогнула всем телом. Ее лицо перекосилось страшной злобной гримасой. В этот момент Максим извлек из кармана ее нелепой шубы маленький блестящий браунинг. Женщина опять вздрогнула и, не сводя с Люсиного лица ненавидящего взгляда, рванулась к ней. Люся вскрикнула и спряталась за спину Глеба.

— Тихо! — властно скомандовала Алена. — Это ваша ошибка, госпожа Кохановская. Женщина, которую вы поклялись уничтожить, уже мертва. Не надо смотреть с такой ненавистью. Это не Джой Ламберти, а Людмила Соцкая, и не ее вина, что она обречена носить чужое лицо.

— Ах ты, Егоза, Егоза, — пробурчал Егорычев, когда гости расселись за большим столом в загородном доме Глеба. Дяде Мише положено было сидеть по правую руку невесты, как самому почетному гостю. — Даже замуж она не может выйти по-человечески. Это что же за свадьба такая! До седин дожил, а такого не припомню.

— Ты, дядь Миш, не бухти на меня, — отозвалась Алена, накладывая ему в тарелку все самое вкусненькое. — Сам учил с детства, что в нашем деле потеря бдительности — это шандец.

— Так это в чем же деле-то! — засмеялся Егорычев. — Именно, что в нашем сыском деле... хотя что говорить, видно, ты с молоком матери всосала в себя аналитическую смекалку.

— Выпьем за новобрачных, — провозгласила посаженная мать Маша Кравчук.

После того как все наконец-то согрелись, выпили, закусили, крикнули несколько раз «горько» и пожелали Алене и Глебу много всего замеча-

тельно, наступил тот неизбежный момент, когда все захотели, чтобы им объяснили, что творила невеста в храме и на Большой Никитской.

— Давай, давай, раскалывайся, Егоза, — усмехнулся Егорычев, — народ жаждет знать правду.

— Вот сами бы и поведали народу правду, дядь Миш. — Алена ласково взглянула на полковника. — А то я ведь сегодня как бы выходная...

— Да уж, не хотела бы я иметь такой выходной, — хмыкнула Маша. — Давно я такой стометровки не бегала. Новый вид развлечения для новобрачных и гостей — бег с препятствиями по обледенелому тротуару в сорокаградусный мороз без верхней одежды. Женщинам — желательнее на высоком каблуке, лучше на шпильке. Очень полезно для здоровья и прекрасно развивает чувство юмора.

Все дружно начали смеяться и вспоминать, как кто выглядел в этой дикой ситуации. Потом все смолкли и снова вопросительно уставились на Алену.

— Помните, я в театре читала письмо от адвоката Нины Николаевны Оболенской господина Стоуна? Это письмо мне отдал мистер Холгейт, за что ему спасибо... — Алена наклонила голову в сторону сидящей напротив пожилой пары — тети Глеба и ее мужа Роберта Холгейта. — В конверт юрист госпожи Баррент вложил ее фотографию. На ней были две женщины: Нина Николаевна и ее верная спутница жизни и подруга, компаньонка Мария Кохановская. Письмо пришлось отдать следователю, а фотография осталась у меня. И, надо сказать, я частенько показывала ее друзьям, знакомым... Одним словом, оба лица отчетливо отпечатались в моей памяти.

Все в курсе, что операцию Люсе делал Адам Ламберти. После его смерти ее наблюдал другой врач. Как-то Люсе надо было в очередной раз показаться в клинике. Глеб уехал в это время с концертом в Калугу, Ольгу не хотелось отвлекать от работы — она зубрила текст, и в клинику повезла Люсю я.

Сидя около кабинета, я поразились той ... даже трудно сформулировать точно... какой-то безалаберной бестактности, что ли. На двери кабинета по-прежнему висела табличка: «Адам Ламберти, профессор». Человека уже не было в живых, а табличку даже не удосужились снять. Народу на этаже было мало, и я не могла не обратить внимания на женщину, которая подошла к кабинету и, внимательно изучив надпись, неуверенно присела напротив. Потом вскочила и начала нервно вышагивать по коридору, что-то лихорадочно соображая. Я не сразу связала ее лицо, показавшееся мне очень знакомым, с фотографией компаньонки госпожи Баррент. Но когда она в очередной раз, находясь в крайнем волнении, опустилась на краешек стула, я поняла, что передо мной, конечно же, Ма-

рия Кохановская. Я стала незаметно наблюдать за ней. Она открыла сумочку, что-то проверила там, достала бумажник и направилась к регистратуре. Я через некоторое время заняла за ней очередь.

— Я бы хотела записаться на прием к доктору Ламберти. Если возможно, на ближайшие дни, еще лучше...на сегодня..

Пожилая регистраторша, с удивлением взглянув на Кохановскую, ответила:

— К сожалению, он уже не ведет приемов в нашей клинике...

— А в какой? — нетерпеливо перебила ее Кохановская.

— Да ни в какой. Он погиб в автомобильной катастрофе.

Кохановская издала странный булькающий звук — не то засмеялась, но сдержала себя, не то закашлялась от неожиданности.

В этот момент дверь кабинета открылась, и вышли Люся и доктор, продолжая о чем-то беседовать. Тут уже оторопела я: Кохановская не сводила с Люси неподвижного, тяжелого, ненавидящего взгляда. Этот взгляд настолько конкретно выдавал в ней, как в диком животном, готовность к прыжку, что я интуитивно сделала несколько шагов к Люсе. Но Кохановская вдруг вздрогнула, отвернулась и быстрыми нервными движениями водрузила на нос большие темные очки и надвинула на лоб шляпку с полями.

Я схватила Люсю под руку и спустилась с ней в гардероб. Странная особа в темных очках и шляпе прошествовала за нами, низко наклоняя голову, точно опасаясь, что ее узнают.

Уже в машине я все пересказала Люсе и пожалела, что сразу, как только вспомнила эту женщину по фотографии, не подошла к ней. Но Люся расценила эту ситуацию иначе...

— Да, я тогда сказала Алене, что, скорее всего, дело совсем в другом, — отозвалась Люся с противоположного края стола. — Я предположила, что, возможно, эта женщина просто очень похожа на компаньонку Нины Оболенской. А глядела она с ненавистью совсем не на меня, а на доктора... Я, пока лежала в клинике, таких историй наслушалась — не приведи Господь... Хирурги ведь тоже люди, у них случаются неудачные операции. Бывает, что им начинают мстить... Но, похоже, я не очень убедила Алену...

— Не очень. Потому что эта женщина схватила такси и ехала за нами до самого загородного дома... Счастье, что Люсе запрещалось месяц выходить из дома: коже был необходим постоянный температурный режим...

Через несколько дней, впервые увидев Джой, я все поняла. Это за ней охотилась верная подруга Нины Николаевны Оболенской. Я попросила дядю Мишу узнать, где можно в Москве отыскать Марию Кохановскую,

а Глеба — на время усилить охрану дома. Но по адресу, который удалось отыскать, Мария Кохановская не появлялась.

Конечно, трудно было предположить, что она появится в храме на венчании. Но ей оказалось все равно — свадьба это будет, похороны или просто ненавистная Джой отправится в магазин за покупками... Кохановская твердо решила свести с ней счеты за смерть своей подруги и благодетельницы.

Когда я увидела ее в церкви, первой реакцией было кинуться к ней и наконец-то все объяснить. Но рваться из-под венца было бы чересчур экстравагантной выходкой, хотя в результате все именно так и произошло. Я попыталась мыслить логически. Мария Кохановская после смерти госпожи Баррент не покинула монастырской обители, несмотря на то, что теперь с ее деньгами можно было устроиться и пороскошной. Значит, она — верующий человек, и никогда не позволит себе предпринять что-либо под сводами православного храма. В этом я, конечно же, была права. И что угораздило Люсю передать венец, который она держала над моей головой, и направиться к выходу?

— Но я же не знала, что выступаю в роли Эсмеральды и хранима тобой, как Квазимодо, пусть не под сводами собора Парижской богородицы, но не менее надежной защитой, — улыбнулась Люся. — Я отправилась, чтобы напомнить сидящим в машине, чтобы они приготовились бросать вам под ноги цветы, когда вы выйдете на крыльцо.

— Одним словом, — прервал Люсю Глеб, — я хочу поднять этот бокал за самую удивительную женщину, которую судьба милостиво позволила мне сегодня назвать своей женой. Я знаю, что наш совместный путь будут устилать не одни розы, но знаю еще одно: мы исповедуем одну и ту же веру... «Встать рано, помолиться Богу и работать...» И еще: когда я познакомился с ней, то осознал, какое мне дано свыше благо — дар писать музыку. Если мне не хватает слов, чтобы объяснить ей в любви, в моей душе начинают складываться мелодии, которых я никогда не сумел бы создать сам... Если позволишь, Алена, я скажу тебе сейчас то, что целый день переполняет мое сердце.

Глеб выпил до дна фужер шампанского, подошел к роялю, и из-под его рук полилась страстная, тревожная, грустная музыка.

Алена слушала, опустив голову и перебирая тонкими пальцами бахрому нарядной скатерти. Крупные, тяжелые капли слез тугими шариками падали на край скатерти, тут же расплываясь и рисуя на льняной поверхности замысловатые узоры.

— Ах ты, Егоза, Еегоза, — услышала она над ухом взволнованный шепот Егорычева. — Жаль, что родители не дожили...

Резкий звонок в дверь прервал музыку.

Ольга пошла открывать, и все головы выжидающе повернулись к входу.

Спустя несколько минут на пороге гостиной появилась невысокая, худая женщина, закрывающая лицо огромным букетом белых роз.

Алена вскочила с места и, промокая салфеткой мокрые щеки, обняла женщину за плечи, взяла из ее рук букет.

Было трудно узнать в этой элегантно одетой даме недавнюю оборванную незнакомку, лежащую в сугробе на Большой Никитской.

Застенчиво улыбаясь, Мария Кохановская извлекла из сумочки маленькую бархатную коробочку и протянула ее Алене.

— Эта вещь принадлежала семье Оболенских, и Нина Николаевна перед смертью поручила мне найти ее сестру и передать ей это.

Алена открыла футляр и, восхищенно ахнув, продемонстрировала всем сияющий на старинной броши изумруд, обрамленный бриллиантовой россыпью.

— Думаю, она сама с великой радостью вручила бы его вам, Алена, в день вашей свадьбы... Пусть я буду ее посланником. Уверена, души наших дорогих ушедших сестер Оболенских незримо присутствуют здесь, на вашем торжестве, и молятся за ваше счастье. Пусть эта вещь иногда напоминает вам о том, как подчас тернист и неблагодарен путь тех, кто верен себе, тем корням, которые их породили, той чистоте и мужеству, с которым они несли свой крест. Господь соединил их навеки. Простите, что внесла грустную ноту в ваш праздник. — Госпожа Кохановская опустила на стул и, закрыв ладонями лицо, беззвучно зарыдала.

После Алениной свадьбы Петр попытался дать ей почувствовать всю свою горечь по поводу этого так скоропалительно состоявшегося мероприятия.

— Могла бы, между прочим, предупредить. А то выгляжу, как дурак. Все в курсе, кроме меня. А мы с тобой... не так уж чтобы совсем чужие люди, — пробурчал он, целуя Алenu в висок и невнятно присовокупляя свое поздравление.

— А я предпочитаю избегать лишних слов там, где и так все понятно. Будет неправдой, если ты скажешь, что тебе больше по душе путаница в словах, чем затянувшаяся пауза. Пусть даже непозволительно затянувшаяся, произнесла Алена и тихо добавила: — Надо быть честнее в отношениях, Петр. Когда тебе врут, через эту боль теряешь достоинство...

Сиволапов шумно выдохнул и спросил:

— Я так понимаю, свою новую пьесу могу тебе не показывать?

— Это отчего же? — удивилась Алена. — У меня на твоих опусах рука набита. Приноси, почитаю.

— А может, как прежде, мне самому почитать тебе? Как-то привычней.

— Можно и так, — согласилась Алена, — только вот «Бесприданницу» и «Укрощение строптивой» закончу...

Последний прогон «Бесприданницы» с новой актрисой подходил к концу. Работа была чрезвычайно сложной и для Ольги, и для Алены. Одно дело, сыграть на показе маленький отрывок из «Трех сестер», пусть эмоционально-насыщенный, но совсем короткий — эдакий всплеск чувства, темперамента, страсти, и совсем другое — за три часа прожить горькую судьбу Ларисы. Для благополучного юного создания, которое являла собой очень одаренная Ольга Соцкая, это было чрезвычайно сложной пробой, но, в конце концов, к этому и сводится смысл профессии — уметь интуитивно, чувственно постичь то, что никогда не довелось пережить в собственной жизни.

Неожиданно «помог» Петр Сиволапов, в очередной раз продемонстрировав роковое мужское начало для молодых актрис. Он сидел на многих репетициях «Столичной штучки», иногда Алена предоставляла ему право голоса, и тогда он, красивый, рослый, синеглазый, с волнующим взглядом и полнейшим отсутствием комплексов, дружески обнимая за плечи Ольгу, высказывал свои пожелания и советы. Несколько раз Алена видела их выходящими вдвоем из театра, и неоднократно ловила настороженный взгляд Нины Евгеньевны Ковалевой, все чаще забегающей в зал якобы по неотложным производственным вопросам.

На сегодняшней прогон пришла Инга. Она очень редко бывала в театре и Ольгу Соцкую видела едва ли один раз — на премьере «Столичной штучки». Инга вошла в зал в тот момент, когда Алена делала актерам последние наставления, и, чтобы не мешать, опустилась в кресло у двери.

Ольга вздрогнула при ее появлении, и по лицу промелькнула боль и досада.

— Ты меня слушаешь, Оля? — мгновенно попыталась концентрировать внимание актрисы Алена, но по ее нервным напряженным реакциям поняла, что Сиволапов уже глубоко «зазернул» в ее сердце. — Итак, начнем. Забудь все, что я тебе говорила. Живи тем, что чувствуешь, — прогудела она и с раздражением отметила просочившуюся в зал Мальвину со знакомой, плотоядной улыбкой на ярких губах.

«Эта уже тут, как тут. Сейчас подсядет к Инге, и пошло-поехало...»

Алена усилием воли заставила себя отключиться от всего, что ее окружало, зажгла настольную лампу на режиссерском столике, придвинула бумагу и ручку.

«Эффект присутствия Инги» сотворил в актерской природе Ольги Соцкой предполагаемый Аленой переход в новое качество. Но то, что она явила присутствующим в зале, оказалось воистину чудом. Живая боль и страстная, отчаянная, граничащая с безумием жажда ответного чувства вытеснили инфантилизм и ту приблизительность осознания отвергнутости, с которыми так боролась на репетициях Алена...

Гневная, отвергнутая, но не униженная — такой предстала перед Карандышевым в финале Лариса. Ее зеленые глаза были переполнены таким натиском самых противоречивых чувств, таким сердечным брожением и мольбой хоть как-то спасти ее от невыносимости страдания и боли, что вместе с выстрелом Карандышева, казалось, с облегчением вздохнули все зрители.

«Милый мой, какое благодеяние вы для меня сделали! Пистолет сюда, сюда, на стол! Это я сама... сама... Ах, какое благодеяние...»

Боковым зрением Алена заметила присевшую рядом с ней Ковалеву.

Уже понимая, что Ольга выдержала экзамен на пятерку, Алена повернулась к Нине Евгеньевне и спросила шепотом:

— Что-то случилось?

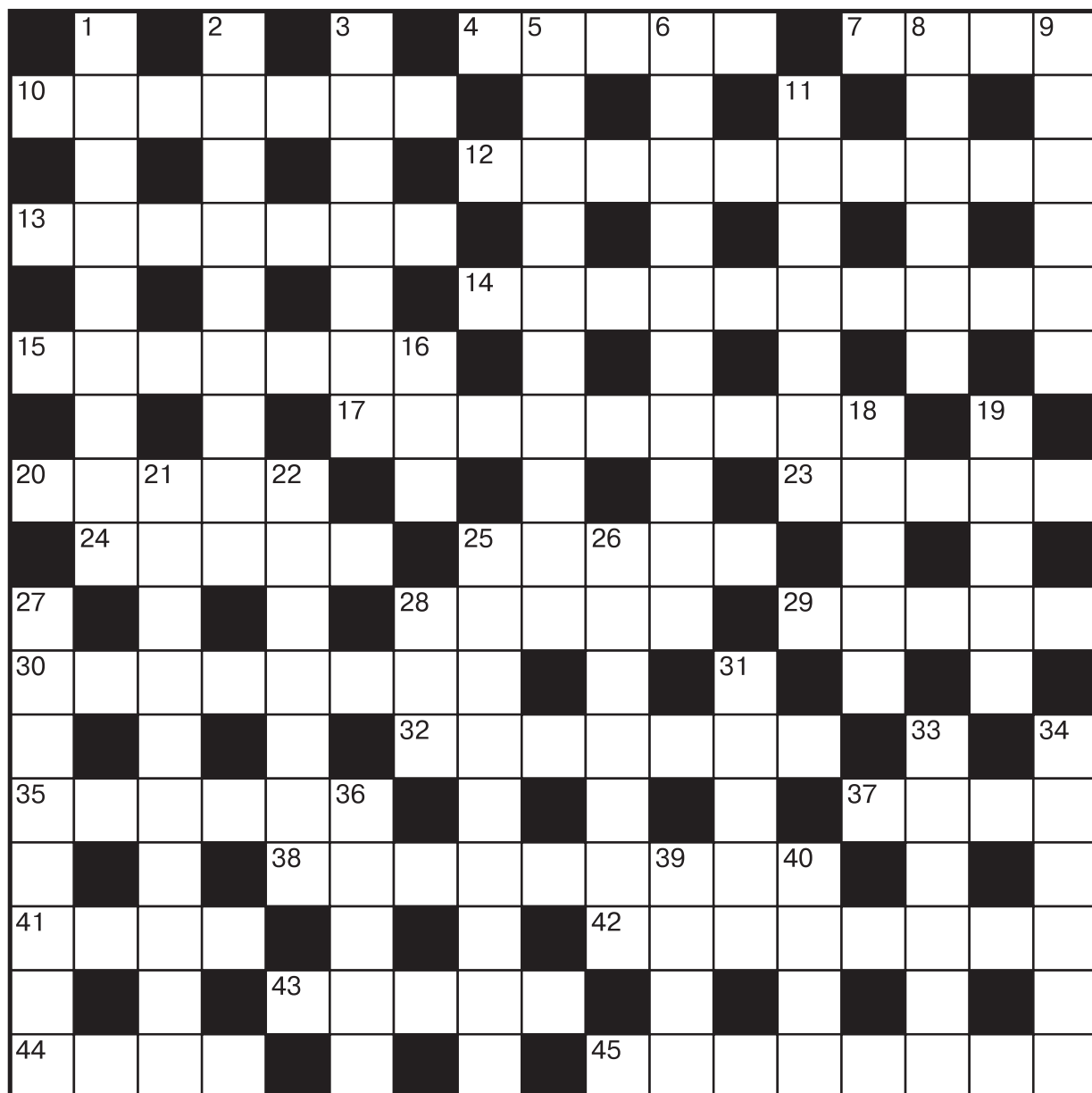
Та обескуражено покрутила головой и так же шепотом ответила:

— У нашей новой вахтерши, у Шаховской, отыскалась какая-то неучтенная внучка в Австрии. Она от радости сама не своя. Ожидает ее приезда со дня на день... Что будем делать?

— Если окажется, что ее зовут Ева, — угрожающе прогудела Алена, — я подам заявление об уходе. — И, протерев запотевшие стекла очков, нагнулась к микрофону:

— Маша, занавес!.. □

КРОССВОРД

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: **4.** Какому танцу посвящен один из национальных праздников Аргентины? **7.** Гуру для ученика. **10.** Какой напиток арабы считают «лекарством от всех болезней»? **12.** Студент на довольствии у государства. **13.** «Вельможа в случае» на современный лад. **14.** Кто выезжает на место преступления?

15. «Дрожью неверной выдали нервы». **17.** Какой клуб присуждает футбольную премию «Человек и паровоз»? **20.** Кто всех с Незнайкой познакомил? **23.** Каким инструментом легче всего вывести соседей из себя? **24.** Ядовитый пришелец из комиксов Marvel. **25.** Чем заполняют воздушные шары, чтобы они

летали? **28.** Мастер стройных рассуждений. **29.** «Частая ... политических взглядов ведет к косоглазью». **30.** Кому легко перекричать оппонентов? **32.** Банкнота Временного правительства на народный лад. **35.** Земля среди моря. **37.** «Чем больше забирают из колодца, тем чище и живительней ...» **38.** Из каких цветков «делают себе шапочки» эльфы в немецких лесах? **41.** Кто из патриархов Голливуда откровенно потешается над Канье Уэстом? **42.** Внутриклеточная полиция. **43.** Шахматная башня. **44.** Куда ходят на исповедь? **45.** Первый игровой фильм русского кинематографа «Понизовая ...»

ПО ВЕРТИКАЛИ: **1.** «Братская» фамилия из романа Федора Достоевского. **2.** Что получилось после того, как «рояль в гармошку засунули»? **3.** Какой хоккейный клуб тренируется на стадионе «Фетисов Арена»? **5.** Чем Остап Бендер предлагал

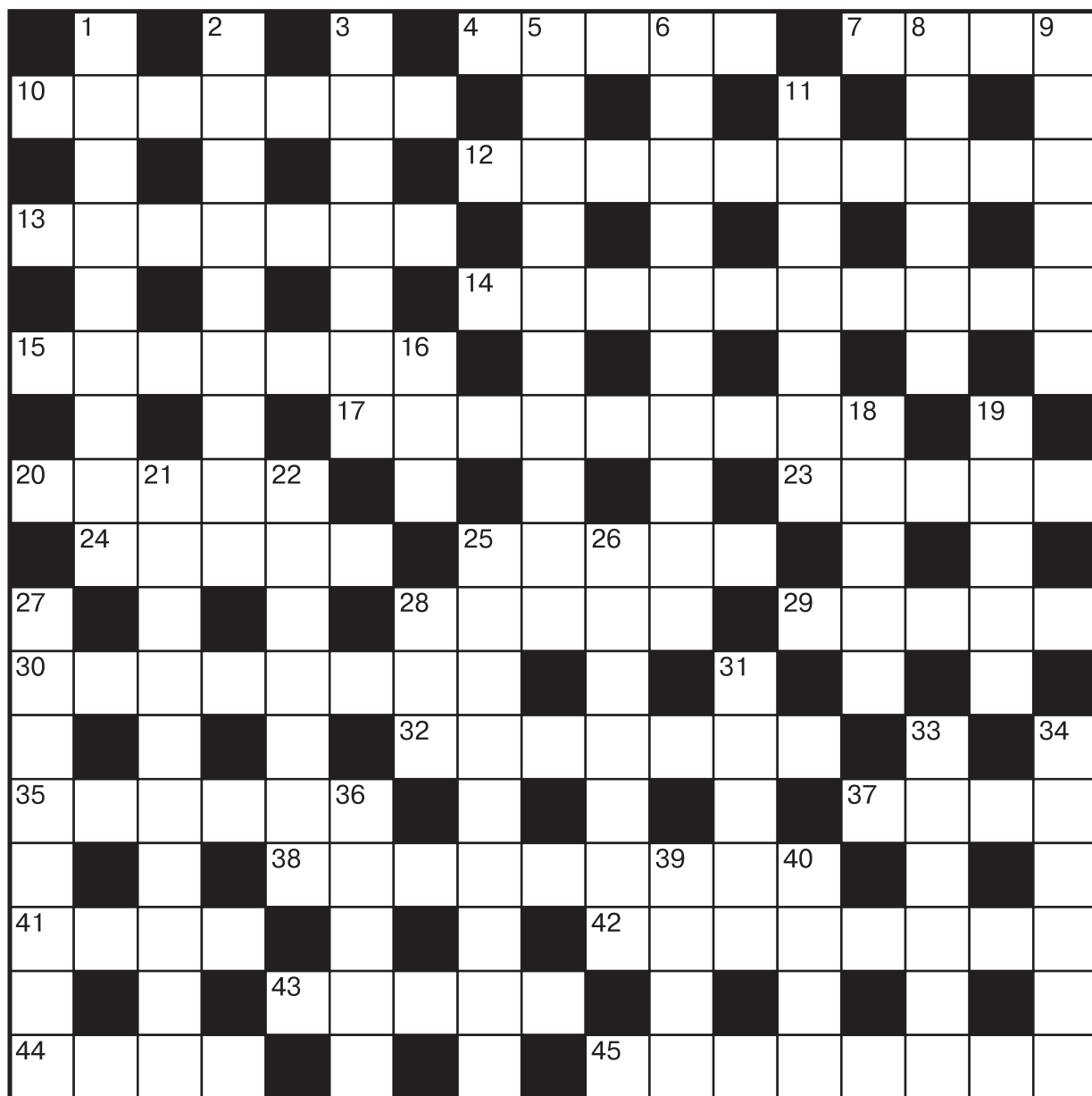
ударить по бездорожью и разгильдяйству? **6.** У кого давление всегда «на высоте»? **8.** Жители страны, когда-то бывшей Савским царством. **9.** Обряд, исполненный торжественности. **11.** Какой робот с человека списан? **16.** Злейший враг диеты. **18.** Затягивают, но не дело. **19.** Что составляет основу корейского блюда пхаджон? **21.** Кто вечно подслушивает в телефильме «Чародеи»? **22.** Самый распространенный элемент космоса. **25.** Кто из дочерей короля Лира получил имя в честь богини Венеры? **26.** Политический вольнодумец. **27.** Какая рыба в минуты опасности превращается в сплошной колючий шар? **28.** Паркетное покрытие. **31.** Сбор с вредных привычек. **33.** Военная песня на стихи Льва Ошанина. **34.** «Взвод сорванцов». **36.** Процесс преобразования у стилиста. **39.** Венецианский остров из романа Дэна Брауна «Инферно». **40.** Какая специя доставляет организму так необходимый ему натрий?

Ответы на кроссворд, опубликованный в №4

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: **4.** Охота. **9.** Лампада. **11.** Наезд. **12.** Апухтин. **14.** Ибица. **15.** Ноздрев. **16.** Окрас. **18.** Повар. **20.** «Чародеи». **23.** Зефир. **25.** Рига. **28.** Фавикон. **29.** Прииск. **30.** Душа. **32.** Винир. **33.** Гусар. **34.** Асклепий. **36.** Пожарогас. **38.** Гепарин. **39.** Бежар. **40.** Пексесо. **41.** Литва. **42.** Стенд. **43.** Подошва. **44.** Этика.

ПО ВЕРТИКАЛИ: **1.** Разброд. **2.** Спецназ. **3.** «Ада». **5.** Хохмач. **6.** Тмин. **7.** Гарднер. **8.** Взлет. **10.** Апокриф. **13.** Носорог. **17.** «Сатирикон». **19.** Рейсфедер. **21.** Иисус. **22.** Загар. **24.** Радий. **26.** Сплав. **27.** Симка. **30.** Дубовской. **31.** Шаманство. **32.** Визажист. **35.** Патефон. **36.** Пиквик. **37.** Лента. **38.** «Гаянэ».

ЭРУДИТ

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: **4.** Пьеса о любви престарелой и юной актрисы к пожилому писателю. **7.** Самое коммунистическое имя времен СССР. **10.** Эру Илуватар из «Сильмариллиона». **12.** Живописная перспектива, впервые описанная Леонардо да Винчи. **13.** Единственный фонтан в Берне, полностью сохранивший свой

изначальный облик. **14.** Коллекционер спичечных этикеток. **15.** Полоска для тестирования запаха. **17.** Порученец папы римского. **20.** «Желтки святой Терезы» среди испанских десертов. **23.** Перуанский салат из пальмовой капусты. **24.** Марк с живописью цветочного поля. **25.** Кому Валентин Пикуль посвятил свою миниатюру «Досуги

любителя муз»? **28.** Какой итальянский аперитив французы любят добавлять в пиво? **29.** Легендарный гладиатор, который четырежды получал свободу, но всякий раз подписывавший новый договор на поединки. **30.** Молодое вино из Молдавии. **32.** Система физических упражнений, названная по имени изобретателя. **35.** Казачья плеть. **37.** Остров, связанный с легендой об Атлантиде. **38.** Младший офицер византийской армии. **41.** Казахская борзая. **42.** Бархатный шнурок для вышивки. **43.** Третьейский судья у мусульман. **44.** Месяц древнего армянского календаря. **45.** Власяница на римский манер.

ПО ВЕРТИКАЛИ: **1.** Итальянский стрелок, который традиционно носит султан из больших перьев. **2.** Афинский тиран, первым повелевший записать поэмы Гомера. **3.** Немецкий биолог, прозванный «Бремом XX ве-

ка». **5.** Близ какого монастыря родился Парацельс? **6.** Изобретение французского физика Андре Ампера. **8.** Первый из девяти афинских архонтов. **9.** Гималайский пони. **11.** Религиозный философ, учитель Владимира Соловьева. **16.** «Благодаря адским машинам многие попали в ...» **18.** Какую вокальную технику преподают в университете прикладных наук Люцерна? **19.** Культура вируса. **21.** Аквариумная рыбка. **22.** Аптекарская мера, приказавшая долго жить. **25.** Какая держава воюет с Блефуску? **26.** Деревянное блюдо под сливочное масло у литовцев. **27.** Экспонат в коллекции ксерофила. **28.** Прототип кропача. **31.** Золотая монета, упомянутая в «Тарасе Бульбе». **33.** Кто вроде как заканчивал «Джоконду»? **34.** Прорицатель из «Апокалипсиса». **36.** Индийский носорог, но не зверь. **39.** Гвинейская валюта. **40.** Ссылный снеговик из мультфильма «Корпорация монстров».

Ответы на эрудит, опубликованный в №4

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: **4.** Тубус. **9.** Вютерих. **11.** Чокои. **12.** Ландсир. **14.** Ицэле. **15.** Нортшор. **16.** Дарем. **18.** Солод. **20.** Таратор. **23.** Зевок. **25.** Вери. **28.** Тестудо. **29.** Уоллер. **30.** Мино. **32.** Пинна. **33.** Докет. **34.** Каудалия. **36.** Католикон. **38.** Софтбол. **39.** Ручер. **40.** Ниньяра. **41.** Алани. **42.** Жемка. **43.** Подошва. **44.** Стерх.

ПО ВЕРТИКАЛИ: **1.** Гютцпот. **2.** Берлиоз. **3.** Фил. **5.** Уаджет. **6.** Утин. **7.** Костров. **8.** Повоз. **10.** Ханазот. **13.** Роландо. **17.** Мартингал. **19.** «Делегатор». **21.** Репик. **22.** Пивот. **24.** Кения. **26.** Душка. **27.** Олеум. **30.** Могильное. **31.** Недоброво. **32.** Пистолет. **35.** Долихос. **36.** Коннор. **37.** Фугер. **38.** Секко.

Уважаемые читатели! Открыта подписка на 2-е полугодие 2023 года:

1. Оплатить квитанцию на сумму, соответствующую Вашему выбору подписки, в любом отделении Банка или через личный кабинет по реквизитам. 2. Заполнить купон:

Ф. И. О. _____

Дата рождения _____ Индекс _____

Обл./край _____ Район _____

Город _____ Улица _____ Дом _____ Корп. _____ Кв. _____

Код города _____ Телефон _____ Эл. адрес _____

3. Выслать копию купона и оплаченной квитанции на электронную почту: sales-smena@yandex.ru

Стоимость с доставкой простой бандеролью*	Стоимость с доставкой заказной бандеролью
За 1 номер — 216 рублей 70 копеек	За 1 номер — 245 рублей 30 копеек
За полугодие — 1300 рублей 20 копеек	За полугодие — 1471 рублей 80 копеек

* ОТПРАВЛЕНИЕ ПРОСТОЙ БАНДЕРОЛЬЮ ПО ПОЧТОВЫМ СТРУКТУРАМ НЕ ОТСЛЕЖИВАЕТСЯ!

** Цены указаны с учетом пересылки, но без учета комиссии банка.

Извещение	ООО «Журнал «Смена» <small>получатель платежа</small>		
	Расчетный счет		40702810410150414401
	ПАО «Промсвязьбанк» <small>наименование банка</small>		
	Корреспондентский счет		30101810400000000555
	ИНН 7714026110		КПП 771401001
	БИК 044525555		Код ОКПО 11396455
	<small>другие банковские реквизиты</small>		
	Адрес:		
	Ф.И.О.		
	Вид платежа		Дата
Подписка на журнал «Смена»			
Подпись плательщика			
Кассир Извещение	ООО «Журнал «Смена» <small>получатель платежа</small>		
	Расчетный счет		40702810410150414401
	ПАО «Промсвязьбанк» <small>наименование банка</small>		
	Корреспондентский счет		30101810400000000555
	ИНН 7714026110		КПП 771401001
	БИК 044525555		Код ОКПО 11396455
	<small>другие банковские реквизиты</small>		
	Адрес:		
	Ф.И.О.		
	Вид платежа		Дата
Подписка на журнал «Смена»			
Подпись плательщика			
Кассир			

Приглашаем на наш сайт: <http://smena-online.ru/>

Уважаемые читатели!

На журнал "Смена" открыта подписка на 2023 год во всех отделениях почтовой связи. Оформить подписку можно по следующим подписным индексам:

ОФИЦИАЛЬНЫЙ КАТАЛОГ АО «ПОЧТА РОССИИ» «ПОДПИСНЫЕ ИЗДАНИЯ»		П2431 — основной подписной индекс П2446 — льготный подписной индекс П3292 — годовой подписной индекс
---	---	---

ОФОРМЛЕНИЕ ПОДПИСКИ В РЕСПУБЛИКЕ КРЫМ осуществляется в любом отделении почтовой связи ФГУП «Почта Крыма»

* Подписные индексы действительны для подписчиков Российской Федерации

Вся
пресса
в одном
месте!

 PRESSA.RU

**ВНИМАНИЕ,
КОНКУРС!**

ISSN 0131-6656

Дорогие читатели!

Все вы наверняка помните строчки из известной песни
«Куда уходит детство, в какие города? И где найти нам средство,
чтоб вновь попасть туда?..» Детство — это, наверное, лучшее время
нашей жизни, светлое и теплое.

Увы, все когда-нибудь кончается... Но, постепенно уходя во взрослую жизнь,
мы храним воспоминания о прекрасной поре, которая была окрашена
в самые удивительные и невероятные цвета.

Вот мы и решили в 2023 году объявить среди наших подписчиков конкурс

«КУДА УХОДИТ ДЕТСТВО...»

Напишите нам в форме рассказа или письма о самых ярких
и незабываемых моментах своего детства, об этом счастливом
(а может, и не очень) периоде в вашей жизни.

Тексты с пометкой «На конкурс» принимаются в электронном виде
на адрес: tomasmena@mail.ru до конца октября 2023 года.

Итоги, как всегда, будут подведены в конце года и опубликованы
в первых номерах 2023 года, а трое победителей получают премии
в виде бесплатной подписки на журнал «Смена».

Первая премия — бесплатная годовая подписка

Вторая премия — бесплатная годовая подписка
на электронную версию журнала

Третья премия — бесплатная полугодовая подписка

*Ждем от вас интересных историй.
Удачи, друзья!*

